

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 28-11-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 28-11-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, р.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

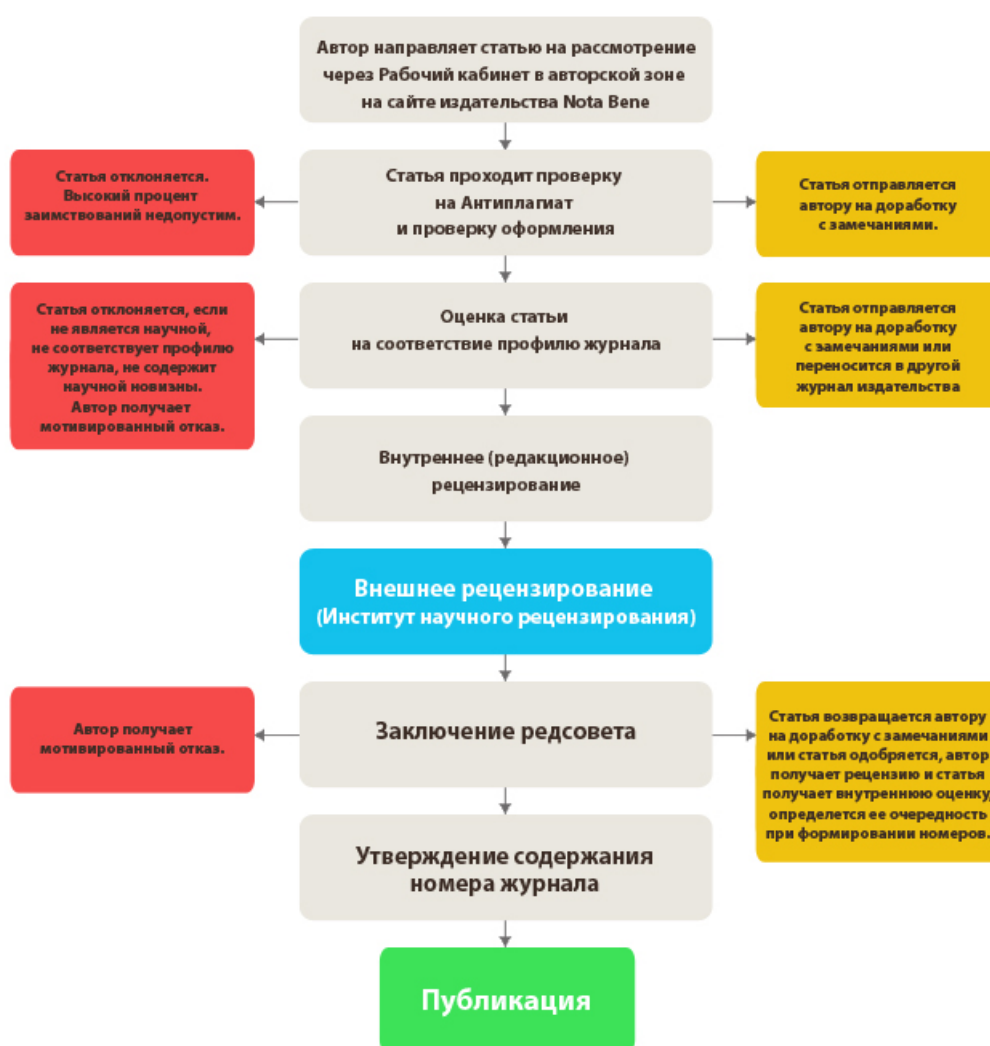
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Бакуменко Г.В. Эпистемологический фронтир в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда	1
Эзри Г.К. Проблема бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота	12
Дорохин В.М. Проблема пространства и времени в гравитации с точки зрения утверждения об отсутствии абсолютностей	33
Пинская М.В., Свиридова И.Д. Виртуализация реальности как культурная универсалия	52
Хасиева М.А., Цховребова Б.Ф. Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век»)	65
Потапов М.Ю. Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности	76
Плужникова Н.Н., Саенко Н.Р. Технософия: методологические ресурсы	91
Бабаева А.В. Русский язык в пространстве Русского мира: от определения статуса к постулированию заботы	102
Англоязычные метаданные	117

Contents

Bakumenko G.V. The Epistemological Frontier in the Culture of Science Communication after Paul Feyerabend	1
Ezri G.K. The problem of the unconscious in German post-Hegelian theism, French Spiritualism, Russian religious philosophy in the context of the anthropological turn	12
Dorokhin V. The problem of space and time in gravitation from the point of view of the absence of absolutes	33
Pinskaya M.V., Sviridova I.D. Virtualization of Reality as a Cultural Universal	52
Khasieva M.A., TShovrebova B.F. Social Utopia in Victorian Literature (based on the novel by W.G. Hudson "The Crystal Age")	65
Potapov M.Y. The development of the concept of personality: from individuality to autonomy	76
Pluzhnikova N.N., Saenko N.R. Technosophy: methodological resources	91
Babaeva A.V. Russian language in the space of the Russian World: from status determination to the postulation of care	102
Metadata in english	117

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бакуменко Г.В. Эпистемологический фронт в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда //

Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.72190 EDN: ECOXYE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72190

Эпистемологический фронт в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда

Бакуменко Геннадий Владимирович

ORCID: 0000-0002-1661-9428

кандидат культурологии

независимый исследователь

352900, Россия, Краснодарский край, г. Армвир, ул. Мира, 80, оф. 1

✉ genn-1@mail.ru



[Статья из рубрики "Рубежи и теории познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.72190

EDN:

ECOXYE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Дата публикации:

07-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является эвристический потенциал теоретического конструкта «эпистемологический фронт», описывающего состояние научного знания в условиях методологического плюрализма. Постнеклассический этап в развитии науки характеризуется сосуществованием понятий об объекте, сформулированных в различных парадигмах и на основе разных теоретических подходов. Культура научной коммуникации, как область созидания, сохранения и освоения научного знания, являющаяся объектом нашего внимания, существенным образом расширяется, включая в себя разные эпистемологические традиции. Поэтому и возникает методическая необходимость включения в орбиту теоретического внимания области научного знания, образующегося между двумя и более несводимых к общему

диалектическому основанию понятий. Цель статьи состоит в раскрытии дескриптивного и эвристического потенциала конструкта «эпистемологический фронтир» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных П. Фейерабендом космологических оснований научного творчества (аристотелевского и современного, посткопернианского). Для достижения поставленной цели в рамках философско-аналитической методологии автор решает две научно-познавательные задачи: формализует конструкт «эпистемологический фронтир» и рассматривает его применимость для понимания философии Фейерабенда. Предложенный автором теоретический конструкт «эпистемологический фронтир», безусловно, нуждается в дальнейшей теоретической критике, в том числе и уточнении пределов его применения. Эвристический же его потенциал состоит, прежде всего в том, что с его помощью можно зафиксировать одновременную справедливость и истинность противоречащих друг другу положений, сформулированных на основе различных теоретических позиций: многомерность истины, даже если она парадоксальна, таким образом, уже не является признаком ложности одного из суждений (такое, безусловно, случается, но не во всех случаях). Сосуществование противоречивых истин (и даже шире — эпистемологий) становится нормой, особенно в сфере социально-гуманитарных наук. К примеру, осмысление наследия отдельных теоретиков культуры советского времени требует сопоставления заявленных ими марксистских позиций с иными подходами, иначе теряется значительная, порою наиболее фундаментальная часть теоретического опыта ученых, мысливших гораздо шире канонизированных марксистско-ленинских догматов.

Ключевые слова:

Пол Фейерабенд, научное творчество, эпистемологический анархизм, эпистемологический дадаизм, эпистемологический фронтир, эпистемологическое разнообразие, эпистемологическая справедливость, дескриптивный потенциал, эвристический потенциал, культура научной коммуникации

1. Введение

Изобретение альтернатив лежит в основании европейской науки, предложившей способ прересборки социальности на основе концепции научно-технологического прогресса, сменив религию на социальной лестнице между властью и обществом и существенным образом расширив обыденные представления о реальности посредством секуляризованной системы образования. Такое «привилегированное» положение, по мысли П. Фейерабенда, пагубно для науки [\[1\]](#). Поскольку ангажированная элитой теоретическая традиция в стремлении сохранить за собой монополию на истину оказывается не заинтересована в пересмотре своих постулатов и к нему неспособна, слепое следование ей относится скорее к форме религиозного самосознания, нежели к системе постижения и освоения рационального знания [\[2, с. 19-20; 64\]](#).

Необходимость экспликации в теоретический дискурс конструкта «эпистемологический фронтир» обусловлена попыткой акцентировать внимание на существенных структурных изменениях трансляции и освоения научного знания в условиях методологического плюрализма, детерминантой которых является эпистемологическое многообразие. Наиболее очевидны эти изменения в гуманитарных науках [\[3\]](#), но не меньшую роль они играют и в освоении естествознания [\[4-6\]](#). Речь идет о справедливости провозглашенного Фейерабендом сомнения не только в мнимом праве на доминирование

отдельных традиций, как систем представлений, но и в устойчивости их категорий, направляющих творческое мышление в проторённое русло объектива наблюдения [2, с. 53, 69]. Позиция Фейерабенда спровоцировала постановку проблемы эпистемологической справедливости [7; 6]. Проблема охватывает в целом культуру научной коммуникации, которая, с одной стороны, не существует вне паллиатива правил и традиций, а с другой — требует постоянного их пересмотра, оставаясь наиболее динамичной областью репрезентации научного знания [7–9].

Воспользовавшись метафорой наблюдателя, Фейерабэнд выделяет два типа космологий: конечный космос (аристотелевский) и бесконечный (современной науки) [10]. Ключевым отличительным признаком двух типов становится роль ошибки: в первом случае ошибка локализована и не ведет к пересмотру онтологической целостности, во втором — становится постоянным модусом расширения онтологии. Для Фейерабенда существенной остается задача аргументации справедливости (эпистемологического равенства) двух выявленных типов формирования научной картины мира. По существу, речь идет о продуктивности двух типов фундаментальных оснований научно-технического творчества: в логике закрытых (конечных) систем, которой соответствует букинистическая логика-целостность, исключающая ошибку как аномалию, и в логике открытых систем, которой соответствует дискретная логика, где отсутствие ошибки свидетельствует о частном случае (аномалии) фрагмента реальности. Вполне уместно предположить, что если оба из оснований могут дать как положительный, так и отрицательный результат, то и между ними может быть достойный теоретического внимания горизонт событий.

Цель статьи — раскрыть дескриптивный и эвристический потенциал конструкта «эпистемологический фронтир» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных Фейерабэндом космологических оснований научного творчества. Для её достижения формализуем конструкт «эпистемологический фронтир» и рассмотрим его применимость для понимания философии Фейерабенда.

2. Теоретический конструкт «эпистемологический фронтир»

Метафора фронта (горизонта) науки, описывающей некоторую область передовых рубежей, не требует отдельного представления. На её распространенность указывают заголовки научной литературы [11; 12], издательского проекта швейцарских нейробиологов и т. д. Подвижной характеристикой обладает и метафора, указывающая на зависящую от точки зрения границу между философией и наукой [13]. Эта метафора широко используется для приблизительного указания на область знания, обладающего двумя противоречивыми характеристиками: с одной стороны, — это предполагаемый значительный эвристический потенциал, способный реализоваться в прорывных технологиях и существенно изменить представления о реальности, с другой — напротив, высокая невостребованность, обусловленная вероятностью преувеличения потенциала. Ключевой парадокс фронта науки указывает на безразмерность содержания выражающей его метафоры и исключает возможность её категоризации.

Конструкт «эпистемологический фронтир» близок распространенной метафоре, но затрагивает несколько иную дескриптивную область, образующуюся в результате сопоставления двух и более различных понятий или теорий, по-разному характеризующих часть реальности. Несмотря на то, что подобное сопоставление является частью весьма распространенной мыслительной процедуры, сопровождающей общетеоретические методы анализа и синтеза, до последнего времени сама эта

дескриптивная область (некоторое состояние знания, предназначенного для дальнейшего осмысления) не получила общепринятого определения. Для её раскрытия представляется возможным адаптировать «тезис фронта» Ф. Дж. Тёрнера, оживленного российскими теоретиками [\[14; 15; 16, с. 269–270\]](#), поскольку его объектом является некоторая лиминальная область, противопоставленная доминирующей тенденции.

Идея применения конструкта «эпистемологический фронт» подготовлена дискуссиями о пределах рационального знания.

На ограниченность позитивистского решения классической методологической проблемы, предполагающего перспективу кумулятивного накопления субъектом знаний о объекте, указывал А. Бергсон, подчеркивая парадоксальность дескрипции статичными категориями подвижной (протяженной) реальности [\[17, с. 206–299\]](#). Обосновывая прагматическую теорию восприятия и трактуя познание как вступление сознания в протяжённость вещей, он, по существу, предвосхищает не только выводы неклассической физики, но и нетривиальные постструктуралистские концепции социологии науки [\[18; 19\]](#), и постнеклассические системные представления [\[20; 21\]](#). Протяженность реальности предполагает, что дескрипция наиболее точно отражает лишь дискретные её состояния: отношение познания к реальности не ограничивается диалектикой фазового перехода количественных изменений в качественные, что, безусловно, происходит, но далеко не всегда. За пределами логики дескриптивных систем научного знания сохраняется вероятность как ризомных отношений знания к объекту познания [\[22\]](#), что с классической точки зрения равносильно заблуждению или слабо аргументированной теории, базирующейся на гипотетических допущениях, так и многообразия сетевых полимодальных конструкций [\[19\]](#), отражающих относительность детерминированного условиями и инструментами наблюдения знания.

Понятие, как элемент системы научных представлений, описывает некоторый сегмент реальности, выделяя из множества общих и отличительный его признак, попадающей в объектив наблюдения. Но как описать явление большей протяженности, нежели объектив наблюдения?

Одним из решений является принцип комплементарности Н. Бора. Восхищение П. Фейерабенда его позитивистикой не случайно [\[23–25\]](#). Неклассическая физика опирается на вероятностный анализ физических процессов, преодолевая протяженность реальности, неподдающуюся прямому наблюдению. В результате представление о реальности включает в себя особое эпистемологическое пространство между двумя или несколькими вероятностями и именно в этом, определенном в вероятностных пределах пространстве наше представление смыкается с вероятностью реальности. Представление о реальности в этом её вероятностном промежутке можно зафиксировать и передать лишь с помощью нескольких понятий или множественных величин. Возникает необходимость зафиксировать область наших представлений о реальности в пределах двух или нескольких понятий (двух или нескольких теорий) теоретическим конструктом «эпистемологический фронт».

Эпистемологический фронт — это теоретический конструкт, возникающий в результате дескрипции некоторой части реальности, а также двух или нескольких теорий, описывающих реальность, не с помощью единственного конкретного понятия или единой общей категориальной системы, а путем сопоставления двух или нескольких понятий описываемой части реальности, в том числе взаимоисключающих, или двух и более

теорий. Эпистемологический фронтير является особой формой теоретической репрезентации реальности, предполагающей неоднозначность или многогранность, в том числе и недостаточную изученность описываемого объекта. В отличие от распространенной метафоры научного фронта, эпистемологический фронтир имеет пределы содержания в границах сопоставленных понятий или теорий. В отличие от дескрипции, характеризующейся истинностью / ложностью, базовой сущностной характеристикой эпистемологического фронта является полнота охвата множества понятий (теорий) описываемой части реальности. В отличие от категории понятия, подразумевающей максимальную определенность, эпистемологический фронтир может включать гетерогенные характеристики объекта ввиду проявления его различных свойств в различных средах или в результате существенно отличающихся инструментальных характеристик оптики или условий их наблюдения. Эпистемологический фронтир не обязательно фиксирует определенность некоторой части реальности, но позволяет указать на вероятность проявления её свойств в описанных пределах.

Эпистемологический фронтир, таким образом, акцентирует внимание на протяженности части реальности в ущерб однозначности её описания. Как только при помощи выверенной на опыте теории мы приближаемся к однозначной определенности объекта познания, мы покидаем фронтирную зону вероятностных значений и обнаруживаем один из пределов соответствующего эпистемологического фронта, однако вероятность промежуточных значений не исключается, а подчеркивается восхождением к иным пределам эпистемологического фронта.

К примеру, обзор У. Линча инакомыслия и разнообразия [\[7\]](#) один из пределов «серой зоны» эпистемологических фронтиров определяет в вопросах, по отношению к которым в науке утвердился консенсус, а альтернативные мнения подвергаются критике с целью отсева наиболее рациональных сомнений в доминирующих трендах. В результате Линч сокращает «серую зону» научных представлений, обнаруживая, что не все альтернативные позиции следует воспринимать всерьез. Линч устанавливает пределы эпистемологического разнообразия и сокращает область эпистемологических фронтиров.

3. Эпистемологические фронтиры демократического релятивизма

Представленный теоретический конструкт позволяет усмотреть различия теории научно-исследовательских программ [\[26\]](#) и концепции демократического релятивизма [\[2; 10\]](#) в отношении движущих сил развития науки. Если Лакатос наблюдает фронтирную зону отдельных теорий (область эпистемологических фронтиров) в их «предохранительных поясах», то Фейерабенд на примере копернианской революции вскрывает историко-культурную обусловленность формирования «жесткого ядра» фундаментальных допущений в области эпистемологических фронтиров. Прогностический потенциал научных теорий, как базовый фактор их конкурентоспособности, остается общим основанием построения эпистемологических моделей у Лакатоса и Фейерабенда, но эпистемологический анархизм предполагает более широкую область инновационного научного мышления за счет отказа от иерархической соподчиненности «жесткого ядра» и «предохранительных поясов» [\[10, с. 80\]](#). Позиция Лакатоса остается классической в том смысле, что он отстаивает эпистемологическое единство «жесткого ядра», в то время как его оппонент мыслит неклассически, указывая на равноправие конкурирующих эпистемологических моделей, и предполагает иную природу движущих сил науки: не стремление к усилению жесткости теоретического ядра, а напротив, стремление к её размыванию путем преодоления существующих ограничений. Научная картина мира

Фейерабендом мыслится уже в качестве аналитического паллиатива, непосредственно провоцирующего инновации. Понимая и собственную методологическую установку в качестве временного паллиатива, Фейерабенд устанавливает новую цель философии науки — деконструкцию доминирующих традиций.

Фейерабенд в равной мере стоит особняком по отношению к онтологии науки Лакатоса и Т. Куна [\[27\]](#). И Кун, и Лакатос усматривают в дивергенции общего поля эпистемологии науки, в её расслоении на сложную совокупность частных эпистемологий, временное состояние, требующее конструктивистских усилий для восстановления общей системы. Особенность же позиции Фейерабенда в том, что дивергенция общего поля эпистемологии науки возводится до уровня методологического принципа. Частным случаем, по Фейерабенду, выглядит как раз иерархически организованная система научных представлений, а столкновение частных эпистемологий и их конкуренция составляют общее поле научного поиска. Фейерабенд мыслит поле философии науки как сложную совокупность эпистемологических фронтиров, поиск и уточнение пределов которых становится главной целью. Подчеркнем, аналитическая диспозиция двух и более эпистемологий в трудах Фейерабенда нацелена не на деконструкцию отдельных представлений в интересах конструирования одной, а на «оправдание» множества вероятностей. Можно прямо указать, что диспозиция космологий, традиций, наборов норм и правил, исследовательских программ в различных отраслях знания с позиций Фейерабенда не ведет к депривации одних систем в пользу других, но указывает на продуктивность сохранения диспозиций и конкуренции.

В этой связи требует отдельного комментария трактовка Р. Кентом метода Фейерабенда как «философского дадаизма» [\[28\]](#), имеющая свои основания [\[29, p. 115; 30, p. 294-295\]](#). Конструкт эпистемологического фронта, как временный методический паллиатив, позволяет несколько иначе взглянуть на причину обращения Фейерабенда к диалектическому материализму.

Доводы Кента сводятся к постмодернистской игре Фейерабенда, в которой ирония на более высоком метатеоретическом уровне доминирует над логической стройностью аргументации, провоцируя деконструкцию реальности. Соглашаясь с Кентом в том, что обращение Фейерабенда к обоснованию продуктивности диалектического материализма не носит случайного характера, обратим внимание на образующийся эпистемологический фронт между эпистемологическим анархизмом, не порывающим связи с аналитической традицией, и диалектическим материализмом, отрицающим идеализм в принципе.

Именно парадокс несводимости двух взаимоисключающих философских оснований в общее поле научной картины мира с позиций любой из этих двух традиций вызывает недоумение и дает повод относиться, с одной стороны, к раннему диалектическому опыту Фейерабенда как к интеллектуальной «игре в лошадки», а с другой — отнести к иронии или игре все последующие дебаты Фейерабенда с коллегами по цеху. Собственно, дилеммы не существует, если мы отнесем к интеллектуальной игре все наследие Фейерабенда в его совокупности или же примем демократический релятивизм в качестве временного паллиатива определения границ эпистемологических фронтиров в любых существующих или вероятных, т. е. любых возможных перспективах. Для мыслительного эксперимента у нас образуется выбор из трех возможных вариантов: два из них описал К. Поппер, разграничив «открытое общество» и его «врагов», а третий предложил Фейерабенд, усомнившись в возможности выбора одного из предложенных Поппером вариантов. Выбор между «открытым» или «закрытым» попперовскими обществами — это выбор между идеалами, которые на деле представляют собой пределы

эпистемологического фронта, подразумевающего вероятность реальности как в максимальном приближении к пограничным состояниям, так и между обозначенными границами.

В целом соглашаясь с доводами и выводами Кента, отметим, что философский дадаизм остается для Фейерабенда одним из возможных методических паллиативов, абсолютизация которого входит в противоречие с базовым принципом демократического релятивизма, признающего эпистемологическое равенство в конкурентной борьбе превращения научного знания в преимущество.

Подчеркнем, что теоретический конструкт эпистемологического фронта остается лишь аналитическим средством, предполагающим вариативность реальности. Но он же позволяет усмотреть и существенные изменения в культуре научной коммуникации, обретшие во второй половине XX в. необратимый характер. Речь идет о том, что, признаем ли мы эпистемологическое разнообразие или отвергаем его в угоду монополии какой-либо конструкции реальности, полученное в результате знание уже не может существовать в единой безальтернативной системе. Оно транслируется по различным каналам дискретно, создавая условия фрагментации реальности. Попытки же персборки реальности для преодоления её шизоидной фрагментированности ведут к сомнению в системной целостности транслируемых систем знания. Поэтому культура научной коммуникации сегодня представляет собой систему трансляции сложной совокупности эпистемологических фронтов, требующих в каждом конкретном случае уточнения своих пределов.

4. Заключение

Таким образом, если Устрицкий с коллегами определяет практическую ценность теоретического конструкта «социокультурный фронт» в описании с его помощью подвижной части реальности, т. е. онтологической подвижности реальности, описанной несводимыми диалектически к общим основаниям понятиями, сформированными в различных теоретических традициях [\[3\]](#), то объем знания, заданный в пределах сопоставляемых понятий представляет собой эпистемологический фронт. Речь идет о пределах диалектической логики, которые наиболее очевидны именно в области социально-гуманитарного знания, где такие объекты познания, как: человек, творчество, жизнь, искусство, коммуникация и др. — в принципе в рамках постнеклассической парадигмы не могут быть определены однозначно. При этом принцип эпистемологической справедливости оправдывает существование научного знания одновременно в нескольких парадигмах. Например, с неоклассических позиций оправдана интенция к обобщению и сведению представления о части объективной реальности к конкретному определению и четкому понятию, в то время как постнеклассическая парадигма не отрицает справедливости двух и более различных понятий одного и того же объекта.

Следует обратить внимание, что с конца XX в. не только научные отрасли, но и отдельные дисциплины (например, культурология, политология, коммуникативистика и пр.) апеллируют не к одной единственной теории, а к совокупности теорий, между которыми образуется поле эпистемологических фронтов. От чего общее исследовательское поле такой науки с классических позиций в принципе не может считаться наукой, оставаясь междисциплинарным пространством научного знания. Но если в одних случаях возможна конвергенция и взаимодополнение, то в других случаях диалектический синтез невозможен по принципиальным соображениям. Здесь и возникает пространство эпистемологического фронта.

Ярким примером раскрытия эпистемологического фронта является диалогический метод, предложенный в рамках общего поля наук о коммуникации Р. Крейгом [31–33]. Крейг апеллирует к практической ценности успеха коммуникации, даже если его закономерности описаны в различных теоретических подходах, пересекающихся исключительно в общем объекте, но не подразумевающих диалектического синтеза. Однако, практическая ценность эпистемологического фронта не исчерпывается коммуникативистикой. К примеру, осмысление наследия отдельных теоретиков культуры советского времени (А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин и др.) требует сопоставления заявленных ими марксистских позиций с иными подходами, иначе теряется значительная, порою наиболее фундаментальная часть теоретического опыта ученых, мысливших гораздо шире канонизированных марксистско-ленинских догматов.

Предложенный автором теоретический конструкт «эпистемологический фронт», безусловно, нуждается в дальнейшей теоретической критике, в том числе и уточнении пределов его применения. Эвристический же его потенциал состоит, прежде всего в том, что с его помощью можно зафиксировать одновременную справедливость и истинность противоречащих друг другу положений, сформулированных на основе различных теоретических позиций: многомерность истины, даже если она парадоксальна, таким образом, уже не является признаком ложности одного из суждений (такое, безусловно, случается, но не во всех случаях). Сосуществование противоречивых истин, — и шире — эпистемологий, — становится нормой, особенно в сфере социально-гуманитарных наук.

Библиография

1. Feyerabend, P. Democracy, Elitism, and Scientific Method // Inquiry. 1980. Vol. 23, No. 1. P. 3–18.
2. Фейерабенд, П. Против метода : Очерк анархистской теории познания / пер. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ-Москва; Хранитель, 2007. 416 с.
3. Бакуменко, Г.В., Устрижский, О.В., Грицкевич, В.П. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронт» // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2 (77). С. 127–131.
4. Kidd, I.J. Feyerabend on Politics, Education, and Scientific Culture // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2016. Vol. 57. P. 121–128.
5. Niaz, M. Feyerabend's Epistemological Anarchism: How Science Works and its Importance for Science Education. Dordrecht: Springer, 2020. 242 p.
6. Shaw, J. Feyerabend, Funding, and the Freedom of Science: The Case of Traditional Chinese Medicine // European Journal of Philosophy. 2021. No. 11. P. 1–27.
7. Lynch, W.T. Minority Report: Dissent and Diversity in Science. London, UK and New York, NY: Rowman & Littlefield, 2020. 380 p.
8. Lakatos I., Feyerabend P. For and Against Method: Including Lakatos' Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 463 p.
9. Kasavin, I., Shipovalova, L. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies // Philosophy of the Social Sciences. 2022. Vol. 52, No. 5. P. 290–298.
10. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / пер. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
11. Science at the Frontiers : Perspectives on the History and Philosophy of Science / Ed. W. H. Krieger. Lanham, Md. ; Plymouth : Lexington, 2011. xiv, 231 p.
12. The Dynamics of Science : Computational Frontiers in History and Philosophy of Science / ed. G. Ramsey, A. de Block. Pittsburgh, Pa. : University of Pittsburgh Press, 2022. 308 p.

13. *Frontiers of Science and Philosophy* / ed. R. G. Colodny, C. G. Hempel, W. Sellars [and others]. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. 288 p.
14. Басалаева, И.П. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, Ю. А. Мизис [и др.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81–105.
15. Бакуменко, Г.В., Лугинина, А.Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 265–293.
16. Синельникова, Л.Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24, № 2. С. 467–492.
17. Бергсон, А. Творческая эволюция / пер. М. Булгакова // *Творческая эволюция. Материя и память*. Мн.: Харвест, 1999. С. 8–412.
18. Callon, M., Law, J., Rip, A. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*. Basingstoke: Macmillan, 1986. 260 p.
19. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
20. Stepin, V. Historical-Scientific Reconstructions: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge // *Social Sciences*. 2018. Vol. 49, No. 1. P. 58–68.
21. Буданов, В.Г., Аршинов, В.И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевого мышления. Курск: Университетская книга, 2022. 129 с.
22. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.
23. Feyerabend, P. Niels Bohr's Interpretation of the Quantum Theory // *Current Issues in the Philosophy of Science: Symposia of Scientists and Philosophers, (Proceedings of Section L of the American Association for the Advancement of Science, 1959.)* / ed. H. Feigl, G. Maxwell. New York, NY: Holt, Rinehart & Winston, 1961. P. 371–390.
24. Feyerabend, P. Problems of Microphysics // *Frontiers of Science and Philosophy* / ed. R. G. Colodny. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. P. 189–283.
25. Feyerabend, P.K., MacKay, D.M. Complementarity // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1958. Vol. 32, No. 1. P. 75–122.
26. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. В. Поруса. М.: Медиум, 1995. 236 с.
27. Кун, Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. М.: АСТ; АСТ-Москва, 2009. 320 с.
28. Kent, R. Paul Feyerabend and the Dialectical Character of Quantum Mechanics: A Lesson in Philosophical Dadaism // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2022. Vol. 35, No. 1. P. 51–67.
29. Feyerabend, P. Theses on Anarchism // *For and Against Method* / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. P. 113–118.
30. *For and Against Method* / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. 459 p.
31. Craig, R.T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9, No. 2. P. 119–161.
32. Craig, R.T. Pragmatist realism in communication theory // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 115–128.
33. Craig, R.T. Welcome to the metamodel: A reply to Pablé // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 101–108

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Эпистемологический фронтир в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда»

Предметом исследования данной статьи является эпистемологический фронтир как теоретический конструкт, возникающий в результате дескрипции некоторой части реальности, а также двух или нескольких теорий, описывающих реальность, не с помощью единственного конкретного понятия или единой общей категориальной системы, а путем сопоставления двух или нескольких понятий описываемой части реальности, в том числе взаимоисключающих, или двух и более теорий. Автор обращается к подходу П. Фейерабенда, который стал известен благодаря своим анархистским взглядам на процесс научного познания.

В работе использованы метод категоризации, дескриптивный метод, метод анализа, сравнительный метод. Автор аргументированно сопоставляет методологические подходы И. Лакатоса, Т. Куна и П. Фейерабенда в построении эпистемологических моделей.

Актуальность работы определяется тем, что эпистемологический фронтир как особая форма репрезентации реальности, предполагает неоднозначность, многогранность и недостаточную изученность описываемого объекта. Автор подчеркивает необходимость экспликации в теоретический дискурс конструкта «эпистемологический фронтир» обусловлена попыткой акцентировать внимание на существенных структурных изменениях трансляции и освоения научного знания в условиях методологического плюрализма, детерминантой которых является эпистемологическое многообразие. Речь идет о справедливости провозглашенного американским философом П. Фейерабендом сомнения не только в мнимом праве на доминирование отдельных традиций, как систем представлений, но и в устойчивости их категорий, направляющих творческое мышление в проторённое русло объектива наблюдения

Научная новизна работы выражается в рассмотрении дескриптивного и эвристического потенциала конструкта «эпистемологический фронтир» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных Фейерабендом космологических оснований научного творчества. Для её достижения формализован конструкт «эпистемологический фронтир» и рассмотрена его применимость для понимания философии П. Фейерабенда. Данный конструкт затрагивает дескриптивную область, которая образуется в результате сопоставления двух и более различных понятий или теорий, по-разному характеризующих часть реальности.

Идея применения конструкта «эпистемологический фронтир» подготовлена дискуссиями о пределах рационального знания, который позволяет усмотреть различия теории научно-исследовательских программ и концепции демократического релятивизма в отношении движущих сил развития наук. П. Фейерабенд на примере копернианской революции вскрывает историко-культурную обусловленность формирования «жёсткого ядра» фундаментальных допущений в области эпистемологических фронтиров, его эпистемологический анархизм предполагает более широкую область инновационного научного мышления за счет отказа от иерархической соподчиненности «жёсткого ядра» и «предохранительных поясов». Фейерабенд мыслит поле философии науки как сложную совокупность эпистемологических фронтиров, поиск и уточнение пределов которых становится главной целью. Автор подчеркивает, что некоторые гуманитарные науки апеллируют не к одной единственной теории, а к совокупности теорий, между которыми образуется поле эпистемологических фронтиров. Соответственно, общее исследовательское поле такой науки с классических позиций в принципе не может

считаться наукой, оставаясь междисциплинарным пространством научного знания.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Содержание статьи соответствует названию и разделам. Выводы статьи обоснованны, логически вытекают из приведенных аргументов. Но некоторые предложения слишком громоздки, что затрудняет понимание.

Библиография статьи включает 33 библиографических источников, но в ней не так много научных исследований последних лет.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Эзри Г.К. Проблема бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.70071 EDN: KWNGJI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70071

Проблема бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота

Эзри Григорий Константинович

ORCID: 0000-0001-9747-1586

старший преподаватель; кафедра педагогики и психологии; Благовещенский государственный педагогический университет

675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104, ауд. 341

✉ grigoriyezri@mail.ru



[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.70071

EDN:

KWNGJI

Дата направления статьи в редакцию:

07-03-2024

Дата публикации:

23-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является психологизация бессознательного как следствие антропологического поворота. Психологизация рассматривается на примере немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии, которые представляют собой составную часть религиозной философии XIX – первой половины XX века. Показывается на материале персоналистической философии, что психологическое бессознательное и индивидуально-субстанциальное (психологическое) Я онтологически связаны между собой в рамках человеческой личности, а также изучается связь онтологического Я и онтологического бессознательного. Кратко рассматривается сущность антропологического поворота в

философии Хайдеггера. Отдельное внимание уделяется экспликации сущности бессознательного и обоснованию его моделей в историко-философской ретроспективе. Модели бессознательного рассматриваются, прежде всего, на материале немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии. Антропологический поворот интерпретируется в духе философии Хайдеггера – как переход метафизики в антропологию, онтологического Я в психологическое. Метод историко-философской реконструкции позволил концептуально уточнить определение бессознательного, и ретроспективно обосновать три модели бессознательного. С помощью ретроспективного и компаративного методов изучена проблема бессознательного и сравнены ее решения. Новизна заключается в том, что проблема психологизации бессознательного в историко-философском контексте как следствие антропологического поворота рассматривается на примере религиозной философии XIX – первой половины XX века и ретроспективно обосновываются модели бессознательного; изучено отражение учения о бессознательном европейских теистов и спиритуалистов в русской религиозной философии. Показано, что в историко-философской перспективе существует три модели бессознательного. Первая – бессознательное онтологично, в рамках которой воля пантеистического Абсолюта проявляется через человека. Вторая и третья – варианты психологического бессознательного. Во втором случае доминирует сознание в рамках человеческой личности и предполагает взаимодействие Бога и человека, а в третьем – в структуре личности доминирует бессознательное начало. Для немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии была характерна вторая модель. Для психоаналитической философии – третья. Психологизация бессознательного связана с антропологическим поворотом, она стала возможна в результате придания Я индивидуально-субстанциального характера. Взгляды европейских теистов и французских спиритуалистов по проблеме бессознательного оказали влияние на представителей русской религиозной философии.

Ключевые слова:

бессознательное, сознание, антропологический поворот, самосознание, личность, немецкий постгегелевский теизм, русская религиозная философия, отечественный духовно-академический теизм, психоаналитическая философия, неолейбницианство

Введение

В научной литературе в настоящее время нет работ, в которых рассматривается связь между становлением психологической интерпретации бессознательного и антропологическим поворотом. Также отдельный интерес представляет исследование непсихоаналитической традиции изучения бессознательного. Примером такой традиции являются немецкий постгегелевский теизм, французский спиритуализм, русская религиозная философия, которые представляют собой составную часть религиозной философии XIX – первой половины XX века.

Немецкий постгегелевский теизм – направление немецкой религиозной философской мысли, которое возникло в Германии в 1830-е гг. (после смерти Г. Гегеля). К его представителям относятся в частности Г. Фехнер, Г. Лотце, Г. Тейхмюллер. Данным термином для описания выше обозначенного философского направления в своих работах пользуются, например, С.В. Пишун [\[1\]](#), В.Е. Луценко [\[2\]](#). Французский спиритуализм – направление французской религиозной философии XIX века,

родоначальником которого был Мен де Биран, а одним из последних представителей – А. Бергсон (его философия продолжала традиции спиритуализма в виде неоспиритуализма и в первой половине XX века). Термином «французский спиритуализм» в своих работах пользуются в частности С.В. Пишун [\[1\]](#), И.И. Блауберг [\[3\]](#), В.Е. Луценко [\[2\]](#). Русская религиозная философия, как показал А.В. Серебренников [\[4\]](#), просуществовала больше века – с 1831 по 1951 г. В данной статье как части русской религиозной философии рассматриваются и русское неолейбницианство (т.н. Юрьевская школа, философию которой изучалась в частности А.Ю. Бердникова [\[5\]](#)), и отечественный духовно-академический теизм XIX в. (философия, которая развивалась в российских духовных академиях; исследуется, например, С.В. Пишуном [\[1\]](#), В.Е. Луценко [\[2\]](#)). Сам по себе факт влияния взглядов немецких постгегелевских теистов и французских спиритуалистов на представителей т.н. Юрьевской философской школы и отечественных духовно-академических теистов показан в т.ч. С.В. Пишуном [\[1\]](#), В.Е. Луценко [\[2\]](#), А.Ю. Бердниковой [\[5\]](#). Хотя точнее было бы говорить о рецепции взглядов европейских теистов и спиритуалистов в русской религиозной философии, но сама по себе рецепция – тема для другого исследования. Вопрос отражения философских взглядов европейских теистов и спиритуалистов по проблеме бессознательного в русской религиозной философии в научной литературе не рассматривался. Таким образом, рассмотрение немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии в рамках одной статьи опирается на существующую в отечественной истории философии практику совместного рассмотрения данных направлений философии (изучение влияния европейской религиозной философии XIX в. на русскую).

Итак, целью настоящей статьи является исследование проблемы бессознательного в религиозной философии XIX – первой половины XX века (на примере немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии) в контексте антропологического поворота. Новизна заключается в том, что проблема психологизации бессознательного в историко-философском контексте как следствие антропологического поворота рассматривается на примере религиозной философии XIX – первой половины XX века и ретроспективно обосновываются модели бессознательного; кроме того, изучается отражение учения о бессознательном европейских теистов и спиритуалистов в русской религиозной философии.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретическую основу исследования составили работы М. Хайдеггера, в которых он исследовал переход метафизики в антропологию. Данный переход можно интерпретировать как сущность антропологического поворота, что будет показано ниже. Для реализации цели исследования использованы следующие методы. Метод историко-философской реконструкции позволил содержательно рассмотреть трактовку бессознательного в религиозной философии XIX в. С помощью системно-структурного метода были рассмотрены варианты понимания бессознательного и их генезис. Компаративный метод необходим для осуществления сравнительного анализа понимания бессознательного в религиозной и психоаналитической философии. Герменевтический метод применен для изучения философских текстов, которые подверглись анализу в настоящей статье.

Антропологический поворот

Антропологический поворот принято относить к XX в. (например [\[6; 7\]](#)). Ситуацию в западноевропейской философии XIX в. М. Хайдеггер трактовал как переход онтологии в

антропологию: «Сама философия успела тем временем превратиться в антропологию и на этом пути стала добычей ответвлений метафизики, т.е. физики в самом широком смысле, включающем физику жизни и человека, биологию и психологию» [8, с. 244]. Данное явление он охарактеризовал как переход от онтологического Я к Я психологическому, индивидуально-субстанциальному, продолжение процесса «забвения бытия». Индивидуальный субъект стал возможен благодаря психологической рефлексии персонального Я, которое приобрело диалогический характер, что означает его формирование и существование только в диалоге с другими Я. Кроме того, как утверждает немецкий мыслитель, бытие приобрело ценностный характер – сущее стало восприниматься с точки зрения его ценности для индивидуального Я [8; 9, с. 56]. Во многом антропологизацию философии М. Хайдеггер связал с немецким постгегелевским теистом Г. Лотце: «Ценность по видимости предполагает, что сообразующиеся с нею люди занимаются самым что ни на есть ценным; на самом деле ценность как раз и оказывается немощным и прохудившимся прикрытием для потерявшей объем и фон предметности сущего. ... Надо обратить внимание, для прояснения XIX века, на своеобразную промежуточную позицию Германа Лотце, который одновременно и перетолковал платоновские идеи в ценности, и под заглавием "Микрокосм" предпринял "Опыт антропологии"» [9, с. 56]. Таким образом, М. Хайдеггер связывал антропологизацию философии с немецким постгегелевским теизмом и отмечал, что совершился переход к ценностной, психологической, диалогической, индивидуально-субстанциальной трактовке Я.

Продолжая рассуждения об антропологизации философии и завершении метафизики, М. Хайдеггер отметил: «Под рубрикой «теория познания» скрывается растущая принципиальная неспособность новоевропейской метафизики видеть свое собственное существо и его основание. Разговоры о «метафизике познания» увязают в том же недоразумении. По существу дело идет о метафизике предмета, т. е. сущего как предмета, объекта для некоего субъекта» [8, с. 234]. Фактически, человек познает не истину бытия, а окружающий его предметный мир, отдельные вещи, которые воспринимаются с точки зрения их ценности. Далее немецкий мыслитель утверждал: «Завершение метафизики начинается с гегелевской метафизики абсолютного знания как воли духа» [8, с. 234] и задавался вопросом: «Почему эта метафизика есть лишь начало завершения, а не завершение? Разве безусловная достоверность не возвратилась к самой себе в качестве абсолютной действительности?» [8, с. 234]. Речь идет о том, что в случае трансцендентального и абсолютного идеализма существовала позиция «Абсолютного субъекта» (в терминах Г. Гегеля), результаты познания которого носили всеобщий, объективный и истинный характер. Для «завершения метафизики» необходима была трактовка каждого отдельного человека в качестве личности-субстанции и отсутствие возможности осуществлять познавательную деятельность с позиции «Абсолютного субъекта». Итак, если следовать логике М. Хайдеггера, онтологическое (абсолютное) может быть охарактеризовано как объективное и всеобщее, а антропологическое, психологическое – как субъективное и индивидуальное.

Отказ от Абсолютного субъекта в пользу личности-субъекта был осуществлен при смене пантеистической (Г. Гегель и др.) парадигмы на теистическую (немецкий постгегелевский теизм) в рамках немецкого спекулятивного идеализма (именно пантеистический и теистический этапы в немецком идеализме XIX в. и выделил В.В. Золотухин [10]). Логика такова: в рамках пантеизма предполагается тождество Абсолюта и мира, следовательно индивидуально-личностное бытие предполагается моментом Его бытия, тождество всеобщей и индивидуальной воли, самопознание индивида – это

самопознание Абсолюта (Г. Гегель называл это «хитростью Мирового Духа»), индивидуальное иллюзорно. В теизме же утверждается нетождественность Бога и мира. Немецкие постгегелевские теисты обосновали индивидуально-личностное бытие, используя учение Г. Лейбница о монадах и их способности к апперцепции и перцепции: монады способны к рефлексии своего индивидуального Я в силу чего они самостоятельны и не являются моментом бытия Абсолюта, индивидуальное оказывается в таком случае реальным.

Если следовать устоявшемуся в философской науке мнению, что антропологический поворот произошел в XX в., то М. Хайдеггер описывал процесс ему предшествующий. Иначе говоря, вторая половина XIX в. – время подготовки антропологического поворота. Однако мы склонны все же не просто рассматривать антропологизм в философии второй половины XIX-XX вв. как единый процесс (подготовка и переворот), а относить сам антропологический поворот ко второй половине XIX в., потому что именно в данный период в философии сложилась ситуация, в которой «вопрос о человеке определяет вопрос о бытии» [\[6, с. 93\]](#), появилась достаточная онтологическая база для индивидуально-субстанциального исследования человека. Единичный человек стал рассматриваться вне контекста категории «Абсолютный дух» и был по-разному обоснован персонализм. В.С. Шилкарский [\[11\]](#) показал это на примере немецкого постгегелевского теизма, а Н.О. Лосский рассмотрел пути его обоснования [\[12\]](#). Не стоит также забывать, что в четвертой четверти XIX в. также возникла и психоаналитическая философия, в которой особое внимание уделяется анализу функционирования человеческой психики, Я, бессознательного. Во многом, эти интенции определяли философско-антропологическую мысль первой половины XX в. (во второй половине XX в. зародился, например, постмодернизм, который предложил иную трактовку человека).

Сущность психологического бессознательного

Н.С. Автономова привела примеры понимания онтологического и психологического бессознательного, имевшие место в истории философии [\[13\]](#). Исходя из этих примеров, рассмотрим сущность бессознательного каждого из видов. Примеры онтологического бессознательного: непостижимая сущность бытия; начало, творящее мир; воля, лежащая в основе мира; духовное начало вселенной. Следовательно, онтологичность бессознательного означает, что бессознательное является всеобщим, связано с бытием мира – бытие мира проявляется в человеке и отрицает его индивидуальное начало. Примеры психологического бессознательного: аффекты и смутные идеи; незаметные восприятия; принцип свободной деятельности человека; интуитивные идеи и восприятия. Психологический характер бессознательного показывает его индивидуальный характер, а также отсутствие связи с какой-либо внешней силой и бытием мира. Бессознательное человека самодостаточно и существует онтологически независимо от бессознательного других людей и мира. Таким образом, один из сущностных моментов концепции бессознательного – определение его характера (онтологический или психологический). Без понимания этого невозможно дать определение бессознательного.

При любом определении бессознательного предполагается, что человек способен без сознательного контроля, осознания выполнять какие-либо действия, думать, чувствовать. Но разница заключается в том, сознанию или бессознательному принадлежит первенствующая роль в структуре личности. Одни философы (Г. Лейбниц, Ф. Бенекке, Г. Лотце, Г. Фехнер и др.) считали, что в человеческой личности доминирует сознание, хотя деятельность бессознательного и характеризуется отсутствием

сознательного регулирования и контроля, непроизвольностью возникновения и течения психических процессов, их безотчётностью и полным исчезновением из памяти. Другие философы (А. Шопенгауэр, Э. фон Гартман, З. Фрейд и т.д.) считали, что бессознательное является основным и первичным регулятором поступков человека в социальной реальности [\[14\]](#). Таким образом, другим базовым основанием концепции бессознательного является его роль, место в структуре человеческой личности. В зависимости от определения его места возможны разные определения.

Также мыслители, исследовавшие проблему бессознательного, по-разному давали ответ на вопрос о существовании Бога, идеального начала мира и его взаимодействия с человеком. А. Шопенгауэр и Э. фон Гартман с пантеистических позиций определяли сущность взаимодействия Абсолюта и человека – всеобщее безличное бессознательное проявляется через людей. З. Фрейд придерживался атеистических взглядов, в его учении человек как личность представлен как самодостаточное и бессознательно детерминированное существо. А, например, Г. Лейбниц, Г. Лотце, Г. Тейхмюллер считали, что Бог и люди являются личными и онтологическими самодостаточными существами, Бог существует онтологически независимо от бессознательного. Таким образом, третий сущностный момент концепции бессознательного – ответ на вопрос о характере взаимодействия человека с миром и его идеальным и материальным началом. Иначе говоря, необходимо решить проблему о месте человека в мире.

Продолжая исследовать сущность бессознательного, необходимо также отметить, что онтологическое бессознательное и онтология бессознательного – неидентичные понятия. В противном случае первый и третий вопрос становятся практически идентичными. Уточнение характера бессознательного (онтологическое или психологическое) предполагает сразу соответствующую онтологию. В этом смысле и в случае понимания бессознательного как психологического предполагается онтология, учитывающая данное обстоятельство. Например, И.В. Данилевский рассмотрел человеческую психику и бессознательное с позиций философской антропологии и обосновал собственный вариант онтологии бессознательного [\[15\]](#). При этом исследователя не интересовала проблематика сущности (психологической или онтологической) бессознательного. А В.В. Бузаджи осуществила экспликацию онтологического подхода к проблеме сознания и бессознательного [\[16\]](#). Тем самым было осуществлено разграничение психологического и онтологического подходов к проблеме бессознательного.

То есть онтологическая самодостаточность личности возможна только в случае признания за бессознательным психологического характера, иначе личность оказывается фактически безвольным проводником воли пантеистического Абсолюта. В этом и заключается антропологическое значение психологического бессознательного – оно является одним из гарантов онтологической самодостаточности, субстанциальности личности. Личности онтологически гарантируется индивидуальность ее воли, свобода мышления и чувствования. Психологическое бессознательное онтологически связано с индивидуально-субстанциальным Я. Только у такого Я может быть то, что им не было осознано и не подвергнуто рефлексии. В таком случае, психологизация бессознательного – следствие антропологического поворота.

Итак, определение бессознательного, как показано выше, зависит от трех обстоятельств. Во-первых, каков характер бессознательного – онтологический или психологический. Во-вторых, что доминирует в личности и контролирует деятельность человека в первую очередь – сознание или бессознательное. В-третьих, каково место человека мира, как человек взаимодействует с миром, каков характер взаимодействия человека с

Абсолютом или Его существование не признается. Исходя из ответов на вопросы, которые были поставлены тремя сущностными моментами в понимании бессознательного, необходимо сделать вывод о существовании трех моделей бессознательного. Первая. Бессознательное онтологично, бессознательное имеет всеобщий и объективный характер, в человеке проявляется безличная сила природы (Абсолют пантеистичен), которая имеет онтологическое первенство над любым индивидуальным началом. Бессознательное определяет действия, мысли и чувства человека, потому что это проявление силы пантеистического Бога. Индивидуальное элиминируется в пользу всеобщего. Вторая. Бессознательное психологично, бессознательное каждого человека самодостаточно и субъективно, Сверхсущее и человек являются личностями, Бог не навязывает свою волю через бессознательное. Сознание доминирует над бессознательным. Такая ситуация возможна в рамках теистической философии. Третья. Бессознательное психологично, бессознательное каждого человека самодостаточно и субъективно, постулируется атеизм, бессознательное определяет внешнюю и внутреннюю жизнь личности. Такая модель характерна для психоаналитической философии.

Таким образом, психологическое бессознательное является частью личности, в основе которой находится индивидуально-субстанциальное Я. По своей природе Я не бессознательно и не осознаваемо, оно приписывает переживания и восприятия конкретному субъекту. Психологическое бессознательное представляет собой ту часть внутренней жизни личности, которая переживается Я, но не осознается им.

Бессознательное в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме

Немецких теистов и французских спиритуалистов XIX в. как наследников традиции Августина Блаженного и Лейбница интересовала проблематика индивидуального Я и его рефлексии. Августин обосновал персоналистическую психологию, в основе которой признание самодостоверности внутреннего опыта и самосознания как единственного источника понятия о духовной субстанции. Лейбниц сделал спиритуалистическую психологию основой спиритуалистической онтологии [\[11, с. 340-342\]](#). Европейские теисты продолжили их изыскания, систематизировав спиритуалистическую философию и обосновав персонализм.

Г. Фехнер [\[17\]](#) полагал, что индивидуальное сознание формируется в процессе рефлексии бессознательного, после чего появляется индивидуальное человеческое Я. Отстаивал первенство сознательного над бессознательным в человеческой личности. Исследуя бессознательное, применял естественнонаучный метод – эксперимент. Понимал под бессознательным результат процессов, недостаточных для того, чтобы вызвать реальные ощущения, потому что они находятся ниже порога восприятия. Такой позиции вслед за ним придерживались другие немецкие теисты. Считал, что без участия мышления протекают обобщающие процессы в восприятии и ощущении – «бессознательные умозаключения». То есть в данном случае бессознательное, как и вся личность человека, самодостаточно.

Однозначную и последовательную позицию заняли Г. Лотце и Г. Тейхмюллер. В их философии появляется дорефлексивное Я (фактически то же самое, что и бессознательное Я), которое является онтологическим гарантом индивидуального характера бытия человека как личности. Дорефлексивное Я философии Г. Лотце, представлено как первоначальное самосознание, данное в форме самочувствия. Самочувствие составляет необходимую основу самосознания и самопознания [\[11, с. 280\]](#).

Самость, сущность любой личности состоит в непосредственном бытии-для-себя, непосредственном самочувствии, которое делает возможным противопоставление Я и не-Я. При этом нет необходимости, чтобы к чувству или сознанию – основанию самости, примыкала рефлексия [\[18, с. 126\]](#). То есть Я может оставаться на дорефлексивном бессознательном уровне, в таком случае оно сохраняет непосредственноданный характер.

Как показал Г. Тейхмюллер, Я может находится как в сознании человека, так и в его бессознательном. Такое положение вещей связано с третьим родом бытия («Бытие в себе», или «Само»), которое является главным условием знания: его сущность не в знании, а в производстве условия знания (пока оно действует, происходит познание себя, когда бездействует, Я исчезает в бессознательное) [\[5, с. 38-48\]](#). Характеризуя сущность бессознательного, Г. Тейхмюллер отметил: «Так все наши мысли, какие мы можем вспомнить, находятся в нас всегда бессознательно, хотя они в данный момент и не приходят нам на память. Так бессознательным образом составляют нашу собственность прошлые чувствования и пережитые дела. Таков наш характер, наши вера и надежда, весь строй нашей души; ибо все это редко присутствует в сознательном мышлении, а все-таки составляет в нас всегда присутствующую душу всех поступков, только бессознательным образом» [\[19, с. 90\]](#). Итак, немецкий теист показал динамический характер взаимодействия сознательного и бессознательного в человеческой личности, важность бессознательного в человеческой деятельности, индивидуальность и субъективность функционирования бессознательного. Бессознательное он связал с памятью, отнеся к области бессознательного забытое, то, что невозможно вспомнить или возможно, но с большим усилием. В этой связи логично выглядит вывод, сделанный Г. Тейхмюллером: «Функция души, захватывающая самую обширную область, находится в бессознательном бытии» [\[19, с. 91\]](#).

Французский спиритуалист Мен де Биран к области бессознательного относил сны во время сновидений и автоматические действия в период бодрствования. Для объяснения постоянства Я во время сна или пребывания в бессознательном состоянии он ввел понятие «душа», которое нельзя познать и является предметом веры [\[20\]](#). То есть и данный европейский религиозный философ XIX в. придерживался психологической трактовки бессознательного. Доминирующую же роль в личности он отводил сознанию – индивидуальному Я и его рефлексии, внутреннему усилию, которое делает Я при взаимодействии с не-Я.

Признавал существование бессознательного и А. Бергсон. Он предложил различить сознание в философском и психологическом смысле: «психологическое состояние не может, как нам кажется, перестать быть осознанным, не перестав тем самым существовать вообще. Но в психологической особенности – это синоним не существования, а реального действия или непосредственной готовности действия, и при таком ограничении пределов этого термина не так трудно представить себе бессознательное – то есть в итоге бездейственное – психологическое состояние» ([\[21, с. 554\]](#)). Но, не смотря на бездейственность бессознательного, если потребуется, его можно извлечь из памяти и сопоставить с наличным восприятием. Таким образом, представления о бессознательном неоспиритуалиста А. Бергсона близки воззрениям немецким постгегелевских теистов. В его понимании бессознательное также имеет психологический характер, а сознание онтологически и психологически доминирует над бессознательным. Бессознательное он связал, как и немецкие постгегелевские теисты, с забытым, т.е. с памятью. В философии французского неоспиритуалиста также

присутствует Абсолют, что он показал, например, в работе «Два источника морали и религия» [22]. Кроме того, Н.С. Автономова показала, что с точки зрения А. Бергсона к бессознательному относятся интуитивные идеи и восприятия [13]. Такая постановка вопроса предполагает, что интуиция также относится к бессознательным явлениям.

Бессознательное в русской религиозной философии

Русскую философию, по мнению Б.В. Емельянова, можно назвать человековедением [23]. Действительно, русской философии был присущ персонализм и исследование различных подходов к решению проблемы человека, интерес также вызывали вопросы, связанные с бессознательным.

Прямой интерес к проблеме бессознательного проявляли Н.А. Бердяев [24], последователи Г. Тейхмюллера – неолейбницианцы Юрьевской философской школы (например, [5; 25]), православные персонологи (например, Михаил Грибановский [26]). Однако это не означает, что русские мыслители не изучили проблематику бессознательного в иной терминологии. А.А. Андреев показал на примере учений В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского, что отечественные дореволюционные философы «Рассматривая бессознательное в философском и религиозном аспектах ... показали его метафизическую и духовную глубину. ... Русские философы исследовали бессознательное в полном контексте духовного мира человека, включающем в себя все возможные стороны человеческого бытия. Тем самым они сделали большой вклад в познание бессознательного» [27, с. 65]. Таким образом, в русской философии бессознательное было изучено в рамках морально-нравственного дискурса на базе идеалистической философии. Однако данным обстоятельством не исчерпывается глубина постижения бессознательного русскими религиозными философами.

Н.А. Бердяев определял сознание как интуитивное действие человеческого Я, в результате которого происходит осознание самого себя и различение Я и не-Я. В определении сущности бессознательного русский мыслитель соглашался с К.Г. Юнгом: бессознательное представляет собой неосознаваемые психические процессы, т.е. такое содержимое психики, которое не воспринимается Я. В структуре бессознательного Н.А. Бердяев выделял предсознательное (бессознательное в низших формах) и сверхсознательное (высшая часть бессознательного). Рассматривая проблему психологии бессознательного, русский мыслитель упомянул французских спиритуалистов П. Жане, Ф. Равессона, А. Бергсона, а также отечественного писателя Ф. Достоевского, а не только «классиков» психоаналитической философии З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, отмечая большой вклад каждого из выше перечисленных мыслителей в развитие данной области знания [24, с. 74-86]. Исследователь Т.И. Бармашов отметил, что учение отечественного философа в вопросе взаимодействия сознательного и бессознательного носит диалектический характер (динамика восхождения от неосознанности к сознательности, в стремлении к совершенству, в приближении к Сверхсущему), показывается единство сознательного и бессознательного в рамках человеческой личности. Бессознательное рассматривается как самодостаточная сущность и связывается с памятью (активное хранилище информации, в котором совершается ее отбор) [28, с. 182-195]. Таким образом, Н.А. Бердяев рассматривал бессознательное как психологический феномен, связанный с памятью и неосознаваемыми психическими процессами, утверждал, что в диалектике сознания и бессознательного происходит процесс осознания и восхождения к Богу.

Отечественный неoleyбницианец Л.М. Лопатин считал проблему бессознательной психики серьезной. Рассматривал бессознательные душевные процессы как процесс постоянного возникновения психических образований, которые существуют вне и помимо сознания, не осознаются (полностью или частично) и обладают субъективным содержанием. Бессознательная душевная работа, по мнению русского философа, обнаруживается в следующих явлениях: памяти, воображении, неосознаваемых умственных процессах, безотчетных вдохновении и озарении. Взаимодействие сознательного и бессознательного возможно благодаря существованию сознательного Я (связано с мозгом) и высшего Я (не биологично). Высшее Я является творческим и образующим принципом для сознания. Л.М. Лопатин объяснял воздействие бессознательного на сознание особенностями взаимодействия духовных и телесных монад – монады способны взаимно отражать внутреннее содержание друг друга [\[25, с. 171-178\]](#). Также отечественный философ интересовался проблемой прохождения конечных существ из Абсолютной субстанции [\[29, с. 264\]](#). Таким образом, Л.М. Лопатин отстаивает фактически то же понимание бессознательного, что европейские теисты и спиритуалисты и другие русские религиозные философы.

Дополнением позиции Л.М. Лопатина является постулирование онтологического первенства сознания над бессознательным неoleyбницианцем Юрьевской школы А.А. Козловым. Л.М. Лопатин и А.А. Казлов утверждали, что нет какой-либо области бытия, в которой не было бы психики, следовательно, не существует абсолютно-бессознательного. На такой точке зрения настаивал и отечественный последователь Г. Тейхмюллера П.Е. Астафьев, не соглашавшийся с учением о «бессознательной воле» А. Шопенгауэра и Э. фон Гартмана [\[5, с. 66, 69, 102-103\]](#). Итак, отечественные религиозные философы отрицали идею онтологического бессознательного, отрицая идею абсолютно-бессознательного и «бессознательной воли», утверждая отсутствие такого места в бытии, где не было бы психики, следовательно, и сознания.

Характеризуя отношение философов Юрьевской школы о границе сознательного и бессознательного, В.С. Шилкарский утверждал, что «между сознательной и бессознательной душевной жизнью нельзя провести принципиальной границы: по существу, они составляют одно и то же, отличаясь друг от друга лишь по степени интенсивности» [\[11, с. 318\]](#). То есть была воспринята идея Г. Фехнера о пороге восприятия.

Мыслившие в таком же монадологическо-субстанциальном дискурсе отечественные духовно-академические теисты XIX века обосновали православную персонологию [\[1\]](#). В ее рамках тоже обосновывалась возможность существования бессознательного. Михаил Грибановский утверждал, что «Существование и независимость бессознательных душевных процессов очевидны для всякого: что в нас происходят бессознательные акты – это общепризнанный факт» [\[26, с. 187\]](#). Говоря о границах бессознательного, он утверждал, что «Волевые движения в большинстве случаев совершаются бессознательным путем: процесс хождения и т.п. совершается бессознательно, а между тем он есть движение нашей воли. Таким образом, факты показывают, что в человеке есть бессознательные душевные процессы ума, чувства и воли» [\[26, с. 187-188\]](#). Рассматривая границу между сознательным и бессознательным, Михаил Грибановский пришел к следующему выводу: «Если мы всмотримся в наше сознание, увидим, что оно никак не может быть выведено из бессознательных душевных движений. Нельзя найти предела в нашей душевной жизни, где можно было указать источник нашего сознания, где ум, чувство и воля освещаются сознанием. ... Если посмотрим и с метафизической

точки зрения, также увидим, что нет возможности из душевных процессов вынести наше самосознание» [\[26, с. 188\]](#). Продолжая данную мысль, он воспроизвел утверждение Г. Фехнера без ссылки на него – неосознаваемые явления осознаются, когда достигают определенной силы, интенсивности. Но такое положение вещей не означает происхождения сознания из бессознательного, а говорит о том, что для осознания какого-либо содержания психики ощущение должно дорасти до определенного уровня интенсивности [\[26, с. 188\]](#). Родоначальником учения о бессознательном отечественный теист назвал Г. Лейбница [\[26, с. 186\]](#). Михаил Грибановский исследовал и взаимодействие Бога и человека в рамках теистического дискурса. Таким образом, отечественный религиозный философ утверждал независимость сознания и самосознания от бессознательного, невозможность вывести первое из второго. Не смотря на утверждение первенства сознательного над бессознательным, подчеркивал важность бессознательного для личности.

Таким образом, в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме и русской религиозной философии исследовалась модель бессознательного, предполагающая, что бессознательное имеет психологический характер, оно самодостаточно и субъективно в рамках человеческой личности, Совершенное Существо не навязывает свою волю через бессознательное. Сознательное психологически первенствует над бессознательным в рамках человеческой личности. Подчеркивалась возможность рефлексии, позволяющей осознать содержание бессознательного. Более того, бессознательное исследовалось с помощью психофизиологических экспериментов, его существование было неоспоримым фактом для немецких постгегелевских теистов. Граница между сознательным и бессознательным определялась интенсивностью ощущения, переживания. Данная идея Фехнера была воспринята другими немецкими теистами, российскими духовно-академическими теистами и неолейбницианцами Юрьевской школы. Идея индивидуально-субстанциального Я была подвергнута рецепции русскими религиозными философами из немецкого теизма, что сделало возможным анализ бессознательного в неолейбницианских категориях.

Бессознательное в религиозной и психоаналитической философии (сравнительный анализ)

Психоанализ, психоаналитическая философия – направление философской и психологической мысли, а также учение о человеке и практика психологического консультирования (однако такая практика не является предметом настоящей статьи), возникшие в XIX в. и изменяющиеся до сегодняшнего дня. Представители психоаналитической философии не сформировали общего учения о человеке и его психике, личности, культуре и т.д. В рамках одной статьи говорить о всем психоанализе не представляется возможным из-за сложности и многообразия концепций и представлений психоаналитиков. Однако можно попытаться рассмотреть более или не менее общие для всего психоанализа более или не менее устоявшиеся положения. Но и при таком подходе, в чем автор отдает себе отчет, выводы, к которым он приходит, будут являться скорее и по большей части его мнением, нежели общепринятым мнением, хотя его мнение и будет опираться на тексты первоисточников по психоанализу и результаты ряда исследований по проблемам психоаналитической философской антропологии.

В научной литературе до сих пор не сложилось однозначного мнения по поводу религиозного и психоаналитического понимания бессознательного. Рассмотрим несколько точек зрения. В.М. Лейбин в работе «Психоанализ и религия» [\[30, с. 192-196\]](#) показал, что между религиозным и психоаналитическим мышлением есть различия,

определяющие различие трактовок бессознательного. Во-первых, психоанализ рассматривает религиозный опыт как психопатологию, исследуя бессознательные мотивы религиозных людей. Так, например, З. Фрейд отождествлял религиозность с неврозом навязчивых состояний и иллюзией, которая должна быть преодолена. Во-вторых, проблема психического детерминизма. С религиозной точки зрения человек самодетерминирован и свободен в выборе, а с психоаналитической – поведение индивида строго детерминировано бессознательным. В-третьих, вопрос о телеологичности и причинности. Религиозное мышление основано на телеологичности, а психоаналитическое – на причинности поведения индивида. Однако, как отметил В.М. Лейбин, противоречия смягчаются со временем. Во-первых, религиозный опыт отражает динамику развития личности, близкой по духу психоанализу. Во-вторых, современные психоаналитики смягчают фрейдовские представления о детерминизме. В-третьих, современные психоаналитики ориентируются не на причинность поведения индивида, а на смысловую ориентацию личности [\[30, с. 192-196\]](#). Схожие взгляды можно обнаружить и у современных западных исследователей, в частности [\[31, с. 537-552; 32; 33\]](#).

Таким образом, необходимо говорить о смягчении противоречия между религиозной и психоаналитической трактовкой бессознательного, а не о его преодолении. Фундаментальные противоречия не устранены – религиозно-философское понимание бессознательного предполагает первенство сознания над бессознательным, взаимодействие Совершенного Существа и человека, ориентацию на морально-нравственные ценности. Данные характеристики не являются элементами психоаналитического понимания бессознательного.

Как соотносятся детерминированность действий человека бессознательным и свобода человеческой личности? На сколько верно такое противопоставление с точки зрения психоаналитической философии? Такое противопоставление не вполне верно. Свободой в психоанализе как раз и признается возможность проявлять бессознательную часть психики, прежде всего – желания, потребности, чувства. Так З. Фрейд утверждал, что культура подавляет природный компонент человеческого бытия, иначе говоря бытие культурным, цивилизованным требует ограничения в реализации бессознательных импульсов. Ф. Фрейд также полагал, что необходимо принять ситуацию такой как она есть и пытаться в сложившейся ситуации найти выход. Таким выходом, по его мнению, является сублимация – проявление бессознательных импульсов в социально приемлемой форме, прежде всего в формате творческой деятельности [\[34; 35\]](#). Однако психоаналитики не могут согласиться в вопросе о природе бессознательных импульсов. Например, З. Фрейд полагал, что речь идет прежде всего о сексуальной энергии [\[34; 35\]](#). А. Адлер в свою очередь настаивал на агрессивном характере такой энергии [\[36\]](#). А К.Г. Юнг считал, что речь идет о психической энергии вообще, которая изначально имеет скорее творческий, нежели какой-либо другой характер [\[37\]](#). Ж. Лакан, характеризуя сущность бессознательного, разработал понятие «желание», т.е. показал, что бессознательное стремится реализовать потребность – получить нечто, чего нет у личности в данный момент [\[38\]](#). Можно привести и иные позиции, однако во всех случаях речь идет об импульсах, зарождаемых в бессознательном и не контролируемых сознанием вплоть до момента их осознания.

В рамках данного исследования представляется проблематичным из-за ограниченности его объема рассматривать структуру и границы личности, соотношение сознательного и бессознательного, возможности осознания бессознательного в психоаналитической философии. Не представляется возможным также выявлять нюансы различных

экспликаций понятий «сознание», «сознательное», «личность». Все эти вопросы нуждаются в отдельном исследовании, что позволит глубже исследовать суть изменений в понимании личности и бессознательного в философии XIX в.

П.С. Гуревич при сравнении трактовки бессознательного в религиозной философии и психоанализе брал за основу юнгианский вариант бессознательного, делая вывод о близости двух пониманий. К.Г. Юнг включил в свое учение о бессознательном Бога и смог в рамках своей теории объяснить мистический опыт без анализа внутренних конфликтов. Подчеркивается целостный характер личности как единство сознательного и бессознательного ее компонентов. Обе традиции предполагают обращение к надличностному началу, что рождает универсальность личности и раскрывает ее предназначение, что и определяет личностный статус человека. В русской религиозной философии и психологии К.Г. Юнга данные положения нашли свое отражение [\[39\]](#). Таким образом, психоаналитическая интерпретация человека может объяснить личностный характер бытия человека, но не способна отказаться от тезиса о доминировании бессознательного в структуре личности, хотя и делается акцент на единство сознательного и бессознательного в структуре личности.

Единство сознательного и бессознательного компонентов личности в юнгианской философии и психологии во многом определяется формированием оси Эго-Самость. К.Г. Юнг исследовал взаимодействие сознательного и бессознательного как на примерах из своей аналитической практики [\[40\]](#), так и на сюжетах мифов народов мира [\[41\]](#). Он показал как обнаружить Самость как высшую часть бессознательного в проекциях внутреннего мира личности на действительность. Схожим образом – через проекции бессознательного во внешний с точки зрения личностного бытия мир – предлагала исследовать внутренний мир личности и современный психоаналитик Н. Мак-Вильямс [\[42\]](#). Только она говорила об исследовании бессознательных корней характера человека, а К.Г. Юнг о поиске смысла жизни и предназначения человека.

Внимание проблеме соотношения религиозно-философской и психоаналитической интерпретации бессознательного уделила и Э.М. Спирова. Она показала сложность определения сущности души ввиду того, что в это понятие вкладывается множество смыслов и ни одна трактовка не является полной, учитывающей все смыслы. Исследователь также показала, что понятие «душа» прошло процесс десакрализации и было заменено на термины «психика», «сознание», «самосознание», «разум», «информация», утратив сакральный смысл и связь с Сверхсущим [\[43\]](#). Также исследователь изучила символический аспект бытия бессознательного, показав возможность интерпретации бессознательного с помощью используемых им символов. При этом символы соотносятся с культурой, и потому являются универсальными [\[44\]](#). Схожую трактовку символов можно обнаружить и в русской религиозной философии, в рамках которой они помогают духовно освоить мир и тоже могут быть интерпретированы [\[45\]](#). Итак, религиозно-философское и психоаналитическое понимание бессознательного предполагают возможность символического прочтения бессознательного, что приобретает свою актуальность в условиях десакрализации бытия души.

Н.Н. Ростова актуализировала следующую проблему: «Чувство Бога – свидетельство осознанности человека, либо, напротив, его бессознательности? Русская философская традиция склоняется к первому ответу на этот вопрос. Западная философская традиция – ко второму» [\[45, с. 153\]](#). Западная традиция предполагает, что бессознательность – условие религии, потому что сакральное продуцируется бессознательными механизмами

вытеснения и отвращения. Таким путем удастся вытеснить насилие. Русская традиция предполагает осознанный характер религиозной веры, воспитание ума через обращенность к Богу. Абсолют возможно принять только свободно – один из главных постулатов. Ограниченная человеческая субъективность находит свою полноту во взаимодействии с Богом [\[46, с. 153-159\]](#). Итак, в данном случае противопоставляется психоаналитическая трактовка бессознательного с ее защитными механизмами и религиозно-философская с ее идеей осознанности и свободного принятия морали и нравственности. Последние являются условиями взаимодействия с Совершенным Существом.

А.А. Андреев противопоставил трактовки понимания бессознательного в русской религиозной философии и психоанализе. Русские философы раскрыли духовный и метафизический аспекты бессознательного, показали его различные проявления в жизни человека и глубину. Психоаналитическое понимание бессознательного характеризуется фрагментарностью, физикализмом и редукционизмом [\[27, с. 64-65\]](#). Таким образом, в данном случае подчеркивается, что религиозно-философское понимание бессознательного предполагает взаимодействия Бога и человека, но при сохранении свободы и онтологической самодостаточности человека, а основой психоаналитической концепции бессознательного является его доминирование в структуре личности, при этом бессознательное понимается сугубо материалистически.

Ш. Ференци сравнил взгляды на бессознательное З. Фрейда с учением Г. Лотце. Он нашел несколько черт сходства. Во-первых, З. Фрейд и Г. Лотце считали, что не все прежние воспоминания постоянно находятся в сознании, но могут оказаться в нем и без внешнего раздражителя. Во-вторых, психика не аннулирует навязанное ей представление, но превращает его из сознательного восприятия в бессознательное состояние. В-третьих, представления и восприятия не просто рождаются в психике, а проживаются как состояния удовольствия или неудовольствия в зависимости от ценностей человека, в этом смысле «чистая психология» сознания имеет шаткий характер. В-четвертых – осознаваемость не обязательное качество психического, содержание психики само для себя бессознательно, человеком руководит принцип удовольствия. В-пятых, проблема объективирующей роли интроекции и проекции, индивид начинает различать свое Я и объективный мир, признание ценности (удовольствия) этого различения. В-шестых, человек способен расширить свою духовную сущность за границы тела, иначе говоря – Я вбирает в себя какую-то часть внешнего мира [\[47, с. 197-201\]](#).

Таким образом, религиозными философами и психоаналитиками признается самодостаточность бессознательного, его личностный, субъективный, психологический характер. Религиозная философия рассматривает сознание как доминирующую часть личности, а психоаналитическая – бессознательную. Религиозная философия признает свободную волю человека, а с точки зрения психоанализа человек детерминирован его бессознательным. Однако последнее не означает, что человек не свободен с точки зрения психоанализа – в религиозной философии свобода человека связана с сознательной деятельностью, сознанием, сознательным выбором, а в психоаналитической – с бессознательным, со способностью человека к спонтанности, выражению бессознательных импульсов, чувств, желаний, потребностей (желательно в социально приемлемой форме, через сублимацию например). С точки зрения религиозной философии предполагается взаимодействие Совершенного Существа и человека, а в рамках психоаналитической – взаимодействие человека со своим бессознательным на символическом и архетипическом уровнях.

Заключение

В XIX в. в философии произошло существенное изменение в понимании природы человеческой личности. Спиритуалистическая психология и онтология Августина и Лейбница стали основой персоналистического восприятия человеческого бытия. Личность стала рассматриваться как индивидуально-субстанциальное Я психологического характера. Метафизическая парадигма сменилась антропологической. Данное обстоятельство актуализировало монадологию Лейбница и его учение о неосознанном восприятии в рамках неолейбницианства. На этой основе в рамках религиозной философии XIX в. произошло изменение в понимании взаимодействия человека и мира, что позволило в субстанциально-монадологических терминах описать взаимодействие человека и Совершенного Существа. Учение об Абсолюте образца Гегеля (Абсолют как всеобщий Разум, диктующий свою волю людям и миру) или Шопенгауэра (Абсолют как Мировая воля бессознательного характера, управляющая человеком) сменилось теистическим, предполагающим личного Бога и человека как онтологически самодостаточную личность. В рамках индивидуально-субстанциального дискурса строили свои философские учения немецкие постгегелевские теисты, французские спиритуалисты, русские религиозные философы. Психологизация бытия Я и становление психологии в качестве эмпирической науки в трудах Фехнера (психофизики) сделали возможным исследование сознательного и бессознательного в рамках человеческой личности. Учение Фехнера о пороге восприятия стало основой для определения границы между сознательным и бессознательным в немецком теизме и русской религиозной философии. Также в XIX в. появился психоанализ, который опирался на учение об индивидуальном психологическом Я, но отрицал бытие Совершенного Существа. Соотношение сознательного и бессознательного интересовало и психоаналитическую философию. Религиозные философы считали сознание доминирующей частью личности, а психоаналитические – бессознательное. Итак, главной тенденцией в изучении природы бессознательного в XIX в. стала замена онтологической парадигмы его рассмотрения на психологическую, что повлекло утверждение индивидуального бессознательного. Смена парадигмы происходила в рамках антропологического поворота.

Вопросы, связанные с психологизацией трактовки личности в истории философии, требуют дополнительного исследования. Как и проблема психологического бессознательного. Отдельного внимания заслуживает и изучение значения формирования психологии как самостоятельной науки. Иначе говоря, необходимо рассмотреть историю философии XIX-XX вв. не просто с антропологической, а с персоналистической, личностной точки зрения, т.е. исследовать вклад мыслителей в философию индивидуальной, онтологически самостоятельной личности, Я. Использование термина «антропологический поворот» в хайдеггеровском смысле в подобных исследованиях по истории философской антропологии довольно удобно с теоретической и методологической точек зрения. Но сама по себе тенденция – усиление внимания философов XIX – первой половины XX вв. к человеческой личности, становление персонализма и психологизация личности – может рассматриваться и вне контекста концепта «антропологического поворота», но в таком случае ей потребуется другой термин, чтобы обозначить данный историко-философский процесс. Однако, как полагает автор, ему удалось показать связь между антропологическим поворотом (или его становлением) с психологизацией бессознательного в русской и европейской религиозной философии XIX – первой половины XX вв. А если показать такую связь действительно удалось, то это означает, что была уточнена логика исторического развития философской антропологии в XX в. – определен историко-философский

фундамент этих процессов (фундамент был заложен в XIX в.).

Библиография

1. Пишун С.В. Становление и развитие православной персонологии в России на протяжении XIX века: автореф. дисс. ... док. филос. н. М.: МПГУ, 1996. 40 с.
2. Луценко В.Е. Духовно-академическая философия в России и европейский теизм второй половины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Уссурийск: УГПИ, 2008. 22 с.
3. Блауберг И.И. Из истории французского спиритуализма: философия Жюль Лашелье // История философии. 2021. Т. 26. № 1. С. 25–38.
4. Серебренников А.В. Начало и конец русской религиозной философии // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 421-429.
5. Бердникова А.Ю. Неолейбницианство в России. Историко-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук : Москва, 2016. 167 с.
6. Ростова Н.Н. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93-98.
7. Смирнов С.А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23-35.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проспект, 2013. 288 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. Золотухин В.В. Две основные проблемы и два этапа немецкого спекулятивного идеализма // Вестник ПСТГУ. I: Богословие, философия. 2015. Вып. 1(57). С. 41-55.
11. Шилкарский В.С. Проблема сущего. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1917. 342 с.
12. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 135 с.
13. Автономова Н.С. Бессознательное // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c5e8001b7f22d8c1e763> (дата обращения 25.02.2024)
14. Каиров А.И., Петров Ф.Н. Бессознательное // Педагогическая энциклопедия. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000206/index.shtml> (дата обращения 25.02.2024)
15. Данилевский И.В. О новом варианте онтологии бессознательного // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13). С. 27-38.
16. Бузаджи В.В. Сознательное и бессознательное: онтологические аспекты: дисс. ... канд. филос. наук. Саратов: СГТУ, 2000. 127 с.
17. Fechner G.T. Elemente der Psychophysik. In 2 vols. Vol. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1860. 360 s.
18. Озе Я.Ф. Персонализм и проективизм в метафизике Лотце. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1896. 478 с.
19. Тейхмюллер Г. Бессмертие души. Философское исследование. Юрьев: Печатня А. Гренцштейна, 1895. 205 с.
20. Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T.2. Paris: Alcan, 1922. 361 p.
21. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
22. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: «Канон», 1994. 384 с.
23. Емельянов Б.В. Русская философия как человековедение. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 327 с.
24. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: изд-во «Современные записки», склад YMCA-PRESS, 1931. 320 с.
25. Лопатин Л.М. К вопросу о бессознательной душевной жизни // Труды Воронежской

духовной семинарии. 2020. №12. С. 163-178.

26. Грибановский М. Лекции по введению в круг богословских наук. Киев: «Пролог», 2003. 249 с.

27. Андреев А.А. Учение о бессознательном в русской философии и психоанализе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 61–65.

28. Бармашова Т.И. Идея бессознательного в экзистенциальной трактовке личности Н.А. Бердяева // Философия и общества. 2004. №4. С. 182-195.

29. Рубинштейн М. М. Очерк конкретного спиритуализма Л. М. Лопатина // Логос. М., 1911/1912. № 2/3. С. 243-280.

30. Лейбин В.М. Психоаналитические идеи и философские размышления. М.: Когито-Центр, 2017. 780 с.

31. Frie R. Psychoanalysis, religion, philosophy and the possibility for dialogue: Freud, Binswanger and Pfister. International Forum of Psychoanalysis. 2011. № 21(2). P. 106–116.

32. Gipps R.G.T., Lacwing M. The Oxford Handbook of Philosophy and Psychoanalysis. Oxford: Oxford University Press, 2019. 777 p.

33. Meadows C. Psychoanalysis' Look into Fetishism, Philosophy, and Religion. URL: <https://philarchive.org/archive/MEAP-4> (дата обращения 01.10.2024)

34. Фрейд З. Цивилизация, культура, религия. СПб: Питер, 2023. 224 с.

35. Фрейд З. Я и Оно. Избранные работы. М.: Издательство Юрайт, 2024. 165 с.

36. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребёнка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 146 с.

37. Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. 731 с.

38. Лакан Ж. Семинары. Книга 6: Желание и его интерпретация (1958/59). М.: Гнозис/Логос, 2021. 560 с.

39. Гуревич П.С. Глубины подсознания и религия // Философская антропология. 2022. Т. 8. № 2. С. 6–16.

40. Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным. М.: АСТ, 2021. 320 с.

41. Юнг К.Г. Эон. Исследования о символике самости. М.: АСТ, 2019. 352 с.

42. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998. 480 с.

43. Спирова Э.М. С. «Душа» как феномен в историческом ракурсе // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. материалов юбилей. конф.: в 5 т. Т. 1. М.: Когито-Центр, 2015. С. 125-128.

44. Спирова Э.М. Символ в классическом психоанализе // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. 2014. №4. С. 66-74.

45. Сутайкина М.В. Символ как способ духовного освоения мира в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Система ценностей современного общества. 2009. №5-1. С. 42-46.

46. Ростова Н.Н. Сознательное и бессознательное в религии // Философия хозяйства. 2015. № 2 (98). С. 153-159.

47. Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000. 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является проблема бессознательного

в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод сравнительного анализа, исторический метод.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку религиозная философия отличается множественностью подходов и мультипарадигмальностью к исследованию различных феноменов. Изучение бессознательного всегда находилось в поле зрения многих ученых, представляющих различные научные направления. Особое место в исследовательском поле занимает непсихоаналитическая традиция изучения бессознательного. Поэтому изучение проблемы бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота представляет научный интерес.

Научная новизна исследования заключается в глубоком изучении по авторской методике и последующим анализом «проблемы бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также использованием терминологии, характеризующей предмет исследования.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, основную часть, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес представляет авторский акцент на том, что «если следовать устоявшемуся в философской науке мнению, что антропологический поворот произошел в XX в., то М. Хайдеггер описывал процесс ему предшествующий. Иначе говоря, вторая половина XIX в. – время подготовки антропологического поворота. Однако мы склонны все же не просто рассматривать антропологизм в философии второй половины XIX-XX вв. как единый процесс (подготовка и переворот), а относить сам антропологический поворот ко второй половине XIX в., потому что именно в данный период в философии сложилась ситуация, в которой «вопрос о человеке определяет вопрос о бытии», появилась достаточная онтологическая база для индивидуально-субстанциального исследования человека (единичный человек стал рассматриваться вне контекста категории «Абсолютный дух» и был по-разному обоснован персонализм».

Библиография содержит 36 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии, а также феномена антропологического поворота. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «психологизация бессознательного связана с антропологическим поворотом. Психологизация возможна только в случае придания личности (Я) субстанциального характера, что онтологически означает самодостаточность и свободу личности. В таком случае бессознательное утрачивает всеобщий характер и становится частью личностного бытия, элементом структуры личности. Психологизация бессознательного (в след за психологизацией

индивидуального Я) предполагает переход к плюралистической онтологии».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, философами, психологами, антропологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, методологии исследования, описать ее более полно, выделить отдельным заголовком. Результаты исследования и их обсуждение можно было бы выделить отдельно. По результатам исследования целесообразно было бы сформулировать обобщающее заключение, а по факту в представленном заключении содержатся выводы по результатам исследования. Выводы же можно было бы выделить как отдельный структурный элемент. Если возможно, то при подготовке статьи можно было обратиться и к зарубежным источникам, сослаться на них и включить в библиографию. При оформлении библиографии необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, особенно уделить внимание источникам, являющимся электронными ресурсами, то есть оформить их как электронные ресурсы. В тексте статьи встречается незначительные технические ошибки, в частности, пропуски знаков пунктуации. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена весьма интересному предмету - бессознательному в его отражении во французской, немецкой и русской философиях в контексте антропологического поворота.

. Цель статьи заявлена максимально четко и конкретно, и содержание статьи соответствует заявленной цели.

Методология исследования явно не прописана, но является очевидной - теоретический анализ. Важным является то, что прописана теоретико-методологическая основа для данного анализа, что принципиально важно для подобного вида статей.

Актуальность статьи является достаточно высокой. Действительно анализ бессознательного в контексте различных течений и с учетом антропологического поворота не встречается в отечественных работах.

Научная новизна обеспечена полнотой анализа, достаточно богатым обзором источников.

Стиль статьи соответствует требованиям к подобным статьям. Структура статьи весьма адекватная, соответствует содержанию. Единственное, объемный параграф, посвященный

Бессознательному одновременно "в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме и русской религиозной философии" стоит все же разделить на отдельные параграфы, посвященные бессознательному в каждом из направлений отдельно, затем, вероятно, добавить сравнительный параграф.

Содержание статьи соответствует заявленной теме, заголовку и теме. Однако, есть замечание к некоторым частям статьи, будто "подвешенным" в воздухе.

Так, в заключении авторы делают вывод: "Религиозная философия признает свободную волю человека, а с точки зрения психоанализа человек детерминирован его бессознательным". Будто отрицая признание психоанализом свободы воли человека. При этом по тексту статьи данный довод обоснован лишь ссылкой на работу В. М. Лейбина. При этом вывод весьма глобальный. Кроме того, автор обобщает психоанализ как нечто единое, цельное и философски, антропологически и методологически монолитное, будто бы не замечая существования не поля психоанализА, а поля психоанализОВ (см. Напр работы В. Н. Цапкина по данной теме)

Отдельное замечание к библиографии. Работа посвящена проблеме бессознательного. Но в ней крайне мало ссылок как на психологов, пишущих о проблеме бессознательного и сознания, (А. Ревонсуо, Ф. Е. Васильюк, Д. Узнадзе тип), так и на психоаналитиков. Ссылок на Фехнера и Ференци явно недостаточно.

Можно было бы это понять, если бы работа была посвящена исключительно философскому анализу. Но работа претендует на сравнение с психоанализом. При этом не содержит ни одной прямой ссылки на работы самого З. Фрейда (а не мнение них), К. Г. Юнга, А. Адлера или более современных авторов. Юнг и Фрейд приведены исключительно через отсылки на иных авторов (Лейбин, Гуревич). Исходя из цели статьи это является серьезным замечанием.

Это же относится и к дискуссии, сравнению собственно позиций.

Статья может вызвать очень высокий интерес аудитории, но требует доработки в соответствии с вышеизложенным в отношении структуры статьи и расширения библиографии.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Проблема бессознательного в немецком постгегелевском теизме, французском спиритуализме, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота». Работа содержит краткую постановку проблемы и проведение теоретического обзора.

Предмет исследования. В центре внимания автора находится исследование проблемы бессознательного в религиозной философии XIX – первой половины XX века (на примере немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии) в контексте антропологического поворота.

Методология исследования. Теоретическую основу исследования составили работы М. Хайдеггера, в которых он исследовал переход метафизики в антропологию. Данный переход был интерпретирован как сущность антропологического поворота.

Для реализации цели исследования использованы следующие методы:

- метод историко-философской реконструкции позволил содержательно рассмотреть трактовку бессознательного в религиозной философии XIX в.;
- системно-структурный метод рассматривает варианты понимания бессознательного и их генезис;
- компаративный метод необходим для осуществления сравнительного анализа понимания бессознательного в религиозной и психоаналитической философии;
- герменевтический метод использован для изучения и анализа философских текстов.

Актуальность исследования. Актуальность исследования опосредована тем, что в научной литературе в настоящее время наблюдается дефицит работ, в которых рассматривается связь между становлением психологической интерпретации бессознательного и антропологическим поворотом. Отдельный интерес представляет изучение непсихоаналитической традиции изучения бессознательного (немецкий постгегелевский теизм, французский спиритуализм, русская религиозная философия).

Научная новизна исследования заключается в том, что проблема психологизации бессознательного в историко-философском контексте как следствие антропологического поворота рассматривается на примере религиозной философии XIX – первой половины XX века и ретроспективно обосновываются модели бессознательного. Автором было изучено отражение учения о бессознательном европейских теистов и спиритуалистов в русской религиозной философии.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части определена «проблемная зона» исследования и автором выделена актуальность. В следующих разделах представлен антропологический поворот, сущность психологического бессознательного, бессознательное в немецком постгегелевском теизме и французском спиритуализме, бессознательное в русской религиозной философии, бессознательное в религиозной и психоаналитической философии. В завершающем разделе подведены общие выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 47 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, научно-исследовательские и учебно-методические материалы. Автор при написании работы опирался на статьи и тезисы, монографии, диссертации, учебно-методические пособия, справочные материалы и интернет-источники. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: определить перспективы дальнейшего исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами бессознательного. Данный предмет был рассмотрен через призму немецкого постгегелевского теизма, французского спиритуализма, русской религиозной философии в контексте антропологического поворота. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Дорохин В.М. Проблема пространства и времени в гравитации с точки зрения утверждения об отсутствии абсолютностей // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.70774 EDN: MAEPSY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70774

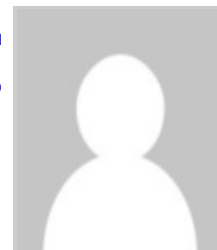
Проблема пространства и времени в гравитации с точки зрения утверждения об отсутствии абсолютностей

Дорохин Василий Михайлович

начальник отдела качества; Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Учебно-Технический Центр «Безопасность»

630110, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Народная, 30/1, кв. 205

✉ dorokhin.vasilij@yandex.ru



[Статья из рубрики "Материя и движение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.70774

EDN:

MAEPSY

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является философская проблема пространства и времени в физике (природе) гравитации, изменение в теориях гравитации конкретики понятий пространства и движения-времени с развитием наших познаний физики в области теоретической физики и современных результатов экспериментальной физики. Исследуются в том числе и такие непосредственно касающиеся пространства и времени недообъяснённые явления, как нелокальность и спутанность, которые проявляются как в микромире – спутываются фотоны, электроны, отдельные атомы, так и в макромире – спутанность частиц обнаруживается на километровых и более расстояниях, тесная связь этих новых явлений современной физики с пространством-временем на макроскопических и квантовых уровнях и вытекающих из излишней математизации трудностей при попытках квантования гравитации, пространства, времени. Методологической основой исследования является применение утверждения об отсутствии абсолютностей к проблеме пространства и времени в гравитации и современных попыток построить квантовую гравитацию. Впервые утверждение об отсутствии абсолютностей применено к философии теорий гравитации, с учётом

новейших экспериментальных данных, касающихся основ философии физики гравитации, обсуждается их соответствие этому утверждению. Показывается, что понятия пространства и времени глобальны: они проявляются и как координаты в ОТО и СТО, и как вместилища гипотетических струн (многомерных микрообъектов, порождающих элементарные частицы). Гравитирующие объекты не могут влиять непосредственно на пространство-время, а создают только связь между объектами – другой объект – гравитацию, предполагаемую третьей формой материи, но не являющуюся непосредственно пусть искривлённым, но пространством-временем. Этот тезис не является поддержкой локальности Эйнштейна, поскольку сам «локален»: относится только к гравитации, не касаясь вопроса спутанности в квантовой механике.

Ключевые слова:

гравитация, пространство, время, материя, квант, вероятность, энергия, общая теория относительности, квантовая гравитация, теория струн

1. История.

Античность.

Средние века. Ньютон – «гипотез я не строю».

Кант и Гегель.

2. Общая теория относительности.

3. Неквантуемость гравитации. Спутанность: недообъяснённые экспериментальные данные.

4. Неокончателность познания. Что идёт за квантами? Следствия из утверждения об отсутствии абсолютностей на знания о гравитации.

5. Выводы.

1. История.

Античность. Познания о гравитации в античности определялись рассуждениями некоторых философов, например в виде постулата «Природа не терпит пустоты», на латыни: *Natura abhorret vacuum*. Выражение принадлежит древнегреческому философу Аристотелю (384—322 до н. э.), который считал, что объекты стремятся к точке из-за их внутренней тяжести: тяжелые тела не притягиваются к Земле внешней силой, а стремятся к центру из-за внутренней тяжести – теперешней гравитации. Современные же экспериментальные и теоретические представления таковы: абсолютная пустота не обнаружена в природе. Всё заполнено или веществом, или внутри вещества – различные поля, как минимум, вездесущее гравитационное поле. Даже вакуум в теории является «морем виртуальных частиц»: вакуум Дирака состоит из электронов и позитронов. Вследствие квантовых флуктуаций вакуума в нем «ниоткуда» возникают электроны, спустя 10^{-22} в минус 22 степени (10^{-22}) секунды исчезающие в «никуда». Квантовый вакуум должен буквально «кипеть» частицами, которые возникают и исчезают. Эти частицы «не успевают» принять участие в каких-либо парных взаимодействиях с реальными частицами. Поэтому они называются виртуальными, что на латыни означает возможными. Так что Аристотель вполне современен.

Однако: абсолютно полное заполнение противоречит утверждению об отсутствии абсолютностей (см. [6]), согласно которому «природа стремится заполнить пустоту» не достигая абсолютного исчезновения пустоты. Что есть «пустота» в этом (абсолютном) понимании? Чистое пространство? Что есть чистое - пустое пространство? Идеальной пустотой являлось бы полное отсутствие чего-либо в пространстве. Что есть идеальное и неидеальное? Платон, диалог «Тимей»: *«Во-первых, есть тождественная идея, нерожденная и негибнущая, ничего невоспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но отданная на попечение мысли. Во-вторых, есть нечто подобное этой идее и носящее то же имя — осязаемое, рождённое, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него исчезающее, и оно воспринимается посредством мнения, соединенного с ощущением. В-третьих, есть ещё один род, а именно пространство: оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно».*

Решение очевидно, в понятии (термине) плотности. Уменьшение плотности вещества-массы-энергии заполняющей объём – это и есть стремление к пустоте. С точки зрения классической физики: дробь $m/V \rightarrow 0$, или $m \rightarrow 0$ $V=\text{const}$, или $V \rightarrow \infty$ $m=\text{const}$, здесь $V=\text{объём}$, $m=\text{вещество-масса-энергия суммарно}$.

Автор отмечает, что сами термины со временем уточняются, стремятся к «истинному» термину, но его не достигают.

Средние века. Ньютон – «гипотез я не строю»

Ньютон о пространстве, времени и тяготении в «Математических началах натуральной философии» писал следующее: *...время и пространство составляют как бы вместилища самих себя и всего существующего. Во времени всё располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве — в смысле порядка положения. По самой своей сущности они суть места, приписывать же первичным местам движения нелепо. Вот эти-то места и суть места абсолютные, и только перемещения из этих мест составляют абсолютные движения* [1].

В заключительном эссе, добавленном ко второму изданию *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* 1713 года Ньютон использовал выражение *hypotheses non fingo*, "Я не формулирую гипотез" в ответ на критику первого издания *«Rationem vero harum gravitatis proprietatum ex phaenomenis nondum potui deducere, et hypotheses non fingo. Quidquid enim ex phaenomenis non deducitur, hypothesis vocanda est, et hypotheses seu metaphysicae, seu physicae, seu qualitatium occultarum, seu mechanicae, in philosophia experimentalis locum non habent. In hac philosophia propositiones deducuntur ex phaenomenis, et redduntur generales per inductionem».* («Вывести основание этих свойств тяготения из явлений я пока не в состоянии, а гипотез я не строю. Ибо все, что не выведено из явлений, называется гипотезой; а гипотезам, как метафизическим, так и физическим, как гипотезам о скрытых качествах, так и механическим, в философии экспериментальной нет места. В этой философии предложения выводятся из явлений и обобщаются через индукцию».)

И всё-таки гипотезы, как существенный элемент познания, были. Теории гравитации, разработанные до общей теории относительности (ОТО): теория Ньютона (1686), её модификации (Клеро и Хилла). В теории Ньютона (в современных терминах), поле плотности массы генерирует скалярное поле гравитационного потенциала. Теория Ньютона и её переформулированный Лагранжем вариант, не принимают во внимание

релятивистские эффекты. Теория Ньютона, с известной степенью точности на современном этапе подтверждённая экспериментом, согласно принципу соответствия, должна воспроизводиться любой теорией гравитации как предел при слабом гравитационном поле и малых скоростях движения тел.

Предлагались так называемые «механические модели» (1650—1900 гг.), например, теория Лесажа (корпускулярная модель) и её модификации. Пуанкаре сравнил все известные к 1908 году теории и пришёл к выводу, что только теория Ньютона корректна. Остальные модели предсказывают большие сверхсветовые скорости гравитационного взаимодействия, что должно было бы приводить к быстрому разогреву Земли вследствие столкновений её частиц с частицами, вызывающими гравитационное притяжение тел, чего не наблюдается.

Вот краткий список этих теорий:

Рене Декарт (1644 г.) и Христиан Гюйгенс (1690 г.) привлекали для объяснения гравитации вихри корпускул, заполняющих всё пустое пространство.

Роберт Гук (1671 г.) и Джеймс Чэллис (1869 г.) предполагали, что каждое тело излучает волны, которые приводят к притяжению им других тел. Никола Фатио де Дюилье (Nicolas Fatio de Duillier) (1690 г.) и Жорж-Луи Ле Саж (Georges-Louis Le Sage) (1748 г.) предложили корпускулярную модель, использующую эффект затенения одного тела другим от потоков корпускул, которые прибывают постоянно со всех сторон (теория гравитации Лесажа). Позднее подобная модель была разработана Хендриком Антоном Лоренцем, однако вместо корпускул он использовал электромагнитные волны.

Исаак Ньютон (1675 г.) и Риман (1853 г.) утверждали, что притяжение тел является следствием взаимодействия с потоками эфира.

Ньютон (1717 г.) и Леонард Эйлер (1760 г.) предложили модель, согласно которой эфир возле тел становится разреженным, что приводит к силе, направленной к телу.

Кельвин (1871 г.) предложил пульсационную модель гравитации и электромагнетизма.

В настоящее время существуют также разнообразные «вихревые» и «эфиродинамические» теории гравитации, а иногда и электромагнетизма. К ним можно приложить в основном всё те же возражения Пуанкаре.

Кант и Гегель рассматривали свойства пространства и их связь с законом тяготения в работах:

- «Всеобщая естественная история и теория неба, или Попытка истолковать строение и механическое происхождение всего мироздания, исходя из принципов Ньютона» 1755 г., Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 1. М., Мысль, 1963;

- «Мысли об истинной оценке живых сил» 1747 г. ;

- Гегель Г.В.Ф. Об орбитах планет. Философская диссертация. // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., Мысль, 1970. С. 235-267.2. Гегель Г.В.Ф. Философия природы. // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 2. М.,: Мысль, 1975. 696 с.3.

Гегель в основном критиковал Ньютона и одобрял работы Кеплера, но и Кант и Гегель писали, что творцом вселенной из хаоса является бог.

2. Общая теория относительности.

Пожалуй, ни одна из теорий физики не вызвала такого внимания в философии, как общая теория относительности.

В конце XIX столетия распространились теории тяготения, связанные с законами электромагнитного взаимодействия: законы Вебера, Гаусса, Римана и Максвелла. Эти модели должны были объяснить единственный аномальный результат небесной механики: рассогласование в вычисляемом и наблюдаемом движении перигелия Меркурия. В 1890 году Леви получил стабильные орбиты и нужную величину сдвига перигелия путём комбинации законов Вебера и Римана. Успешная попытка была предпринята П. Гербером в 1898 году. Но так как исходные электродинамические потенциалы оказались неверными (например, закон Вебера не вошёл в окончательную теорию электромагнетизма Максвелла), эти гипотезы были отвергнуты. Другие попытки, уже использовавшие теорию Максвелла, (например, теория Х. Лоренца 1900 года) давали слишком малую прецессию. Работы Х. Лоренца, А. Пуанкаре и А. Эйнштейна заложили фундамент специальной теории относительности (СТО). СТО согласует уравнения Максвелла с принципом относительности - для всех наблюдателей, движущихся друг относительно друга с постоянной скоростью, законы физики должны представляться одинаковыми. СТО исключает возможность абсолютной одновременности отдаленных событий.

В 1907 году Эйнштейн пришёл к выводу, что для описания гравитационного поля необходимо обобщить тогдашнюю СТО.

В 1913 г. Эйнштейн и Гроссман уже использовали псевдориманову геометрию и тензорный анализ. Были предложены релятивистские теории гравитации: теория Пуанкаре (1905), Эйнштейна (1912a & b), Эйнштейна-Гроссмана (1913), Нордстрёма (1912, 1913) и Эйнштейна-Фоккера (1914). Первая теория Нордстрёма (1912) состояла в попытке сохранить метрику Минковского и постоянство скорости света путём введения зависимости массы от потенциала гравитационного поля. Вторая теория Нордстрёма (1913) являлась первой внутренне непротиворечивой релятивистской полевой теорией гравитации. Примерно в это же время Абрагам развивал альтернативную модель, в которой скорость света зависела от гравитационного потенциала.

Эйнштейн и Фоккер показали тождественность построения Эйнштейна-Гроссмана (1913) и Нордстрёма (1913).

Теория гравитации Эйнштейна, содержащаяся в двух работах 1916 и 1917 года, — это то, что называется сейчас общей теорией относительности (ОТО).

Альтернативы ОТО, разработанные после неё, но до обнаружения особенностей дифференциального вращения галактик, приведшего к гипотезе существования тёмной материи, включают в себя теории (в хронологическом порядке): Уайтхеда (1922), Картана (1922, 1923), Фирца и Паули (1939), Биркгофа (Birkhoff) (1943), Милна (1948), Тири (Thiry) (1948), Папапетру (1954a, 1954b), Литтлвуда (1953), Йордана (1955), Бергмана (1956), Белинфанте и Цвайгарта (1957), Йилмаза (Yilmaz) (1958, 1973), Бранса и Дикке (1961), Уитроу и Мордука (Whitrow & Morduch) (1960, 1965), Кустаанхеймо (1966), Кустаанхеймо и Нуотио (1967), Дезера и Лорена (1968), Пэйджа и Таппера (1968), Бергмана (1968), Боллини-Джамбини-Тиомно (Bollini-Giambini-Tiomno) (1970), Нордведта (1970), Вагонера (1970), Розена (1971, 1975, 1975), Ни (1972, 1973), Уилла и Нордведта (1972), Хеллингса и Нордведта (1973), Лайтмана и Ли (1973), Ли-Лайтмана-Ни (1974), Бекенштейна (1977), Баркера (1978), Рэстолла (1979). Эти теории в основном не включают в себя космологической константы. Также они не включают, если не

оговорено специально, дополнительных скалярных или векторных потенциалов, по той простой причине, что эти потенциалы и космологическая постоянная не рассматривались как необходимые до открытия ускорения расширения Вселенной путём наблюдений за дальними сверхновыми.

В ОТО устанавливаются следующие положения:

«Мы видим, что появление гравитационного поля связано с зависимостью $g_{\mu\nu}$ от пространственно-временных координат. Но и в общем случае, когда мы не сможем соответствующим выбором координат сделать специальную теорию относительности применимой в конечной области пространства, мы сохраним представление о том, что величины $g_{\sigma\tau}$ описывают гравитационные поля.

Таким образом, согласно ОТО, гравитационные силы играют исключительную роль по сравнению с остальными силами, особенно электромагнитными; 10 функций $g_{\sigma\tau}$, представляющих гравитационное поле, определяют в то же время метрические свойства четырехмерного пространства» [2].

«§ 14. ...В дальнейшем мы будем различать «гравитационное поле» и «вещество» в том смысле, что все, кроме гравитационного поля, будем называть «веществом»; это значит, что к последнему относится не только «вещество» в обычном смысле, но и электромагнитное поле» [2].

«§ 3. ...Согласно общей теории относительности, метрический характер (кривизна) четырехмерного пространственно-временного континуума определяется в каждой точке находящейся в ней материей и состоянием последней. Поэтому вследствие неравномерности распределения материи метрическая структура этого континуума должна быть крайне запутанной. Но если говорить о структуре пространства в целом, то мы можем представить материю как бы равномерно распределенной по очень большой области пространства, так что ее плотность распределения становится чрезвычайно медленно меняющейся функцией». И в конце параграфа: «...Теоретическое представление о реальном мире, согласно нашим рассуждениям, было бы следующим. Характер кривизны пространства в соответствии с распределением материи зависит от места и времени; однако это пространство в целом можно приближенно представить в виде сферического пространства. Во всяком, случае, это представление логически непротиворечиво и с точки зрения общей теории относительности является наиболее естественным. Мы не будем здесь рассматривать вопрос о том, приемлемо ли это представление с точки зрения современных астрономических знаний. Правда, для того чтобы прийти к этому непротиворечивому представлению, мы должны были все же ввести новое обобщение уравнений гравитационного поля, неоправдываемое нашими действительными знаниями о тяготении» [3].

В ОТО кривизна пространства-времени играет ту же роль, что электромагнитные поля для сил электромагнитного взаимодействия. Поле заменяется динамическим искривлением пространства, а гравитон – «кусочек» поля, обладающий энергией – тоже искривляет пространство, т.е. имеется ввиду так называемое «самодействие». В ОТО Эйнштейн объединил два ранее чётко разделённых понятия (термина) – пространство и гравитацию, потому что как пространство, так и гравитация обладают качеством вездесущности. Что есть вездесущее, с точки зрения человечества на сегодня: - пространство; движение - время; материя; гравитация; бог; нечто, ещё нам неизвестное.

Абсолютно пустое пространство – это идеал. В ОТО полагается, что в присутствии материи происходит искривление пространства-времени, являющегося гравитационным полем, причем чем больше энергия материи, тем искривление сильнее. Таким образом, в ОТО гравитационное поле является свойством пространства-времени, проявляющимся в присутствии материи. Этим свойством является неевклидовость метрики (геометрии) пространства-времени, и материальным носителем тяготения является пространство-время. Распространение искажений (возмущений) гравитационного поля, то есть изменений метрики при движении тяготеющих масс – это «излучение» гравитационных волн, движущихся с конечной скоростью, постулированной в ОТО и принятой по косвенным экспериментальным данным равной скорости света в пределах погрешностей.

На настоящее время скорость распространения гравитационного взаимодействия экспериментально непосредственно не определена.

Автор в [121] предложил схему эксперимента по определению этой скорости. Однако этот эксперимент на настоящее время очень затратен.

Но метрика – это математика, а физическое пространство-время «материальный носитель тяготения» – это и есть гравитационное поле, согласно ОТО. Гравитационное поле материально, метрика же – нематериальна. Возможно ли наложение ограничения по скорости на нематериальную сущность? Предполагается, что *где-то есть пространство-время без присутствия материи, то есть, нематериальная сущность*. Очевидно, в математике. Но вот появляется откуда-то материя и пространство-время становится материальным. Поле приравнено к искажённому, но всё же пространству. Но есть ли в природе плоское евклидово пространство? Ведь везде присутствует материя, искажающая пространство и евклидова плоского пространства нигде нет. Согласно утверждению об отсутствии абсолютностей, стремление к евклидову плоскому пространству возможно, но его абсолютного достижения нет. Пространство, искажаясь, из одной ипостаси – плоского евклидова переходит в неевклидово – представляет собой «псевдориманово многообразие» с переменной метрикой (см. пространства Римана, Лобачевского) и в динамике (в движении-времени) – в гравитационные волны, обладающие вполне физическим свойством – импульсом, следовательно, искажённое пространство-время вполне материальный объект. В ОТО [4] гравитационное поле отделено от материи, понимаемой здесь как сумма вещества и всех остальных полей, дающих вклад в энергию-импульс, кроме поля гравитационного, хотя с точки зрения физики поле – это вполне материальная вещь. Например, квант электромагнитного поля (фотон) – вполне материальный объект, также и гравитационная волна – объект материальный, что и показало экспериментальное обнаружение гравитационных волн. Проведём мысленный эксперимент: удалим из ограниченного объёма вещество, затем экранируем этот объём от электромагнитных полей, затем (если бы это было возможно) экранируем его от гравитационного поля (о возможной экранировке гравитации см., например, [5]). Затем, отодвигая экраны от центра нашего выделенного объёма, мы в центре будем получать всё более и более пустое пространство. В идеале при удалении этих экранов на бесконечность, в центре получим пустое пространство. Согласно ОТО, это будет плоское евклидово пространство. Однако, согласно квантовой физике, это не будет абсолютный вакуум: как указано выше, этот объём будет наполнен виртуальными частицами, от которых теоретически (на настоящем уровне наших познаний) избавиться нельзя. То есть, практически как было, так и осталось на сегодня – пространство – это то, что есть везде и то, что позволяет объектам перемещаться – основное свойство пространства – обеспечение движения. Пространство-время в ОТО обретает физические атрибуты, которые влияют на физические объекты и сами зависят от них. Здесь мы

наблюдаем, скорее всего, «философический» беспорядок в терминологии, вызванный смешением физики и математики. Об осторожности в подходе к терминам предупреждал ещё Беркли, (см. [7], стр. 363). Экстраполяция наших настоящих знаний на будущее вызывает уже сейчас невозможность теоретического обоснования экспериментальных данных о спутанности частиц и построения квантовой теории гравитации.

В современных представлениях о гравитации понятия пространства и времени являются главными. Автор хотел бы отметить, что пространство и время не измеряются и не ощущаются непосредственно. Измеряются и ощущаются какие-либо объекты и движения. Так же, как и пространственные свойства объектов измеряются какими-то избранными объектами, так и время измеряется какими-то избранными движениями.

Объект — это первичное понятие, оно ничем другим не определяется и может быть объяснено лишь на примере. К объектам можно отнести и всё вокруг нас, как одно целое, как один объект, так и части этого целого, как множество объектов.

Объект - понятие, конкретное содержание которого раскрывается при определении чего-либо как объекта. Любой объект определяется при установлении его свойств. Например: пространство физическое — это объект, обладающий самым большим объёмом из всех остальных объектов и включающий их в себя. Автор предлагает следующее определение пространства: пространство – это то, что есть везде и то, что позволяет объектам перемещаться. В самом деле, мы не можем отказать в наличии пространства в местах, где существует движение, а пока человечество не обнаружило мест в природе и вглубь (в микромире) и вширь (галактики и большие объекты), где бы абсолютно не было движения.

Объектами нематериальными можно назвать математические объекты, объекты, воображаемые людьми и всякие материально несуществующие и не существовавшие объекты – «тараканы» в головах людей. Человеческая мысль есть объект нематериальный, но он не является неподвижным, неизменным объектом, это объект движущийся, изменяющийся, нестатичный. «Мысль изречённая есть ложь». Таким образом, при представлениях (абстракциях) пустого пространства, без движения, без времени или одиозного объекта без пространства и движения человек не может абстрагироваться от себя (наблюдателя) и представить «пространство» или «объект» без движения - времени он не сможет, поскольку движение – и «время», как тень движения, сидят в нём самом, как существе мыслящем: «я мыслю, следовательно, я существую» - то есть, нахожусь в движении - времени.

Прошлое, настоящее, будущее — это результат попыток человечества избрать себя как точку отсчёта, центр мира. На самом же деле существуют движения объектов, непрерывные движения (вследствие отсутствия абсолютно фиксированного положения объектов относительно друг друга). Говорить о начале и конце этого движения — это значит не суметь оторваться от своей человеческой (конечной и начальной) природы. "У человека нет никаких оснований считать себя привилегированным существом природы ... иллюзия, предрасполагающая его переоценивать свою роль происходит оттого, что он одновременно и наблюдатель Вселенной и её часть" [8. С. 391]. Начала, окончания - абсолютности — это результат переноса (отражения) человеком на природу своих человеческих свойств. "Всему в природе присуще движение, а все эти слова (жизнь, мысль, разум) в конце концов обозначают только движение, только игру частей, из которых мы состоим" [8. С 373]. Конечно, если следовать Беркли в вопросе о движении и о боге как основе движения (см. [7], стр. 385), то можно объяснить вообще всё сущее

с помощью божественного абсолюта.

Мы, вернувшись «обратно», не возвращаемся в ту же точку пространства, в которой были Δt (дельта t) времени назад. Мы пришли в другую точку, так как вследствие общего движения все объекты ушли из предыдущих точек. Следовательно, возвращение в «ту же точку» возможно лишь в абстрактном мире: в математике. В мире физическом - невозможно. Но «невозможно» равносильно «абсолютно», что противоречит утверждению об отсутствии абсолютностей. Следовательно, мы не можем прийти в абсолютно ту же точку, но мы можем приближаться к точному возврату к ней, как кривая в математике бесконечно приближается к асимптоте. Мы видим следующее: для воздействия из *настоящего* на ближайшее *прошлое* нужно затратить малое количество энергии (это связано и с конечной скоростью передачи энергии), но чем дальше объекты в своём движении уходят из точки, с которой мы начали отсчёт (нашего «настоящего», говоря привычным языком), тем больше энергии надо затратить, чтобы вернуть *прошлое*. В конце концов, затрачиваемая энергия стремится к бесконечности. Но если принцип причинности абсолютно запрещает машину времени, то тогда не должно было бы существовать никакой памяти. Применим к этому абсолютному запрету утверждение об отсутствии абсолютностей и получим, что как раз наличие памяти нарушает совершенную абсолютность принципа причинности. На основе утверждения об отсутствии абсолютностей также предполагаем и вероятностный подход к понятиям «прошлого», «настоящего», «будущего». Например, скелет мамонта в музее – он был в прошлом: скажем, вчера с вероятностью от 1 до 99,9995%; есть в настоящем: скажем, сегодня с вероятностью от 1 до 99,998; будет завтра скажем, с вероятностью 99,991. Подход автора отличен от предлагаемого в [15] подхода при определении вероятности наступления событий в будущем большим единицы. Автор полагает, что при таком подходе нарушается не только терминология, но и само понятие вероятности наступления событий. Например: событие (и оно же явление) – восход солнца. Вероятность восхода солнца завтра около 1. А что такое восход солнца завтра с вероятностью больше 1? Восход большего, другого солнца или двух? Но это уже другое событие или явно другое явление. Пример с орлом, решкой и ребром монеты в [15]: тогда просто необходимо добавить в множество возможных событий падение на ребро, но опять же сумма вероятностей событий или явлений (уже трёх) будет равна 1. То есть, в этом случае нужно рассматривать более полную группу событий, а не только орёл и решка. Верхний предел вероятности вообще в [15] не определён, указано, что «Вероятность явления будущего выше единицы. Вероятность явления настоящего равна единице. Вероятность явления прошлого меньше единицы».

Почему время существенное понятие при рассмотрении философии гравитации? Потому что оно входит и в СТО и в ОТО, как четвёртая координата и как понятие, которое невозможно никак обойти в физике гравитации, да и вообще в физике и в философии.

Люди начали использовать время, как удобную для пользования и расчётов абстрактную, математическую величину. Движения же не являются выдумкой людей. "Природа не предназначает никаких целей, и все конечные причины составляют только человеческие вымыслы" (Спиноза) [8. С. 249]. Поэтому разговоры о «стреле времени» о её «необратимости» напоминают прежние споры богословов о том, сколько же чертей может уместиться на кончике иглы. У движений нет того, что люди называют прошлым или будущим, есть только то, что люди называют настоящим. Но это настоящее не может иметь длительность, равную абсолютному нулю. Таким образом, мы не можем говорить, что "настоящее" является абсолютно чёткой гранью между "прошлым" и "будущим". Движения объектов несут с собой информацию о пройденном пути. Если рассмотреть

окружение и направление, можно предсказать с некоторой вероятностью и продолжение пути. Автор полагает, что на человеческом эмоционально-эстетическом уровне можно сказать, что **время – тень движения**. Тогда можно избавиться от парадокса Мак-Таггарта [14], заключающегося в том, что при рассмотрении течения времени необходимо вводить ещё одно время, кроме рассматриваемого.

В основе измерения времени и вообще понятия «время» стоит цикличность: время «идёт» шаг за шагом, сутки за сутками, год за годом. Цикличность – волнообразность – делает изменения повторимыми, но не абсолютно. Движение – «становление» – не абсолютно непрерывно. Каждое движение можно выделить как обособленное и перетекающее в иное. Прерывность и непрерывность – это опять же результат человеческого познания, метода познания, а на самом деле существует смесь, «суп» из прерывностей и непрерывностей – «становление».

На основе утверждения об отсутствии в природе абсолютностей, можно заключить, что в природе нет равномерного, прямолинейного, равноускоренного движения, что любое движение является переменным (волнообразным), что мы и наблюдаем в природе и в обществе. Волнообразность – следствие отсутствия в природе и в обществе абсолютного повторения и абсолютной неповторимости. Обобщение: – любое движение (процесс) в природе и в обществе протекает волнообразным (циклическим) образом. Параметры этих волн (длины, амплитуды, фазы) различны и непостоянны. Подтверждением сказанного служит факт регистрации гравитационных волн впервые напрямую экспериментальным путём 14 сентября 2015 года лазерно-интерферометрической гравитационно-волновой обсерваторией – сокращённо LIGO [18].

В математической физике известны теоремы Нётер, согласно которым законы сохранения следуют из тех или иных симметрий. Например, законы сохранения энергии, импульса и момента количества движения являются следствиями симметрий физических объектов в пространстве и времени. Эти симметрии обусловлены свойствами ненаблюдаемости абсолютного времени и абсолютных пространственных координат. То есть, здесь мы видим подтверждение утверждения об отсутствии абсолютностей – нет абсолютного времени, время – абстракция движения: «время – тень движения».

Время – как тень движения – является чистой реляцией: движения – это изменения положений объектов или подобъектов относительно друг друга, это не субстанция, а реляция, поскольку «субстанциональная концепция предполагает, что время есть самостоятельное явление природы, существующее наряду с пространством, веществом и физическими полями. Реляционная концепция, наоборот, отрицает существование времени как самостоятельного явления и трактует его как специфическое проявление свойств самих физических тел и происходящих с ними изменений» [9. С. 369].

Однако в ОТО время, войдя в состав пространства-времени (континуума), искривляясь и двигаясь в виде гравитационных волн имеет импульс, следовательно, обладает субстанциональными свойствами!

Если же применить к этому казусу утверждение об отсутствии абсолютностей, можно заключить, что время «качается» между субстанциональной и реляционной концепциями.

Понятия времени и пространства объединяет одно свойство: неодноточечность. У пространства это свойство называется протяжённостью (объёмом). У времени это свойство называется длительностью. Неодноточечность подтверждает **утверждение** об отсутствии абсолютностей, так как точка – абсолютность.

Геометрически правильная окружность с радиусом, равным нулю является абсолютностью замкнутого движения. Такая окружность эквивалентна математической точке. Геометрическая «евклидова» прямая является абсолютностью разомкнутого движения. Согласно утверждению об отсутствии абсолютностей, любое движение будет чем-то средним между этими абсолютностями: говоря математическим языком, любое движение будет находиться между этих асимптот: абсолютностью разомкнутого движения и абсолютностью замкнутого движения.

Согласно **утверждению** об отсутствии абсолютностей, в природе не существует абсолютного покоя. Не существует и «абсолютного движения», так как им должно быть мгновенное изменение положения объектов, т. е., бесконечно большая скорость.

Инертность — это невозможность изменения каких-либо (а тем более всех сразу) свойств объекта мгновенно, то есть, с бесконечно большой (абсолютной) скоростью.

3. Неквантуемость гравитации.

Сразу же оговоримся – квантовая механика, квантовая хромодинамика, вообще теории квантовых полей сложны для понимания человеком, привыкшем находиться в области классической механики, оперирующей в основном макрообъектами, к которым относится и человек. Поэтому даже у «подкованных» индивидов возникают вопросы при попытках применить квантовые положения к гравитационному полю: гравитоны – кванты гравитационного поля или кванты искривлённого пространства? Ведь переносчики иных взаимодействий представляют собой «сгустки» полей (электромагнитного поля – фотон, сильного – глюон, слабого и Хиггса – бозоны) находящихся в пространстве, то есть, в этом смысле опять гравитация выделяется из общей картины, здесь гравитон то ли сгусток гравитационного поля, то ли сгусток кривого четырёхмерного пространства-времени.

К тому же некоторые современные теории предполагают гипотетическое квантование пространства-времени. Но что же будет границей или промежутком между «квантами» этого состояния – пространства-времени, и можно ли это назвать пространством-временем? Ведь в настоящее время подразумевается, что квант – это некий объект, подчиняющийся некоторым законам и (внимание!) занимающий какую-либо часть объёма пространства и как-то отделённый от других объектов пространственно-временным промежутком, то есть, имеющий некие, может быть нечёткие, но границы. Но что будут представлять собой границы (чёткие, нечёткие, хотя бы какие?) кванта пространства-времени? Как будет (или не будет?) связан он с «соседями»? Пространство не может быть абсолютно непрерывным, согласно утверждению об отсутствии абсолютностей, однако оно может стремиться к такому состоянию, его не достигая. Т.е. возможны какие-то части пространства, ограниченные каким-либо образом, но не абсолютно. Связность частей пространства может быть иной, нежели в соседних областях, свойства этих частей будут как-то отличаться от соседних.

Квантовая гравитация – «мозаика» пространства-времени «четырёхмерные кусочки», гравитон (виртуальный, не виртуальный) как «дырка» (электроны и дырки, – дырки – это отсутствие электронов в некоторых местах и потому эти места имеют положительный заряд, не имея материального носителя заряда, как в случае с электроном), но: каков переход от мозаики к кривому, но непрерывному (гладкому) пространству-времени ОТО? Очевидно, возможно применение принципа соответствия Бора к ОТО и квантовой гравитации: уравнения квантовой гравитации должны переходить в уравнения ОТО при неких условиях. Принцип соответствия – постулат квантовой механики (вернее, постулат

Бора), требующий совпадения её физических следствий в предельном случае больших квантовых чисел с результатами классической теории. Если квантовые числа велики, то система с высокой точностью подчиняется классическим законам. С формальной точки зрения это означает, что в пределе $\hbar \rightarrow 0$ квантовомеханическое описание физических объектов должно быть эквивалентно классическому. Или в более широком, философском смысле: любая новая теория, претендующая на более глубокое описание физической реальности и на более широкую область применимости, чем старая, должна включать старую как предельный случай. Здесь сразу можно задать вопрос: а возможен ли принцип соответствия «наоборот» - уравнения ОТО при неких условиях должны переходить в уравнения квантовой гравитации по аналогии с процессом «интегрирования» обратном «дифференцированию» - более простому процессу, можно ли по уравнениям ОТО предположить вид уравнений квантовой гравитации? Возможная трансформация такова: 4-х мерный мир переходит в n-мерный мир квантовой гравитации при уменьшении длин, как это произошло при переходе от классической механики к квантовой. Философские исследования многомерности пространства-времени в микромире (см. например, [\[13\]](#)) на настоящее время не привели к изгнанию из микромира времени (то есть, признания за временем нуль-мерности) и уж тем более, движений, что подтверждает верность утверждения об отсутствии абсолютностей.

Существующие трудности при работах, направленных на создание квантовой гравитации связаны кроме прочего, и с тем, что:

- гравитационные волны перемещаются в «своей среде» – в гравитационных полях, которые есть везде, а электромагнитные – как в «своих», так и вне «своих» сред;
- в природе пока неизвестны места, где нет гравитационного поля, нет гравитации. Однако из утверждения об отсутствии абсолютностей следует, что гравитационное поле не может быть абсолютно везде, должны быть места, где оно, например, близко к 0, но не к абсолютному 0, т.е. стремится к 0, его не достигая.

Автор полагает, что при рассмотрении, например, постоянной Планка, обозначаемой обычно \hbar , или, как иногда ещё её называют, кванта действия, надо учитывать, что поскольку интенсивности электромагнитного и гравитационного взаимодействий разнятся на 36 порядков, можно положить, что использование Планковского «кванта действия» – из-за своей «огромности» не распространяется на гравитацию. Исходя из общей аналогии пропорциональности энергии волн их частотам, гравитационный квант действия (обозначим его как h_g) должен быть порядка 7×10^{-70} Дж×с, в предположении квантования гравитации. В [\[18\]](#) указано, что согласно экспериментальным данным, верхнее ограничение на массу гравитона m_g было оценено как $1,2 \times 10^{-22}$ эВ/ c^2 (10^{-55} г), комптоновская длина волны гравитона $\lambda_g = \hbar/cm_g$ не ниже 10^{13} км.

Параметр $\hbar/m_e c$ равен $2,4 \times 10^{-10}$ см и назван комптоновской длиной волны электрона в честь А. Комптона (A. Compton), рассмотревшем в 1922-1923 г.г. вопрос рассеяния рентгеновских лучей на электронах. Комптоновская длина волны является не классическим, а квантовым параметром, поэтому оценивать длину гравитационной волны как гравитона, как кванта гравитации не правомерно. Это «классическая» длина гравитационной волны, а не кванта, несмотря на учёт дуальности свойств частиц.

Если же принять гравитационный квант действия 7×10^{-70} Дж×с, $\lambda_g = \hbar/cm_g$ не ниже 10^{20} м. Эта величина более соответствует «размерам» квантов, нежели 10^{13} км. Понятно,

что 10^{13} км - это порядки расстояний между двумя вращающимися чёрными дырами, которые излучали принятые гравитационные волны (гравитационные «всплески»). Но ясно также, что мы здесь имеем аналогию с электромагнитными волнами - у диапазона длин электромагнитных волн от 10 км до тысяч км квантовые свойства намного слабее проявляются, нежели у диапазона от 10^{-11} м до 10^{-15} м. Длина волны гамма-квантов (электромагнитные волны) около 10^{-15} м. Гамма-квант должен взаимодействовать гравитационно с подобным гамма-квантом. Поэтому длина волны «обменного» гравитона кажется более вероятной как 10^{-20} м, а не 10^{16} м. Кроме того, аналогично принципу соответствия - постулату Бора, что переход от квантовой механики к классической происходит тогда, когда действие $S \gg h$ можно предположить, что квантовая гравитация переходит в ОТО когда действие для гравитационного поля становится много больше h_g : $S_g \gg h_g$.

Трудности с построением теории квантовой гравитации обозначены на современном этапе например, в [17] - «Постквантовая теория классической гравитации?» *Jonathan Oppenheim* попытался создать кентавра из теории классической гравитации и квантовой теории поля. Он поставил вполне законный вопрос: а должны ли мы квантовать гравитацию? «Шаг» между классической механикой и квантовой в пространственных размерах около 15 порядков (10^5 в 15 степени): сантиметровый кубик и размер атома, временных интервалах примерно то же самое: секунда и фемтосекунда, энергетических интервалах около 19 порядков: электронвольт и джоуль. Разницы в величинах расстояний и энергий между квантами электромагнитных, слабых, сильных взаимодействий и гипотетических гравитонов таковы, что логично предположить нечто новое, нежели квантовые процессы и, возможно, математику. Автор в [6] полагает, что гравитация не обязана быть квантовой: поскольку она представляет 3-ю форму материи: 1 форма - вещество, 2 форма - поле, 3 форма - гравитация.

Кроме того, отметим, что в 1964 году Джон Белл, распространив положения эффекта Эйнштейна-Подольского-Розена на случаи измерений спинов вдоль непараллельных осей показал, что никакая локальная теория не может дать тех же предсказаний относительно результатов экспериментов, какие дает квантовая механика. Для проверки неравенств Белла были проведены эксперименты (Ален Аспе, Джон Клаузер, Антон Цайлингер, нобелевская премия по физике за 2022 год за эксперименты по исследованию «спутанных состояний»), подтвердившие, что мир следует предсказаниям квантовой механики - изменению состояния одной частицы при изменении состояния другой, связанной с первой через уравнение Шредингера. Если бы существовало взаимодействие, отвечающее за такую связь между частицами, то по экспериментальным данным его скорость должна была бы быть около 800000 скоростей света.

Согласно следствию из утверждения об отсутствии абсолютностей все объекты связаны, величины связей колеблются между двумя асимптотами: нулём и бесконечностью. Связь двух фотонов, только что образовавшихся в одной физической точке, стремится к бесконечности, и их же связь при движении на бесконечность друг от друга стремится к нулю. Очевидно, у спутанных фотонов величины этих связей отличны от величин связей у неспутанных фотонов.

Спутанные фотоны движутся в переменном гравитационном потенциале Земли, в основном не прекращающем запутанные состояния, хотя переменный гравитационный потенциал является слабым возмущением - «слабым измерением», при определённом увеличении должен прерывать спутанные состояния. Более подробно, с учётом

современного уровня развития теоретической физики вопросы философии квантовых гипотез гравитации рассмотрены в [16]. Например, теория суперструн предлагает ограничить минимальный размер частиц, что приводит к абсолютности, а это противоречит утверждению об отсутствии абсолютностей. Приведённый в [16] анализ попыток построения удовлетворительной теории квантовой гравитации показывает, что решение этого вопроса – за экспериментом.

Существуют несколько парадоксов в квантовой физике, которые «неуверенно» объясняются современной теорией. Известна дискуссия Нильса Бора и Альберта Эйнштейна на пятом Сольвеевском конгрессе физиков в 1927 году. Эйнштейн настаивал на сохранении в квантовой физике принципов детерминизма, вот примерный диалог Эйнштейна с Бором: Эйнштейн - «Бог не играет в кости», Бор – «Альберт, не указывай Богу, что ему делать». Но это как раз и говорит о том, что человечество находится в процессе познания и категоричность утверждений о том, что бог не играет в кости является всего лишь эмоцией, а не рациональным подходом в познании. Здесь мы сталкиваемся с тем, что человек ещё плохо познал своё собственное мышление, свой мозг, сознание и подсознание.

Автор может предложить в качестве иллюстрации к сказанному своё четверостишие:

Мы как слепцы - дороги мироздания

Нащупываем посохом познания

Нам разум – поводырь, надежда в том,

Что мы на голос истины бредём...

4. Неокончателность познания. Что идёт за квантами? Следствия из утверждения об отсутствии абсолютностей на знания о гравитации

Согласно ОТО тяготение локально: если масса колеблется, то «рябь» на кривизне пространства-времени распространяется со скоростью света. Однако проверки неравенств Белла подтвердили, что мир нелокален. Часть человечества находится в плену абстракций: сводит все многообразие мира к точке и Большому взрыву и в этом направлении развивает ОТО. Но история познания говорит об ином: при увеличении объёма знаний наступают как упрощения, так и усложнения познаний о природе.

В современной космологии пространство обладает свойством кривизны. Кроме того, существует теория большого взрыва, в соответствии с которой Вселенная произошла в результате взрыва одной точки. С точки зрения философии этот «акт творения» вполне библейский и ничего далее не объясняет. Однако, здесь сей феномен наталкивается на свойство познания: познающий субъект (например, человек) вправе или не вправе, но задаст вопрос: что было (и было ли?) до? И никакими криками о том, что это – дилетантский вопрос, познание не остановить, даже если вы вернётесь к сжиганию на кострах этих вопрошающих.

Современная философия ушла от простого механицизма Галилея, Декарта, Ньютона, Лапласа и других великих. Однако их стремление к ясности в понимании картины мира гениально и остаётся путеводной звездой в нашем познании мира. Хотелось бы напомнить о том, что не всегда даже подтверждаемая наблюдениями картина мира была верна. Например, система Птолемея была подтверждаема наблюдениями, но громоздка. ОТО также подтверждаема наблюдениями, но очень сложна, а современное её развитие

ещё более её усложняет. Можно ожидать, что снова будет предложена более простая система (схема) гравитации. В смысле же применения к процессу познания следствий из утверждения об отсутствии абсолютностей автор хотел бы сказать, что наше познание развивается и будет развиваться волнообразно, колеблясь между сложными и простыми теориями.

5. Выводы

Автор в работе [\[2\]](#) постулировал утверждение об отсутствии абсолютностей в природе, аналогичное законам сохранения - то есть, базирующееся на обобщении опыта, фактов и наблюдений.

Абсолютности, абстракции появляются в результате попыток человечества осмыслить мир. Абсолютное, абстрактное - неприродное, нематериальное. У человечества самыми явными абсолютностями, без сомнения, являются боги. Единобожие в этом смысле наибольшая абсолютность – бог един и вездесущ. С точки зрения физика это подобно гравитационному полю – оно присутствует повсюду и действует на все материальные объекты – вещественной или полевой природы.

Из утверждения об отсутствии абсолютностей в природе следует «Принцип ограничения экстраполяции»: чем далее мы находимся во времени от нашего настоящего времени, чем более далёкие расстояния от Земли, чем большие или меньшие энергии от земных (достигнутых человечеством) - тем меньшие основания экстраполировать известные нам законы на эти времена, расстояния и энергии.

Двигаясь от конкретных объектов и движений через выделение их общих свойств к абстрактным понятиям, человечество слишком далеко ушло от конкретного и в результате получило абстрактные математические вещи, которые теперь своей оторванностью от реального тормозят познание. Можно сказать, что здесь человечество злоупотребило распространением (экстраполяцией) изученных свойств объектов и движений на весь ещё не изученный мир. В самом деле, экстраполяция в ОТО привела к тому, что гравитационное поле отождествляется с пространством.

Познание природы происходит так, что теория проверяется наблюдениями и экспериментами. Нильс Бор перешёл от абстракций уравнений классической электродинамики Максвелла к абстракциям квантовой механики, поскольку реальный мир показывал, что электрон не падает на ядро, как он должен был то делать согласно уравнениям Максвелла. Теперь - подобная ситуация, и, следуя Бору, надо перешагнуть через какую-то абстракцию: например, невозможность передачи сигнала быстрее скорости света, из-за того, что частицы запутаны и это – экспериментальный факт. В мысленном эксперименте Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР) рассматривалось поведение электронов, так же, как и уравнение Шрёдингера было выведено на основе наблюдения за поведением электронов. Общее у этих состояний – описание через уравнение Шрёдингера, через волновую функцию Ψ . Согласно утверждению об отсутствии абсолютностей, передача взаимодействия с бесконечно большой скоростью невозможна. Очевидно, что уравнение Шрёдингера при описании этих случаев выходит за область своего применения так же, как ранее выходили уравнения Максвелла. Следовательно, нужно новое «уравнение Шрёдингера» или вообще другая группа уравнений, в которых бы скорость передачи взаимодействия между квантовыми объектами не была бесконечно большой. Может быть, решение проблемы как раз в том, что время – величина нефизическая, абстрактная, физичны лишь движения и объекты и нет перепутанностей и ограничений на скорости объектов относительно скорости света.

В подкрепление положения о нефизичности, абстрактности, мнимости времени приводим цитаты из [\[11\]](#):

«...Вселенная конечна, но не имеет границ (в мнимом времени) ...»

«...Квантовая ... теория гравитации открыла ... новую возможность: пространство-время не имеет границы... пространство-время не имеет края, на котором пришлось бы прибегать к помощи Бога или какого-нибудь нового закона, чтобы наложить на пространство-время граничные условия. ...Тогда Вселенная была бы совершенно самостоятельна и никак не зависела бы от того, что происходит снаружи. Она не была бы сотворена, ее нельзя было бы уничтожить. Она просто существовала бы».

«Может быть, следовало бы заключить, что так называемое мнимое время – это на самом деле есть время реальное, а то, что мы называем реальным временем, – просто плод нашего воображения. В действительном времени у Вселенной есть начало и конец, отвечающие сингулярностям, которые образуют границу пространства-времени и в которых нарушаются законы науки.»

«Попытки объединить гравитацию с квантовой механикой привели к понятию мнимого времени. Мнимое время ничем не отличается от направлений в пространстве. Идя на север, можно повернуть назад и пойти на юг. Аналогично, если кто-то идет вперед в мнимом времени, то он может повернуть и пойти назад. Это означает, что между противоположными направлениями мнимого времени нет существенной разницы.»

С точки зрения математики комплексное число состоит из суммы вещественной и мнимой слагаемых. Значит, время представляет собой комплексную величину, состоящую из нашего, «вещественного» времени и времени мнимого. Хокинг постулировал абстрактность времени «реального» (вещественного), а мнимое время как-то уже сложно назвать временем истинным, не абстрактным. Это косвенное удостоверение того, что время – всего лишь тень движения.

Человек, как познающий субъект, рассматривает время как последовательность движений. Точкой отсчёта человечество избрало себя, как бы оно ни маскировало эту точку божественным актом творения или большим взрывом. Если же принять, что любой объект (человек, не человек) будет точкой отсчёта, то нужно признать, что количество таких точек стремится к бесконечности и признать маловероятность акта творения, хотя вероятность этого акта не равна точному нулю. Маловероятность, но не полное, абсолютное, отрицание акта творения подтверждает вышеприведённая цитата из книги Хокинга.

На современном этапе можно сослаться на исследования Тумулки, доказавшего теорему (см. [\[10\]](#)), в рамках современной математики (теории групп и пр.): «Мы доказываем теорему, показывающую, что в каждой онтологической модели невозможно измерить все возможные значения. Иными словами, не существует эксперимента, который бы надежно определял онтическое состояние. Этот результат показывает, что позитивистская идея о том, что физическая теория должна включать только наблюдаемые величины, слишком оптимистична.» (В онтологии онтический – это физическое, реальное или фактическое существование, *прим. автора*). Эта теорема показывает ограничение реальных измерений в онтологических моделях квантовой механики и подкрепляет утверждение об отсутствии абсолютностей, из которого следует, что невозможно учесть абсолютно все параметры системы для включения их в решение той или иной теоретической или экспериментальной задачи. Всегда остаются «хвосты» неучтённых параметров, более

или менее влияющие на истинность решения задачи. Истинность (и то неполная) – на момент решения задачи, а не абсолютная. Но это – результат того, что мы находимся в постоянном процессе познания. В этом смысле прав Бор, а не Эйнштейн, считавший, что существуют «скрытые параметры», зная которые можно абсолютно точно определить будущее системы. В этом смысле ограниченность ОТО – детерминизм абсолютный – вера в абсолютность теории – математику. Что касается вопросов веры в бога у физиков, можно рассмотреть их ещё со времен Ньютона (см. [7], стр. 149-247), или в [11].

В настоящее время ОТО представляет нам гравитацию как некую сплошную (непрерывную, недискретную) среду. В ОТО утверждается, что гравитационное поле и искривлённое пространство являются чем-то одним – одной и той же сущностью. Но это и препятствует «квантованию» гравитации – ведь тогда нужно квантовать пространство. Однако, пространство физическое, как объект, обладающий самым большим объёмом из всех остальных объектов и включающий их в себя, вряд ли корректно отождествлять с гравитационным полем. Основное свойство пространства (как объекта) – протяжённость (объём), основное свойство гравитационного поля – наличие в каждой точке, где оно есть, действия на материальный объект сил поля. Согласно утверждению об отсутствии абсолютностей можно предположить, что гипотетически размер «квантов пространства» стремится к 0, его не достигая. Взаимодействия имеют своих переносчиков – кванты полей, в том числе и гравитационное имеет пока не обнаруженный квант – гравитон, пространство же, условно и так разделяемое на подобъекты, «квантовано» и непрерывно одновременно. Рассмотренные теоретические и экспериментально-опытные ранние и современные изыскания (см. например, [19], [20] показывают, что пространство и время, даже искривлённые, не тождественны гравитационному полю. Масса не может действовать непосредственно на пространство, нужен посредник – гравитационное поле, оно и осуществляет связь между тяготеющими массами, гравитационное поле «вложено» в пространство, оно представляет собой особую форму материи, похожую на поля, сходную с электромагнитными, слабыми и сильными взаимодействиями (полями) но отличающуюся от них более широким действием на материальные объекты.

Библиография

1. Математические начала натуральной философии / пер. с лат. А. Н. Крылова, М.: Наука, 1989.
2. Die Grundlagederallgemeinen Relativitätstheorie, Ann. d. Phys., 49, 769 (1916) / пер. из книги: А. Эйнштейн, Собрание научных трудов, т. 1, «Наука», М., 1965.
3. Kosmologische Betrachtungen zur allgemeinen Relativitätstheorie, Sitzungsber. d. Berl. Akad., 1917, Hf. 1, S. 142 / пер. из книги: А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. I, «Наука», М., 1965.
4. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теоретическая физика. Т. 2. Теория поля. М., 1988, стр. 362-429.
5. Majorana Quirino. On gravitation. Theoretical and experimental researches. // Philos.Mag., 1920, 39, стр. 488-504.
6. Дорохин В.М. Утверждение об отсутствии абсолютностей в природе и его следствия для физики//Философские исследования. – 2001. № 1, стр. 38-58.
7. Беркли Джордж, Сочинения/пер. с англ. А.Ф. Грязнова, Е.Ф. Дебольской, Е.С. Лагутина, Г.Г. Майорова, А.О. Маковельского: «Мысль», М., 1978.
8. Таранов П.С. Анатомия мудрости: 120 философов. Т. 2.
9. Шихобалов Л. С. «Время: субстанция или реляция?.. Нет ответа»//Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской Академии естественных наук. – 1997. N 1 (4). стр. 369-377.

10. *Tumulka R.* Limitations to Genuine Measurements in Ontological Models of Quantum Mechanics//Foundations of Physics Bd. 52, N. 5, p.1, September 8, 2022.
11. *Стивен Хокинг* «Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр» / пер. с англ. Н. Смородинской, СПб.: Амфора, 2000.
12. *Дорохин В.М.* Измерение скорости распространения гравитационного взаимодействия в веществе//Измерительная техника. 1993. № 3, стр.42-43.
13. *Гершанский В.Ф.* Пространство-время в ядерной хромодинамике// Философские исследования. – 2001. № 3, стр. 142-149.
14. *McTaggart J.* The nature of existence, vol. 2. Cambridge, 1927, Pp. 9-22.
15. Березина Т.Н. Вероятностные представления времени // Философская мысль. 2013. № 11. С. 50-80. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.11.9096 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_9096.html
16. *Карпенко И.А.* Философская интерпретация современных подходов к созданию квантовой теории гравитации//Философия науки и техники – 2018. Т. 23. № 1. Стр. 54–67.
17. *Jonathan Oppenheim.* A Postquantum Theory of Classical Gravity? // Physical Review X 13, 041040 (2023)//doi: 10.1103/PhysRevX.13.041040.
18. *B. P. Abbott et al.* Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger//Physical Review Letters, 2016 Vol. 116, No. 6. // doi:10.1103/PhysRevLett.116.061102.
19. *Giulio Chiribella et al.* Bell Nonlocality in Classical Systems Coexisting with Other System Types//Physical Review Letters, 2024 Vol. 132, No. 19. doi:10.1103/PhysRevLett.132.190201.
20. *Pablo Bueno et al.* Nonlocal Massive Gravity from Einstein Gravity//Physical Review Letters, 2024 Vol. 132, No. 19. doi:10.1103/PhysRevLett.132.191402.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает проблема отношений между концептами пространства, времени и гравитации в контексте отрицания абсолютностей. К сожалению, автор проигнорировал свою обязанность должным образом отразить и аргументировать теоретико-методологическую базу собственного исследования, а также его актуальность. Тем не менее, из контекста можно понять, что в процессе исследования применялись исторический, философский и критический концептуальный анализ (при изучении истории концептов пространства, времени и гравитации в философии и науке). А актуальность выбранной автором темы для исследования подтверждается высоким научным интересом к этой теме, а также отсутствием удовлетворительного решения исследуемых проблем. Вполне корректное применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о доказанном тезисе: если принять за основу отсутствие абсолютностей в природе, необходимым следствием будет необходимость ограничения экстраполяций. Соответственно, отождествление пространства с гравитационным полем в Общей теории относительности следует отнести к таким экстраполяциям. Такой же вывод следует и в отношении времени. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные моменты проведённого исследования. Хотя приведённое в начале статьи оглавление и выглядит странным, тем более при

отсутствии введения. На будущее автору можно пожелать не пренебрегать вводной частью статьи, где и должны быть описаны и аргументированы научная проблема, её актуальность, теоретико-методологическая база исследования, краткий обзор литературы и т. д. И тогда не придётся в тексте периодически возвращаться к тем вопросам, которые не были решены во введении (например, упоминание предыдущих исследований автора по теме). В тексте выделены следующие разделы: - «1. История», где раскрывается эволюция представлений о пространстве, времени и гравитации в Античности, Средние века и Новое время до возникновения теории относительности А. Эйнштейна; - «2. Общая теория относительности», где анализируются проблемы отношения указанных понятий в данной теории; - «3. Неквантуемость гравитации...», где указанная проблема анализируется в контексте квантовой механики; - «4. Неокончателность познания...», где раскрываются основные следствия из тезиса об отсутствии абсолютностей; - «5. Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи – философский. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, по непонятным причинам высказывание Аристотеля приводится не на древнегреческом, а на латыни; непонятно также, зачем приводится цитата из работы И. Ньютона на латыни с последующим переводом на русский язык; или двоеточие после союза «однако»: «Однако: абсолютно полное заполнение противоречит утверждению...»; или странная логика в аргументации, когда некое утверждение позволяет что-то предположить: «Согласно утверждению об отсутствии абсолютностей можно предположить...»; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая в предложении «...И Кант и Гегель писали...»; или наоборот, ненужные запятые в предложениях «Люди начали использовать время, как удобную для пользования и расчётов...»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам проходит красной нитью через всё исследование в виду его концептуально-критического характера. К достоинствам статьи можно отнести достаточно обширный эмпирический материал, привлечённый для анализа, а также глубокое знание автором истории физики.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, историков философии и науки, для специалистов в области теории познания, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философская мысль». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Пинская М.В., Свиридова И.Д. Виртуализация реальности как культурная универсалия // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.72316 EDN: MALIBG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72316

Виртуализация реальности как культурная универсалия

Пинская Маргарита Владимировна

кандидат культурологии

доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный социальный университет"

353440, Россия, Краснодарский край, г. Анапа, ул. Тургенева, 261, каб. 307

✉ pinskayamv@mail.ru

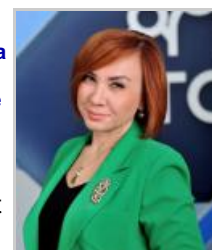


Свиридова Ирина Дмитриевна

директор филиала Российского государственного социального университета в г. Анапе

353440, Россия, Краснодарский край, г. Анапа, ул. Тургенева, 261, каб. 211

✉ SviridovaID@rgsu.net



[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.72316

EDN:

MALIBG

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2024

Аннотация: Предметом исследования в представляемой статье является культурная практика виртуализации реальности в механизме социокультурной рефлексии, стимулирующая определенные векторы развития общества. Обращение к культурологическому осмыслению темы обусловлено необходимостью акцентировать внимание на эвристической ограниченности редукции виртуализации социокультурных процессов в обществе исключительно к влиянию цифровых технологий, вытесняющей на периферию теоретической рефлексии проблемы причинности культуры и способности общества проектировать, а также воплощать в жизнь позитивный образ будущего.

Объектом рассмотрения, соответственно, выступает механизм социокультурной рефлексии – объективный процесс реакции общества на изменения среды обитания и собственное развитие, включая осмысление действительности в доступных для своего времени историко-культурных категориях. Предельное расширение понятия виртуализации, позволяющее отнести этот феномен к разряду культурных универсалий, заставляет поставить вопросы: возможна ли в принципе культура без виртуализации реальности и где грань между виртуальным и реальным в социокультурных процессах? Методология исследования опирается на принцип диалектического единства реального и виртуального в культуре. Герменевтический и системный анализ феномена виртуализации реальности составляет инструментальный фундамент решения комплекса научно-познавательных задач. Обобщение результатов культурологического анализа осуществляется в рамках культурологической типологизации виртуализации реальности как культурной универсалии. Научная новизна исследования состоит в уточнении понятийно-терминологического аппарата изучения виртуализации реальности, в её рассмотрении в новом ракурсе на изученных в культурной антропологии примерах, в установлении отдельных закономерностей и типичных черт рассматриваемого феномена. Авторы приходят к выводу, что понимание виртуализации как специфического способа ориентации человека и общества в окружающей действительности исключает возможность воспроизводства культуры без общих для людей виртуальных реальностей. Поскольку мыслить не рефлексивно за пределами социокультурных процессов способен исключительно индивид, субъект виртуализации реальности, грань между виртуальным и реальным в культуре всегда остается подвижной и может быть описана исключительно как социокультурный фронт – ускользающая от статичного определения динамичная часть культурной жизни. Следовательно, проблема комплексного систематического исследования виртуализации реальности в социокультурных процессах требует расширения исследовательской оптики, в том числе за счет динамичных теоретических конструкторов социокультурного и эпистемологического фронтиров.

Ключевые слова:

виртуальное, реальное, социальное, виртуализация реальности, социокультурные процессы, автономия сознания, автономия личности, модели виртуализации реальности, культурологическая типологизация, социокультурный фронт

Введение

Актуальность обращения к теме виртуализации реальности как культурной универсалии, проявляющейся непосредственно в социокультурных процессах, обусловлена необходимостью акцентировать внимание на эвристической ограниченности редукции виртуализации процессов в культуре исключительно к влиянию цифровых технологий. Развивающийся в теоретическом дискурсе тренд подобной редукции [1–4], на наш взгляд, вытесняет на периферию теоретической рефлексии многовековой опыт осмысления причинности (т. е. функций) культуры, проблематику культуры личности, способности личности и общества проектировать и воплощать в жизнь позитивный образ будущего.

Предметом исследования в представляемой статье является культурная практика виртуализации реальности в механизме социокультурной рефлексии, стимулирующая определенные векторы развития социокультурных процессов. Объектом рассмотрения, соответственно, выступает механизм социокультурной рефлексии — объективный процесс

реакции общества на изменения среды обитания и собственное развитие, включая осмысление действительности в доступных для своего времени исторических культурных категориях и концептах.

Цель исследования состоит в постановке проблемы комплексного изучения виртуализации реальности в социокультурных процессах как культурной универсалии, как присущему любым обществам в обозримой исторической перспективе типовому аспекту жизни [\[5\]](#) и условию исторического развития культуры в систему надбиологических программ жизнедеятельности [\[6\]](#).

Методология исследования опирается на принцип диалектического единства реального и виртуального в культуре, позволяющий наблюдать отдельные закономерности в объективации виртуального опыта как на индивидуальном, так и на коллективном уровне социокультурной рефлексии. Герменевтический и системный анализ феномена виртуализации реальности составляет инструментальный фундамент решения комплекса научно-познавательных задач исследования, среди которых:

- 1 . Уточнить понятийно-терминологический аппарат исследования, обозначив репрезентативный круг концепций культуры, позволяющий наблюдать виртуализацию реальности в социокультурных процессах в качестве культурной универсалии.
- 2 . Рассмотреть изученные теоретиками примеры виртуализации реальности в социокультурных процессах.
3. Обозначить отдельные закономерности виртуализации реальности в социокультурных процессах как поле дальнейших междисциплинарных исследований и теоретических дискуссий.

Обобщение результатов культурологического анализа осуществляется в рамках культурологической типологизации [\[7\]](#) виртуализации реальности как культурной универсалии.

Материалом исследования послужил корпус специальной литературы, посвященной теоретической дискуссии о природе виртуального, отбор которой осуществлялся на основе перекрестной тематической выборки.

Реальное и виртуальное в культуре

Все чаще культурологи вполне резонно отмечают, что редукция виртуального исключительно к области влияния на социокультурные процессы компьютерных технологий [\[8\]](#) принципиально не исчерпывает проблему виртуализации реальности [\[9; 10\]](#). Для понимания этой позиции следует сопоставить инженерную трактовку понятия виртуализации («помещение некоторого процесса в автономную цифровую среду (в виртуальную реальность) для его автоматизации и завершения без участия человека» [\[9, с. 267\]](#)) с более широким контекстом противопоставления действительного и возможного, мыслимого [\[11, с. 39–40\]](#).

Как пишет Н. С. Егоров, отдельные коллеги (В. А. Емелин, В. А. Гермашова, П. В. Рагин, Д. О. Усанова, Б. М. Галеев) сходятся во мнении, что в истории философии Платон один из первых предложил концепцию виртуальности окружающего человека мира вещей, в которой иллюзорность зримого противопоставлена реальности мира идей, хотя большинство теоретиков считает, что только аристотелевская «энтелехия» обретает

достаточные признаки виртуального процесса, а следовательно, именно его идеи послужили основанием дальнейшего осмысления виртуального мыслителями Средневековья и менее отдаленного от нас времени [\[11, с. 39\]](#). Но несмотря на тысячелетнюю дискуссию, Егоров заключает: «устоявшейся дефиниции виртуальности не выработано, что предполагает возможность для дальнейшей концептуализации понятия» [\[11, с. 40\]](#). Безусловно, с его позицией сложно не согласиться. Но можно поставить вопрос и иначе: по какой причине столь продолжительный процесс осмысления данного явления не принес результата в виде устойчивой теоретической дефиниции?

При такой постановке вопроса нельзя не учитывать ценное наблюдение, впервые высказанное А. Бергсоном [\[12, с. 926\]](#) и получившее развитие в теоретических конструктах социокультурного и эпистемологического фронтиров российских ученых [\[9; 14–17\]](#). Бергсон отметил, что между динамичной реальностью и попытками её описать статичными категориями существует противоречие, в силу которого теоретические представления о реальности всегда остаются приблизительными как образы реальности, ей не тождественные (т. е. виртуальные). Российские же культурологи отмечают, что существует целый класс явлений культурной жизни общества, теоретические представления о которых заданы различными понятиями об одном и том же объекте, включая взаимоисключающие, что ведет к фронтирности (подвижности) представления об объекте, которую смело можно противопоставить любому из устоявшихся теоретических понятий о нем: сам объект тогда следует отнести к социокультурному фронтиру [\[14–17\]](#), а неустойчивое представление о нем следует идентифицировать в качестве эпистемологического фронта протяженностью между двумя или более понятиями [\[9, с. 270\]](#). Причем фронтирность как самого объекта (его социокультурного бытования), так и представления о протяженности и неустойчивости его границ в форме эпистемологического фронта, не исключает эту изменчивую часть реальности из культурных практик, а напротив, указывает на её активное освоение обществом [\[14; 15\]](#).

Возможно виртуальное, равно как и его производные «виртуальность» и «виртуализация», не выражены устойчивыми дефинициями в силу их активного освоения обществом. С одной стороны, теоретическая рефлексия, возможно, не успевает за имплицитной практикой освоения человеком реальности, в том числе и при помощи виртуальных средств. С другой, — не исключена вероятность, что подвижность и неустойчивость составляют имманентное свойство, сущностную характеристику культурного феномена виртуализации реальности. И в одном, и в другом случае концепции Платона и Аристотеля можно рассмотреть в качестве рефлексии одного и того же феномена в качестве предельных значений эпистемологического фронта, описывающего подвижное явление.

В концептуализации конструктов социокультурного и эпистемологического фронта, расширяющих системные представления о социокультурной рефлексии, лишь частью которой остается теоретический дискурс, несложно усмотреть постнеклассическую интенцию эпистемологической релятивизации. Культура не ограничивается и никогда не ограничивалась теоретическими представлениями о ней. Более того, любая форма социокультурной рефлексии, будь то религиозный опыт или эстетическое освоение реальности в художественном творчестве, наряду с теоретической, опирается на свойство человеческого сознания переносить представления о реальности в автономную среду мышления, где с помощью воображения анализируются и прогнозируются реальные процессы, что и позволяет человеку преодолевать статичность категорий описания реальности в динамике реальной жизни.

Следовательно, виртуальное (мыслимое) не противостоит реальному, а обеспечивает человеческую способность ориентации в окружающей среде. Виртуальное и реальное не только взаимоопределяются как бинарные смысловые элементы, позволяющие отличать одно от другого, но и диалектически взаимосвязаны: виртуализация реальности, как помещение некоторого реального процесса в автономную среду воображения для моделирования его завершения за пределами самой реальности, близка инженерному понятию. Правда, если запрограммированная машинная логика предполагает однозначность запланированного результата автономного процесса, то результаты человеческого воображения нуждаются в практической апробации и объективации путем распространения успешной культурной практики в обществе.

Виртуализация может быть противопоставлена процессу объективации, но она не тождественна субъективации.

Когда мы рассматриваем психологию мыслительных процессов индивида, то субъективация реальности предполагает детерминацию культурного поведения осмысленными субъективными представлениями, мотивами и целями. Виртуализация же не обязательно сопровождается осмыслением: достижение цели может быть обусловлено неосмысленным (интуитивно-инстинктивным) копированием паттерна коллективного поведения, культурной нормы или «откровением» нетрадиционной (инновационной) формы культурного поведения. Важно не осмысленность действия, а его результат; неважно виртуализация или субъективация реальности стала решающим фактором достижения цели.

Одновременно не следует отождествлять понятия воображения и виртуализации. Воображаемый мир шире и многограннее виртуального. Понятие воображения шире виртуализации, поскольку не исключает закономерность (алгоритм) достижения цели в реальности, но и не ограничивается этой целесообразной утилитарной установкой. Воображение не обязательно моделирует предустановленные опытом причинно-следственные связи элементов воображаемого мира, в то время как виртуальный мир на них основан. Виртуализация предполагает перенесение в воображение предустановленных в реальности причинно-следственных связей культурных нормативов; соответственно, виртуализация может быть описана теоретическими процедурами моделирования, аналогии и экспликации с учетом, что эти процедуры могут осуществляться имплицитно без саморефлексии субъекта.

Это различие виртуализации и субъективации реальности наиболее ярко выражено в ритуалах. На ритуальности поведения, в частности, основана наиболее распространенная форма обучения и воспитания на собственном примере: сначала воспитуемый копирует форму нормированного культурой поведения или технологию производства и лишь позже оказывается способным логически объяснить причину своего поведения (связать представления с мотивами и целями).

Ярким примером виртуального, помимо ритуала, является игра, в которой, по мнению Й. Хейзинги, производится и постоянно воспроизводится культура [\[17, с. 67\]](#). Игра всегда остается в собственной обособленной от внешнего воздействия части пространственно-временного континуума: в автономной среде предустановленных условий (правил) игры. Но коллективный игровой опыт не изолирован от внешнего мира, а является способом ориентации в нем. По способам ориентации в окружающей среде происходит дифференциация и идентификация своего и чужого, человеческого и нечеловеческого, культурного, инокультурного, бескультурного. Ментальные черты и культурная идентичность развиваются в совокупности общих игр, т. е. первоначально

вырабатываются в общей виртуальной реальности. И поскольку общий виртуальный опыт становится условием способности к коллективному целерациональному поведению, а следовательно, к более производительной деятельности, виртуальная реальность и формы её организации сакрализуются обществом, наделяются значимостью высшей ценности, требующей охранения, вплоть до индивидуального или коллективного самопожертвования. Таким образом, виртуализация реальности, как способность индивида умозрительно моделировать закономерный ход реальных процессов, является одним из базовых факторов социальной самоорганизации и воспроизводства культуры.

Обратим внимание также, как концептуальная оптика А. ван Геннепа позволяет указать на закономерность опосредованной виртуальной реальностью практики перехода индивида или общества из одного состояния в другое (из одного мира в другой) как в физическом, так и социокультурном смыслах [\[18, с. 43–70\]](#). Ван Геннеп описывает, как практика инициации, оставаясь игровой (виртуальной) обретает значимость культурного института, в обслуживание которого в той или иной степени вовлекается все общество. Для части общества обеспечение функционала общей виртуальной реальности или даже их множества становится общественным призванием и профессией. Высокий социальный статус этого рода занятости лежит в основании социальной иерархии и стратификации общества (жрец, вождь, учитель, наставник, священник, кумир и пр.).

В обрядах, ритуалах, играх свойство человека помещать реальность в автономную среду воображения обретает статус обусловленного виртуальной реальностью социального действия. Виртуализация реальности в социокультурных процессах, таким образом, является имплицитным механизмом социокультурной рефлексии на происходящие в обществе и окружающей общество среде изменения, основанным на распространении выработанных в виртуальной реальности схожих паттернов поведения, — социальных реакций на повторяющиеся или схожие условия жизнедеятельности.

Виртуальный мир, оставаясь воображаемым, не теряет связи с реальностью благодаря допущению вероятности конвертации при определенных условиях виртуального опыта в реальный. Эти условия формируются реальным опытом, нормируются культурой и являются не только маркерами связи виртуальной модели с реальностью, но и триггерами объективации виртуального опыта в реальной ситуации при повторении идентичных или схожих условий в реальности. Практики реконструкции виртуальной реальности индивидом и обществом со временем масштабируются до уровня устойчивых идеологий: традиционализм или либертарианство, язычество, монотеизм или атеизм, научные парадигмы, теории или псевдонаучный сциентизм и т. д. Фрагментация и дефрагментация виртуальной реальности (мыслимого как возможное) сегодня используются в PR и маркетинговых технологиях, в политике, педагогике, в корпоративном управлении, художественном творчестве и даже флирте.

Следует поставить пару вопросов, вытекающих из предпринятого нами предельного расширения понятия виртуализации реальности до уровня культурной универсалии.

Возможна ли в принципе культура без виртуализации реальности?

Где грань между виртуальным и реальным в социокультурных процессах?

Типология виртуализации в социокультурных процессах

Предположение, что виртуализация реальности является специфическим способом ориентации человека и общества при помощи культуры в окружающей действительности, исключает вероятность существования общества без общих для каждой культуры

автономных и недетерминированных внешними обстоятельствами пространственно-временных континуумов — виртуальных реальностей. Принцип автономности процесса наблюдаем в окружающей среде благодаря фрагментации реальности, сегментированию её целостности на совокупность взаимосвязанных между собой объектов. Собственно, поименование различных объектов реальности уже является результатом виртуализации их свойств и свидетельством освоения реальности путем её виртуализации. Качество виртуальных процессов и моделей определяется степенью рациональности применения виртуального опыта в реальной практике.

На заре человечества иррациональность поведения неминуемо вела к гибели особи или сообщества. Что в условиях синкретизма мышления детерминировало отбор и закрепление исключительно культурных практик виртуализации (иные вели к гибели общества), которые по мнению Б. Малиновского, обеспечивали преимущество индивида и общества в освоении окружающей действительности будь то проявления естественного или сверхъестественного [\[19, с. 32–33\]](#).

Виртуальный опыт формирует отношение индивида к реальности. Общий виртуальный опыт формирует единое отношение общества к реальности. И в этом общем культурном опыте, как свидетельствуют антропологические исследования, закрепляются, наряду с религиозными культовыми практиками поклонения (подчинения внешним обстоятельствам с целью адаптации к внешней среде), практики магического вмешательства в реальность (адаптации окружающей реальности под собственные нужды).

Соответственно, магическая и религиозная виртуализация реальности не идентична по закрепляемому в виртуальных практиках опыту. Анализируя типы коммуникации, на различия магического и религиозного обратил, в частности, внимание Ю. М. Лотман, структурно описав логику виртуальных процессов передачи сообщений [\[20, с. 163–178\]](#). Религиозная виртуализация реальности ведет к обожествлению (культу) социальности, к безусловному подчинению индивида обществу, как проявлению божественной воли, на основе безоговорочного Дара всей воли и продуктивной способности индивида к деятельности виртуальному олицетворению доминирования культуры. Магическая же виртуализация реальности основывается на отношениях эквивалентного обмена воли и продуктивной способности к деятельности индивида, группы или всего общества в целом на общественные блага и культурные ценности, что конструирует совершенно иную виртуальную модель.

Сложно утверждать однозначно, какая из виртуальных моделей реальности (религиозная или магическая) исторически первична, поскольку уже самые архаичные формы социальной иерархии (вождизм, шаманизм, жречество и пр.) базируются на регламентации и табуировании культурой магических моделей для части сообщества. Вероятнее всего, эти модели виртуализации реальности исторически развивались одновременно, поскольку их абсолютизация (возведение до уровня единственно возможной безальтернативной культурной модели с полным исключением альтернативы) возможна исключительно в воображаемой виртуальной реальности, совершенно не подверженной внешним факторам влияния. Как только мы вносим в любой из двух предельных типов виртуальных моделей реальности фактор внешней детерминации апробации виртуального опыта в реальной деятельности, а он всегда присутствовал в виде естественных законов и изменений в природной среде, то магия без религии, как и религия без магии оказываются менее адаптивными виртуальными моделями, как к изменениям в естественной среде, так и к столкновению с иной культурой, нежели

модели, в нормативах которых магическое и религиозное диалектически сосуществуют. Диалектика магической и религиозной виртуализации реальности, таким образом, формирует более устойчивые к внешним воздействиям системы надбиологических программ жизнедеятельности общества, т. е. существенно усиливают адаптивные свойства культуры.

Наблюдаемые в результате типологии двух обозначенных пределов фронта виртуализации реальности закономерности свойственны любому историческому времени, любой культуре. В историческом плане более существенным эвристическим потенциалом располагает типологическое разграничение статичных и динамичных моделей виртуализации реальности, основанное на различной динамике соотношения религиозного и магического моделирования.

Выработке статичных моделей содействуют устойчивые природно-климатические условия жизнедеятельности общества, географически изолированного от инородного социокультурного влияния. Соотношение магического и религиозного моделирования могут быть различными: восточные деспотии стремились установить ценностную доминанту религиозного норматива, сопровождавшегося изоляционизмом политической элиты (к примеру, жрецы и фараоны Древнего Египта, кастовый строй Древней Индии и т. д.), монополизировавшей практики магической виртуализации реальности для управления массами; малочисленные же островные и географически изолированные северные народы обходились без деспотии, практикуя обыденную магию, обходясь без сложной социальной иерархии, сохраняя верность весьма утилитарным религиозным и мистическим практикам.

Статичные модели виртуализации социальной реальности основаны на циклическом временном континууме, предполагающем тождественность прошлого и будущего, т. е. повторяемость прошлого в настоящем и будущем. Предсказуемость будущего исключает необходимость адаптации к новым условиям жизни, соответственно, статичная модель виртуализации реальности воспринимается в качестве неизменного культурного норматива, свойственного не только обжитой социальной ойкумене, но мирозданию в целом. Какая-либо инновация в статичных практиках виртуализации реальности табуируется как угроза, требующая решительных действий по её устранению. Статичные модели виртуализации реальности следует считать первичными в историческом развитии обществ. Они являются признаком традиционных культур, механизм воспроизводства которых рассчитан на передачу опыта из поколения в поколение. Статичные модели продолжают доминировать и в современных обществах как упрощенные стереотипы социальной рефлексии.

Динамические модели виртуализации социальной реальности становятся возможными в условиях синтеза циклического и линейного восприятия времени и адаптации обрядов перехода (практик виртуализации социальной реальности) к различным временным континуумам. Подчеркнем, не сама линейность временного континуума, предполагающая Альфу и Омегу (Начало и Конец времен), становится фактором динамики соотношения религиозных и магических практик виртуализации реальности, а возможность выработки в виртуальных моделях и закрепления в реальной деятельности вариативных (динамичных) моделей. Статичная модель виртуализации реальности, основанная на линейном восприятии времени, абсолютизированная в монотеизме (религиозный тип виртуализации), представляет собой тупик социального развития для территориально и социокультурно изолированного общества, исключая способность адаптации к изменяющимся внешним условиям (Апокалипсис). В обществах же, вовлеченных в непрерывающийся исторический процесс социокультурной интеграции,

идея конечности времени трансформируется в идею фазового перехода от одних моделей виртуализации реальности (например, религиозных) к другим (магическим) и обратно в зависимости от рода коллективной деятельности.

Яркими примерами динамических моделей виртуализации социальной реальности являются теоретические концепции осмысления закономерностей общественного развития, основанные на критике статичных моделей. С этих позиций не только виртуальные модели Платона и Аристотеля следует брать в расчет, но и принципиальный отказ Сократа от притязаний на истинность письменного суждения, в любом случае остающегося статичным, а следовательно, по мысли учителя Платона, изначально ложным. Как известно, Сократа афиняне осудили по обвинению в растлении молодежи, которой в диалогах он прививал добродетель критического (динамичного) мышления, ставя под сомнение непреодолимость воли богов (статичность религиозной модели виртуализации социальной реальности) и рациональность архаичных традиций (статичность магических моделей). Идея личностной автономии индивида (культуры, прав и свобод личности, в основе которых лежат навыки динамичной пересборки виртуальных моделей и адаптация к ним) долго подвергалась гонениям со стороны общества во всех культурах. Тем не менее, мыслить не рефлексивно, а продуктивно и перспективно за пределами социокультурных процессов способен исключительно индивид в рамках субъективации и виртуализации реальности (поэт, художник). Соответственно, мерилom реального и виртуального в социокультурных процессах является творческая личность, для которой преодоление социального автоматизма становится целью реализации виртуального опыта.

Заключение

Типологическое разграничение магической и религиозной, статичной и динамичной виртуализации реальности в социокультурных процессах раскрывает определенные эвристические перспективы не только системного расширения понятия виртуализации, но и переосмысления роли виртуального в культурогенезе. Понимание виртуализации как специфического способа ориентации человека и общества посредством культуры в окружающей действительности исключает возможность самоорганизации общества и воспроизводства культуры без общих для людей виртуальных реальностей. А поскольку мыслить не рефлексивно за пределами социокультурных процессов способен исключительно индивид, субъект виртуализации реальности, грань между виртуальным и реальным в культуре всегда остается подвижной и может быть описана исключительно как социокультурный фронт — ускользающая от статичного определения динамичная часть культурной жизни. Следовательно, проблема комплексного систематического исследования виртуализации реальности в социокультурных процессах требует расширения исследовательской оптики, в том числе за счет динамичных теоретических конструкторов социокультурного и эпистемологического фронтиров.

Техническая же (цифровая) виртуализация, создание автономных и дополненных автоматизированных сред посредством новейших технологий, безусловно, также требует теоретического внимания. Но она не является чем-то уникальным в историко-культурном контексте. Уникальной представляется лишь теоретическая тенденция редукции виртуальных процессов к их компьютерному моделированию, наблюдаемый тренд существенного ограничения теоретической перспективы восприятия реальности исключительно посредством формирования научной картины мира конвергентными технологиями.

Библиография

1. *Плотичкина Н.В.* Мифология электронного фронта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 80–88.
2. *Денисов Э.И.* Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: Этические, правовые и гигиенические проблемы // Гигиена и санитария. 2019. Т. 98. № 1. С. 5–10. DOI: 10.18821/0016-9900-2019-98-1-5-10
3. *Пинская М.В.* Проблемные аспекты информатизации и информационной политики в рамках формирования культуры интернет-коммуникации студенческой молодежи // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации. Сборник материалов XX Международной (политематической) научно-практической конференции (г. Краснодар, 8–9 февраля 2024 г.) Краснодар: ИМСИТ, 2024. С. 47–56.
4. *Hermida O.V., Casas-Mas B.* The virtualization of communications with relatives // Journal of Family Studies. 2020. P. 1–24. DOI: 10.1080/13229400.2019.1709531
5. *Мёрдок Д.П.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры / ред. Л. А. Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 49–57.
6. *Степин В.С.* Культура // Всемирная энциклопедия: Философия / ред. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.
7. *Флиер А.Я.* Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
8. *Lee H., Choi Y., Van Nguyen T., Hai Y., Kim J., Bahja M., Hocaoglu H.* COVID19 Led Virtualization: Green Data Center for Information Systems Research // Information Systems Management. 2020. Vol. 37. No 4. P. 272–276. DOI: 10.1080/10580530.2020.1818901
9. *Бакуменко Г.В., Лугинина А.Г.* Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romaе» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.379
10. *Яковлева Е.В.* Виртуальная реальность: польза и риски // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 92. № 3. С. 32–37.
11. *Егоров Н.С.* Категория виртуальности в истории философии от античности до нового времени // Colloquium-Journal. 2019. № 1-2(25). С. 30–41.
12. *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
13. *Журков М.С.* К вопросу об основных фронтах театра // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 4 (75). С. 14–17.
14. *Журков М.С.* Социокультурные фронты театра и игры в контексте междисциплинарного дискурса // Культурное наследие России. 2020. № 1 (28). С. 98–103.
15. *Бакуменко Г.В., Устрижский О.В., Грицкевич В.П.* О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронт» // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2 (77). С. 127–131.
16. *Bakumenko G.V., Biryukov I.L., Scherbak N.F., Luginina A.G.* Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. No 2. P. 15–45.
17. *Хейзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестров; коммент. Д. Э. Харитонович. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
18. *Ван Геннеп А.* Обряды перехода / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
19. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.
20. *Лотман Ю.М.* Семиосфера: Культура и взрыв, внутри мыслящих миров, статьи, исследования, заметки. СПб.: Арт-СПб, 2010. 704 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Общее направление рассуждений автора в рецензируемой статье определяется стремлением продемонстрировать читателю необходимость «системного расширения понятия виртуализации» (это выражение заимствовано из заключения статьи). Повидимому, автор прав в этом устремлении, и рецензенту остаётся лишь проанализировать, насколько полно и последовательно указанная цель реализуется в тексте. Статья имеет введение и заключение, причём во введении представлены все основные элементы соответствующего раздела научных текстов. К сожалению, заключение написано крайне бегло и неопределённо, оно должно быть расширено (общий объём статьи позволяет сделать это), выводы должны быть представлены более конкретно. Основной текст разделён подзаголовками, что позволяет читателю легче освоить его. В тексте совсем немного опечаток и пунктуационных ошибок («...универсалии, проявляющейся непосредственно в социокультурных процессах обусловлена...», – «не замкнут» причастный оборот). Значительно серьёзней погрешности, обусловленные «избыточной» лексикой и искусственно усложнённым повествованием. Местами подобный «стиль письма» мнимой «научнообразностью» застилает от взгляда читателя всякий смысл. Прежде всего, в тексте много выражений, не связанных с каким-либо ясным значением. Например, что такое «причинность культуры»? Нечто, противостоящее «телеологии культуры»? Если так, то это следовало пояснить. Посмотрим на следующее выражение: «...ограниченности редукции виртуализации процессов...», и т.д. В подобных случаях имеет место искусственное усложнение синтаксиса, ведущее к утрате смысла. Неудивительно, что сам автор «теряет нить повествования» и не может уже следить за согласованием синтаксических единиц: «...как присущем любым обществам в обозримой исторической перспективе типовом аспекте жизни и условия» («присущим»? – «аспекте» и «условии»). Впрочем, что такое «типовой аспект жизни»? То же самое можно повторить и относительно выражения «социокультурные процессы компьютерных технологий». Выбор автором лексики, повторим, также, кажется, опирается лишь на «желание удивить» читателя, например: «фронтирность как самого объекта (...), так и представления о ... в форме эпистемологического фронта»... Зачем эта причудливость речи? Тем более, что результаты столь сложного повествования часто граничат с банальностью: «виртуальное (мыслимое) не противостоит реальному, а обеспечивает человеческую способность ориентации в окружающей среде». Неужели кто-то утверждал, что «противостоит»? Итак, сначала мы рисуем «ветряные мельницы», а затем успешно их закрашиваем? Не следует пренебрегать известным требованием, гласящим, что всё, что может быть сказано, должно быть сказано ясно. К тому же, в данном случае речь не идёт о каких-то «метафизических тонкостях», для передачи которых автор должен был бы и в самом деле «бороться с языком». Одним словом, «освобождение» имеющегося в тексте смысла предполагает устранение неестественного для него способа выражения. Слова приходят сами собой, если автор, прежде чем садиться за письменный стол, основательно продумывает, что же именно он стремится сообщить своему читателю. Погрешности, допущенные в этом случае автором, столь значительны, что публиковать статью в сегодняшнем виде представляется нецелесообразным, рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Виртуализация реальности как культурная универсалия»

Статья «Виртуализация реальности как культурная универсалия», представленная автором в журнал «Философская мысль», несомненно, является актуальной, несмотря на то, что уже последние несколько десятков лет ученые активно исследуют феномен виртуальности с разных позиций. Однако автор специально подчеркивает, что данный анализ отличается стремление выйти из уже сложившегося тренда сведения процессов «виртуализации в культуре исключительно к влиянию цифровых технологий».

Автор четко определяет предмет, объект, и цель исследования. В статье указывается, что виртуализации реальности – это универсальная культурная практика, которая в современном обществе стимулирует развитие социокультурных процессов. В качестве цели исследования автор обозначил проблему комплексного «изучения виртуализации реальности в социокультурных процессах как культурной универсалии». Интересно, что виртуализация представлена автором очень широко, как нечто исторически присущее человеческой деятельности. Дискуссионным, на мой взгляд, является заявление автора о том, что техническая (цифровая) виртуализация не является чем-то уникальным в историко-культурном контексте. Это высказывание требует специального обоснования.

В статье подробно излагается методология исследования, при этом автор указывает на использование в работе диалектического принципа, герменевтического и системного анализа изучаемого феномена.

Интересны выводы автора о том, что типологическое разграничение магической и религиозной, статичной и динамичной виртуализации реальности в социокультурных процессах дает возможность «системного расширения понятия виртуализации». Таким образом, автор подчеркивает необходимость «переосмысления роли виртуального в культурогенезе».

Следует согласиться с автором относительно того, что «грань между виртуальным и реальным в культуре остается подвижной» (особенно это характерно для современной ситуации), при условии, что виртуальность рассматривать именно в широком контексте, как и предлагается в исследовании. Автор предлагает описывать данное явление через понятие «социокультурный фронтир», подчеркивая этим динамичный характер виртуальности.

Некоторые моменты в работе вызывают дискуссию, например, попытка автора свести виртуальность к субъективности вообще. Если принять во внимание, что виртуализация реальности рассматривается в статье как «способность индивида умозрительно моделировать закономерный ход реальных процессов», то действительно складывается впечатление, что автор отождествляет данный феномен с абстрактной мыслительной способностью индивида вообще. Сомнителен, на мой взгляд, обязательный эвристический характер виртуальной реальности (нет в работе примеров, подтверждающих данное высказывание, а только указания на возможность).

Интересно было бы продолжить исследование в современном ключе, выстраивая и обосновывая теоретические проекции. В противном случае, оказывается, что данный феномен не развивается. У Ж. Бодриера, например, такая проекция была предложена, так, он утверждал, что виртуальная реальность в ближайшем будущем заместит собой (константную) реальность. Возможно, автор в дальнейшем будет более подробно развивать эту тему, поскольку сам указал на некоторые перспективы и предложил

следующие вопросы: «Возможна ли в принципе культура без виртуализации реальности»? «Где грань между виртуальным и реальным в социокультурных процессах»?

Название статьи в целом соответствует содержанию.

Научная новизна в работе присутствует.

Поставленные задачи в полной мере раскрывают цель исследования.

В работе представлено достаточное количество ссылок и цитирований на самые разные исследования, что указывает на знакомство автора с источниками и современными научными работами в данной области. Библиография отражает исследовательский материал и оформлена в соответствии с требованиями.

Заключение, в котором автор излагает свои основные выводы, присутствует и достаточно обобщает результаты исследования.

Характер и стиль изложения материала соответствуют основным требованиям, предъявляемым к научным изданиям такого рода. Работа вполне органично выстраивается в целостное изложение материала. Статья вызывает желание дискутировать, что действительно важно в условиях современных реалий.

Данная тема, на мой взгляд, имеет хорошие перспективы и может быть интересна для широкого круга читателей. Статья может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Хасиева М.А., Цховребова Б.Ф. Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век») // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71498 EDN: MEESRV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71498

Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век»)

Хасиева Мария Апановна

ORCID: 0000-0002-0179-1874

кандидат философских наук

доцент, кафедра Социально-гуманитарных наук и технологий; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет"

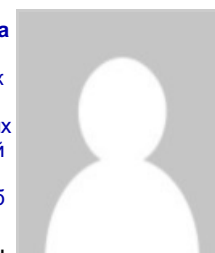
129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26

✉ m9288@inbox.ru**Цховребова Белла Филушовна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин; Институт международных экономических связей

119330, Россия, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 35, каб. 503-б

✉ tshovrebova@imes.su[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.11.71498

EDN:

MEESRV

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является определение основных особенностей и векторов развития викторианской утопии на основе анализа романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век». На протяжении длительного времени в эпоху античности и Ренессанса одним из основных аспектов развития утопии являлось соотнесение идеального общества с социально-политическими, экономическими преобразованиями и

технологическими открытиями. Новоевропейская утопия во многом являлась продолжением данной тенденции, все в большей степени сближая социальный и технологический векторы утопизма, когда общественное благополучие напрямую соотносилось мыслителями с научно-техническим прогрессом, урбанизацией и механизацией труда. Роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век» является сочетанием различных жанров утопической литературы (пасторальная утопия, апокалиптическая утопия, эскапическая утопия), а потому представляет особый интерес для анализа. В статье использован комплексный методологический подход, сочетающий описательный метод с семиотическим анализом текста романа, произведен анализ исследовательской литературы, посвященной викторианской утопической литературе. Научная новизна исследования определяется малоизученностью романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» в современном культурфилософском дискурсе, при том, что роман содержит определенные уникальные для той эпохи идеи, например, идеи осознанного потребления, исключающего пресыщение и расточение ресурсов. Этот тезис в полной мере соответствует экософской стратегии постиндустриальной эпохи, но совершенно не характерен для индустриализма 19 в. При этом в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благоденствия. В «Хрустальном веке» вообще не изображаются технологии, опережающие время написания произведения. Основа утопии «Хрустального века» – антропосоциальная трансформация общества, изменение природы человека вместе с социальной структурой. Социально-философское и социокультурное значение романа Хадсона весьма высоко, поскольку в данном произведении отражается трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи: изменение роли женщины в обществе и семье, стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации.

Ключевые слова:

викторианский роман, Уильям Генри Хадсон, утопия, дистопия, Хрустальный век, пастораль, сентиментализм, социальный утопизм, Льюис Мамфорд, викторианская культура

Предметом исследования является определение основных особенностей и векторов развития викторианской утопии на основе анализа романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век». На протяжении длительного времени в эпоху античности и Ренессанса одним из основных аспектов развития утопии являлось соотнесение идеального общества с социально-политическими, экономическими преобразованиями и технологическими открытиями. ^[15] Новоевропейская утопия во многом являлась продолжением данной тенденции, все в большей степени сближая социальный и технологический векторы утопизма, когда общественное благополучие напрямую соотносилось мыслителями (Кондорсе, А. Тюрго, И.Г. Гердером и др.) с научно-техническим прогрессом, урбанизацией и механизацией труда. ^[5]

Роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век» является сочетанием различных жанров утопической литературы (пасторальная утопия, апокалиптическая утопия, эскапическая утопия), а потому представляет особый интерес для анализа. В статье использован комплексный методологический подход, сочетающий описательный метод с семиотическим анализом текста романа, произведен анализ исследовательской литературы, посвященной викторианской утопической литературе. Научная новизна

исследования определяется малоизученностью романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» в современном культурфилософском дискурсе, при том, что роман содержит не распространенные в викторианской эпохе идеи, характерные в гораздо большей степени для современного постиндустриального общества (экофоские стратегии потребления, исключающие пресыщение и расточение ресурсов). Именно эта особенность романа определяет актуальность его изучения в современном социально-философском и культурном контекстах, объясняет интерес к нему со стороны некоторых исследователей современной культуры. [7, 11] При этом в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благоденствия.

Викторианская утопия относится к периоду второй половины 19 в. и соединяет в себе черты новоевропейского прогрессизма с культом природы, характерным для сентиментализма и романтизма, а также предвосхищает некоторые утопические идеи грядущей постиндустриальной эпохи. Отдельное место, не включаясь в этот процесс, занимают утопии «пасторального» и «апокалиптического» жанра. Пасторальные утопии в большинстве своем представляли собой переосмысление в духе футурологии традиционного жанра литературной пасторали, особенно популярной в Европе 16 в. Характерными примерами пасторали являлись романы «Аркадия» Я.Саннадзаро, «Астрея» О. д'Юрфе. [8] Общая тенденция пасторали в литературе — поэтизация жизни на лоне природы, распространение рустикальной эстетики и воспевание традиционного уклада жизни, с отрицанием технизации и урбанизации. [14] В 18 в. упадок традиционного жанра пасторали сопровождается формированием сходных тенденций в литературе сентиментализма и развитием рустикального стиля в изобразительном искусстве, дизайне и архитектуре. [17]

Развитие жанра апокалиптической фантастики, в которой условно можно выделить и утопию как определенный подраздел, относится к периоду начала 19 в. и соотносится с процессами урбанизации и технизации жизненного уклада. [9] Отличительной особенностью этого жанра является изображение постапокалиптической реальности, реконструкция сценариев существования мира после какой-либо глобальной катастрофы, неизбежно и бесповоротно приведшей к глобальным изменениям жизненного уклада. [12] В 19 в. утопические произведения различных жанров зачастую смешивались, совмещая в себе элементы разных видов. Викторианская литература в целом отличалась жанровым многообразием. Среди многих других направлений беллетристики в этот период начинает активно развиваться направление «семейного романа», сочетавшего в себе психологизм и бытописание реалистической литературы. В произведениях, являющихся примерами семейного романа, находят отражение элементы литературы сентиментализма. Развитие элементов сентиментализма в викторианской литературе происходило в определенных аспектах: так, в некоторых исследованиях утверждается, что культ домашнего очага, семейных ценностей, материнства и детства в викторианской литературе рассматривались как продолжение культа романтической любви. [20]

Примером описанного жанрового смешения является роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век», который одновременно является отражением сентименталистских интенций в литературе и относится к викторианской литературной традиции. Впервые опубликованный в 1887 г., он занимает в утопической литературе 19 в. отдельное место. Способный одновременно считаться и утопией, и антиутопией, он сочетает в себе черты апокалиптической и пасторальной утопий, по своей содержательной направленности

сильно отличаясь от других произведений сходного жанра и эпохи. Хадсон видит основным фактором изменений общества не технические изобретения или научные открытия, а перестройку самых основ человеческого общежития и естественных установок в человеческой природе. Согласно сюжету романа, главный герой, очнувшись от потери сознания, возможно, произошедшем из-за падения с высоты, обнаруживает себя в странном месте, покрытым слоями грязи, в полуистлевшей одежде. Он понимает, что провел в забытии огромное количество времени. Затем он сталкивается с группой людей, выглядящих и ведущих себя весьма странно, вступает с ними в общение и понимает, что это люди, живущие в новом для него мире по совершенно другим, неизвестным ему правилам. Главным нововведением, отличающим новый мир романа от привычного уклада жизни человека, является изменения социального устройства: люди живут в домах, представляющих собой нечто среднее между общиной и семьей, но при этом производить на свет потомство может лишь одна пара в общине, патриарх и матриарх, или Отец дома и Мать дома. Большинство людей в доме связывают братско-сестринские отношения, они не образуют семьи, что полностью соответствует эусоциальной форме организации колоний общественных насекомых (пчел, муравьев и др.). Во многом эта сюжетная особенность описываемой утопии объясняется тем, что, будучи натуралистом и орнитологом, Хадсон испытывал несомненный интерес к тому, как биологические основы человеческой природы оказывают влияние на социальную структуру и уклад жизни общества. Поэтому в романе он проводит подобный эксперимент, изменяя сами социобиологические основы жизни людей и базовые принципы человеческой природы. Сталкиваясь с этим мироустройством, главный герой ощущает удивление и неприятие: он не понимает, как, эти люди могут согласиться прожить жизнь, не желая испытать романтические чувства и эротические переживания, иметь собственных супругов и детей. В утопии Хадсона достаточно канонично и традиционно изображен конфликт между желанием личного счастья и свободы индивидов и идеей всеобщего благополучия, конфликт, который Платоном решался в пользу идеи блага общественного и государственного. Жители общин в «Хрустальном веке» отличаются абсолютной честностью, спокойствием и мирным дружелюбием в своих отношениях, они не знают ссор и конфликтов, поскольку не знают ревности и зависти, отличаются «кристальной» чистотой помыслов. Возможность такой бесстрастного и мирного сосуществования автор связывает с отсутствием частной собственности и нуклеарной семьи. Данный сюжетный мотив необходимо рассматривать также в контексте концепции утопического социализма, которая активно распространялась в европейской культуре 19 в. и также подразумевала отказ от частной собственности и традиционной модели семьи и воспитания детей. [\[2, 18\]](#)

В романе также представлена идея несовместимости общественного благоденствия и личного счастья людей, ведь по мере своей интеграции в общество герой начинает все больше испытывать муки неразделенной любви и страдания от осознания невозможности исполнения своих желаний. Проблема восприятия женщины в обществе находит отражение в образе Матери дома. В романе эта героиня представлена амбивалентно: с самого начала повествования она изображена тяжело больной и не выходит из своей комнаты, общаясь лишь с несколькими членами общины, но при этом активно влияет на жизнь других персонажей и ход событий в романе. Физическая сокрытость, изолированность от общей «профанной» жизни дополняются в данном образе мотивом духовной избранности: Мать Дома обладает доступом к сакральным знаниям, понимает подлинное значение традиций общины и отвечает не только за продолжение рода, но и за трансляцию культурной памяти, моральных и религиозных основ общества. При том, что в романе главные празднества жителей общины связаны именно с женским

началом как символом плодородия, изобилия, социальную систему, изображаемую в романе, нельзя назвать матриархатом: главой Дома является Отец, который не окружен таким ореолом таинственности и занимается решением большинства хозяйственных и административных вопросов, а также вершит правосудие. Мать Дома — единственная, кто может наложить вето на его решения. Впрочем, это связано не с утверждением ее верховного положения, а, скорее, с привычным для викторианского общества распределением ролей: Отец, воплощающий мужское начало, наделен наказующей силой, Мать же, олицетворяющая женское начало, несет милосердие и смягчение наказаний.

Хадсон также во многом отразил в своем произведении трансформацию культурных и нравственных ценностей британского общества 19 в. Изменения ценностей и принципов существования викторианского общества были тесно связаны с переосмыслением роли женщины в социальном развитии, произошедшим в этот период. С одной стороны, викторианская мораль 19 в. во многом отрицает нравы и социокультурные установки прежних эпох: ценности либертинажа 17 и 18 столетий, распространенные в наибольшей степени в аристократической среде, замещаются викторианскими ценностями, которые в наибольшей степени соотносятся с буржуазной и мещанской прослойками общества. [1] С другой стороны, индустриализация, урбанизация и технизация жизни людей 19 столетия неизбежно меняли положение женщины в обществе: появление ряда новых профессий, постепенная замена традиционной, многопоколенной семьи на нуклеарную не могли не отразиться на значении и функциях женщины в семье и обществе в целом. Викторианские представления о семейных ценностях определялись началом правовой защиты детства (первые законы, ограничивающие использование детского труда, а также труда беременных женщин и устанавливающие правила охраны здоровья работников, были приняты в Британии 30-е годы 19 в.) и культом женщины-матери, хранительницы домашнего очага. Фокусировка на репродуктивном значении брака, а также повышение ценности супружеской верности в глазах общества сопровождалась существенной трансформацией отношения к человеческой телесности в викторианскую эпоху, приведя к распространению запрета на обнажение и превознесением духовного над телесным в романтических отношениях. Еще в сентименталистской литературе 18 в. находит новое преломление архетипический образ «девы в беде»: в романе С. Ричардсона «Кларисса» главная героиня, являющая собой образец добродетели, подвергается насилию со стороны Ловеласа, но и после этого отказывается подчиниться ему и действовать вопреки своим нравственным принципам и погибает. Героиня другого романа Ричардсона - «Памела, или вознагражденная добродетель» - обнаруживает ту же нравственную стойкость, но, в отличие от Клариссы, убеждается в целомудрии своего преследователя и вступает с ним в законный брак. Ключевая особенность этих сюжетов — в активной роли самих героинь: если «девы в беде», изображаемые в мифах или рыцарских романах, пассивно ожидали спасения от героев-мужчин и зачастую сами выступали лишь в качестве трофея-награды победителю (Андромеда, спасенная Персеем, Эльза, спасенная Лоэнгрином и пр.), то в романах 18 и 19 в.в. героини активно проявляли свою волю и самостоятельно принимали решения, влияющие на их жизнь. Этот сюжетный элемент воспроизводится затем во многих известных романах викторианской литературы: так, Джен Эйр в одноименном романе Шарлоты Бронте, столкнувшись с обманом со стороны своего жениха, Эдварда Рочестера, сбегает от него, не желая поступиться своими представлениями о нравственном долге. [16] Сюжетный мотив активного выбора со стороны женского персонажа в романе Хадсона представлен отнюдь не в привычном виде: значимые решения в романе принимает лишь один женский персонаж — Мать Дома, принимает их она прежде всего за других людей,

изображает совершенными, избавленными от пороков викторианского общества и одинаково красивыми телесно и духовно. В сцене знакомства главного героя с его возлюбленной Йолеттой, присутствует такое рассуждение:

«— Это красивое имя, оно так приятно звучит, что мне хотелось бы повторять его постоянно, — ответил я — и это справедливо, что вы носите такое красивое имя, потому что... если позволите сказать, потому что вы необыкновенно прекрасны. — Да, но разве это странно — разве не все люди прекрасны? Я подумал о некоторых лондонцах из преступного класса, о старых женщинах с иссохшими обезьяньими лицами и в шалях, прокрадывающихся в трактиры на углах улиц или выходящих из них; а также некоторых людей более высокого класса, которых я знал лично, некоторых даже в Палате общин; и я чувствовал, что не могу согласиться с ней, как бы мне этого ни хотелось, не идя при этом против своей совести». [\[10, с. 53\]](#)

В ходе повествования развитие отношений главного героя с Йолеттой становится главным элементом сюжета романа, определяя и его завершение: постепенно чувства героя становятся все более глубокими и серьезными, Йолетта же не готова ответить взаимностью на столь чуждое и непонятное для их мира чувство. Ощущая себя не в силах довольствоваться скромной ролью собрата по отношению к возлюбленной, герой начинает попытки положить своим страданиям конец: найдя в библиотеке таинственный флакон с надписью, обещающей избавление от бремени прожитых лет, болезней и страстей, он решает выпить содержимое, надеясь излечиться от своих чувств. Однако выпитая жидкость оказывается ядом. При этом до того, как испустить дух, герой успевает узнать у пришедшей в библиотеку Йолетты, что Мать дома готовила его и Йолетту на роль будущих преемников и продолжателей рода, что сама Йолетта, не показывая того, начала испытывать к нему чувства, а их взаимная любовь должна была стать основой для продолжения жизни будущих поколений общины.

На семиотическом уровне в фабуле романа заключена антитеза двух видов любви, имманентных человеческой природе: эрос вступает в противоборство с филией, любовь, предполагающая обладание, физическую страсть и рождение новой жизни, противостоит любви дружественной, интеллектуальной. В общинах кристаллитов связывают бесстрастные, и потому бесплодные отношения. Повествование героя как будто подталкивает читателя к заключению, что именно редукция, если не полное изгнание страстной и жизнерождающей любви из общества утопии Хадсона и становится причиной замедления темпов его жизни: долгожительство членов общины сочетается с крайне низкой рождаемостью в общине. Так, описывая жизненный уклад общины кристаллитов, герой с удивлением отмечает отсутствие детей: состарившиеся Отец и Мать Дома уже не способны к деторождению, а остальные люди, живущие в общине, лишены права быть супругами и родителями. Изображаемое в романе «Хрустальный век» общество являет собой яркий пример сочетания жанра утопии и дистопии, [\[4\]](#) поскольку эусоциальная структура общества кристаллитов отрицает принцип равенства всех людей в их социобиологической природе, также как и абсолютную ценность свободы человеческой личности. При этом мотивы, стоящие за этим подчинением личности обществу, связаны не с евгеническим проектом, как, например, в государстве Платона, а с противопоставлением двух родов любви в человеческих отношениях, с антитезой, в которой эрос связывается со страстями и порождает раздоры и ревность. Это соотнесение в целом характерно для викторианской литературы, несущей в себе традиционное противопоставление в человеке разума и чувств. [\[11\]](#)

Гармонию общества кристаллитов Л. Мамфорд в своей книг «История утопий» называет

«холодным лунным блаженством», [\[6, с. 385\]](#) указывая на доминирование идеи всеобщего благополучия над желаниями и личными интересами членов общины. Мамфорд рассматривает утопию Хадсона вместе с романом У. Морриса «Вести из ниоткуда», также рисующей утопический проект идеального общества, но раскрывающей проблему оптимального социального устройства в экономических и производственных аспектах, с уклоном в социализм и либертарианство. [\[19\]](#) Мамфорд определяет сходство этих двух утопий в их изображении «сути жизни» общества в укладе и традициях. Проблема социального неравенства раскрывается в утопии в неожиданных аспектах: люди неравны друг другу не в материальном достатке или происхождении, а в значимости своих функций в обществе, при этом любой человек, в том числе инородец, такой, как главный герой, может занять место главы дома. Примечательно, что Мамфорд относит утопию Хадсона к разряду «утопий побега», в противовес «утопиям реконструкции». Отличительной особенностью утопий побега является изображение принципиально отличающегося от текущего положения сценария жизни общества, зачастую требующего изменения человеческой социобиологической природы, в то время как утопии реконструкции фокусируются как правило на изменении и совершенствовании условий окружающей среды, градостроительных, экономических и технологических аспектах. Утопия побега в понимании Мамфорда ассоциируется с перенесением героя в принципиально новую среду с новыми условиями, в то время как утопия реконструкции предполагает программу социальных и технологических улучшений, потенциально способную к внедрению на практике. Мир «Хрустального века» априори нереалистичен и поразумевает существенное изменение человеческой природы: едва ли социальная структура, представленная там, могла бы быть повсеместно распространена в обществе любой эпохи. При наличии определенных типичных для викторианской литературы особенностей утопия Хадсона отличается от других утопий Нового времени по ряду признаков. Прежде всего, в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благоденствия. В «Хрустальном веке» вообще не изображаются технологии, опережающие время написания произведения. Основа утопии «Хрустального века» - антропосоциальная трансформация общества, изменение природы человека вместе с социальной структурой.

Социофилософское и социокультурное значение романа Хадсона весьма высоко, поскольку в данном произведении отражается трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи: изменение роли женщины в обществе и семье, стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации. В семиотическом поле романа можно одновременно определить наследование определенных черт сентиментализма 18 в. и предвосхищение некоторых идей постиндустриального будущего.

Библиография

1. Beaumont, M. *Utopia Ltd.: Ideologies of Social Dreaming in England 1870–1900* / Leiden, Brill Academic Publishers, 2005.
2. Claeys G. *The Cambridge Companion to Utopian Literature* / Cambridge University Press, 2010.
3. Cunningham L. *Culture and Values: A Survey of the Humanities* / V.2, Lawrence S. Cunningham, John J. Reich. Wadsworth, 2005.
4. Levitas R. *The Concept of Utopia* / Bern, 2010.
5. Manuel F. *Utopian Thought in the Western World* / The Belknap Press of Harvard University Press, 1997.
6. Mumford, L. *The story of utopias* / introd. by the auth. – 7. print. – New York: Viking

press, 1971.

7. Novak, C. Dreamers in dialogue: evolution, sex and gender in the utopian visions of William Morris and William Henry Hudson / Acta Neophilologica. University of Ljubljana, 2013. DOI: 658046.10.4312/an.46.1-2.65-80.

8. Sargent L. Utopianism: A Very Short Introduction / Oxford University Press, 2010.

9. Suvin, D. Victorian Science Fiction in the UK: The Discourse of Knowledge and Power / Boston, G. K. Hall, 1983.

10. The Encyclopedia of Science Fiction // ed. By Clute J., Nicholls, P. New York, St. Martin's Press, 1993.

11. Wood, Jane. Passion and Pathology in Victorian Fiction / Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198187608.001.0001

12. Аль-Мамори Я. Антиутопия, постапокалипсис и кинематографическое чтение // Философия и культура. 2022. № 4. С. 1-8. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.4.37808 URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_37808.html

13. Безкоровайная Г.Т. Языковые маркеры концепта «викторианская мораль» как элемента национальной культуры британцев в зеркале реалистического романа XIX века. // Вестник культурологии. 2024. № 2 (109).

14. Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М., 1999.

15. Клеес, Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 3.

16. Конак А.А. Рецепция Шарлоттой Бронте романного творчества Сэмюэла Ричардсона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 8.

17. Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века / пер. с польского Е. Загорского; вступительная ст. А. Р. Ледницкого. – Изд. 2-е. – Москва: Книжный дом "Либроком", 2011.

18. Шацкий Е. Утопия и традиция / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – Москва: Прогресс, 1990.

19. Фогт А. Социальные утопии / пер. с нем. Н. Стороженко, изд. 2-е, стер. – Москва: КомКнига, 2007.

20. Шишкова Ирина Алексеевна Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США // Вестник КГУ. 2019. № 2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век»)» выступает роман английского писателя конца 19 века. К сожалению, автор статьи не определяет ни цели, ни задач своего исследования. В тексте предлагается анализ сюжета романа, его рассмотрение в контексте викторианской эпохи.

Методология исследования не определяется самим автором, который вообще обходится без вводной части к статье. Основным применяемым им методом является пересказ сюжета романа. Автор также применяет исторический метод, проводя параллели между мировоззренческими установками эпохи, в которой созывалось произведение, и его ключевыми идеями.

Актуальность не очевидна. Трудно понять, читая предложенный текст, что именно привлекло его автора к желанию пересказать роман, чем этот пересказ может быть

интересен для читателя, какие из упоминаемых тем могут быть важны сегодня.

Научная новизна не очевидна. Автор не вписывает свое исследование в какой-либо научный контекст. Он не оговаривает ни то, с каких позиций и кем изучался роман Хадсона, ни то, какое место он занимает в исследованиях утопической литературы. Поэтому трудно понять какой именно вклад вносит автор своей статьей в изучение упоминаемого романа, творчества его автора или викторианской утопии в целом.

Стиль статьи повествовательный.

Структура и содержание не полностью раскрывают заявленную в названии тему. Автор детально рассматривает роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век», но практически ничего не говорит о социальной утопии в викторианской литературе.

Библиография статьи включает 20 наименований работ, подбор которых выглядит несколько произвольно. Например, среди этих работ нет ни классических трудов по исследованию утопий (Аинса Ф., Мангейм К., Мильдон В.И., Паниотова Т.С., Шадурский М. и др.) ни работ, посвященных анализу творчества Хадсона и его роману.

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Тема социальной утопии как интеллектуального проектирования лучшего жизнеустройства, несмотря на, по крайней мере, двухвековую историю изучения, продолжает сохранять актуальность и сегодня. Поэтому изучение романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» может быть полезным для осмысления природы утопии, ее национальной или временной специфики, жанрового своеобразия утопии и антиутопии, типологии утопии и т.д. Однако для этого автору необходимо определиться с целью своего исследования, определить его эвристический потенциал, соотнести с уже имеющимися разработками.

В настоящем виде публикация статьи представляется нецелесообразной. Требуется доработка - определение предмета и цели исследования, ее актуальности и новизны. Необходимо указать методологию исследования и выводы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации в журнале статья обращается к очень слабо изученному у нас в стране материалу: утопической литературе викторианской эпохи. Даже непосредственный объект анализа – роман У. Г. Хадсона «Хрустальный век» – едва ли знаком большинству отечественных читателей. В этом смысле ее автор с полным правом может быть назван «первопроходцем» в данной теме. И это, на мой взгляд, извиняет очевидные недостатки его статьи: чрезмерную для аналитического исследования описательность и некоторую т. с. «блеклость» выводов. Хотя сам автор выделяет два уровня в своем исследовании – описательный и семиотический – не вполне понятно, что он имеет в виду под «семиотическим уровнем». Рассуждения, которые приводятся в «семиотической» части статьи, мало чем отличаются от тех, что содержатся в ее "описательной" части. Некоторые из сделанных в конце статьи заключительных выводов (например, что роман отражает трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи; что он выражает стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации, а также наследует определенные черты сентиментализма 18 века и одновременно предвосхищение некоторых идей постиндустриального будущего), вероятно, не вполне оригинальны, так как из самого текста статьи следует, что они уже делались зарубежными исследователями.

И все-таки, статья является интересной и значимой.

Весьма интересной представляется, например, замечания автора статьи о том, что роман Хадсона соединяет в себе черты утопии и антиутопии. Такое соединения нередко встречается в литературе. (Я думаю, что к жанру "утопии-антиутопии" можно отнести, например, романы А. Богданова «Красная звезда» и «Инженер Мэнни»). В "утопиях-антиутопиях" автор, с одной стороны, выражает свои социальные и нравственные идеалы, с другой стороны, предупреждает, какую угрозу могут нести эти идеалы для свободы и счастья отдельного человека. Но, по-моему, исследован такой жанр недостаточно.

Соображения автора о том, что описываемый роман отражает внутренние противоречия викторианской эпохи, которая, с одной стороны, характеризовалась акцентом на «семейных ценностях», подчеркиванием репродуктивного значения брака и культом «женщины-матери», а, с другой стороны, объективно вела к реальному изменению положения женщины в обществе, плохо согласующемуся с постулируемыми ценностями, интересны не только с исторической точки зрения, но и вполне себе актуальны для современной России.

Интересны и рассуждения об антитезе двух видов любви: эросе и филии, т.е. любви, предполагающая физическую страсть и рождение новой жизни и любви дружественной, интеллектуальной.

Наконец, стоит отметить и проделанное автором статьи сравнение Хадсона со Свифтом, а также замечание о том, что роман неожиданным образом содержит в себе ценности, характерные для постиндустриальной эпохи.

Таким образом, статья производит хорошее впечатление. Она написана, несомненно, настоящим специалистом в заявленной сфере исследования.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Потапов М.Ю. Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности // Философская мысль.

2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.72249 EDN: MELIPE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72249

Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности

Потапов Максим Юрьевич

аспирант, высшая школа аспирантура; Тверской государственный технический университет

170001, Россия, Тверская область, г. Тверь, пер. Первый Красной Слободы, д. 3, п. 6, кв. 236

✉ maksim-potapov-98@yandex.ru



[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.72249

EDN:

MELIPE

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2024

Аннотация: В статье анализируется процесс развития понятия личности в истории философии. Уделяется внимание краткому рассмотрению представлений о сущности человека, свойственных античным философам (на примере знаковых мыслителей классического периода – Платона и Аристотеля). Утверждается, что при догматическом оформлении христианского мировоззрения было выработано близкое к современному понятие личности, что отразилось в философских трудах средневековых авторов. Философы эпохи Ренессанса и Нового времени привнесли свою новизну в понимание личности, акцентируя внимание, прежде всего, на ее автономном характере. Актуальность проведенного анализа определяется тем, что прослеженная в нем эволюция понятия личности не является завершенной, в современной философии сосуществует множество разнообразных подходов к осмыслению этого понятия, однако, по мнению автора, такое направление философской мысли как персонализм наследует историко-философской традиции, продолжая развивать наши представления о личности, обогащая их при этом новыми аспектами, возникающими вследствие усиления технологической составляющей общественной жизнедеятельности. Философско-

методологической основой исследования является компаративный анализ представлений конкретных философов о сущности человека, способствовавших становлению современного понятия личности. Элементами научной новизны обладают результаты проведенного автором компаративного анализа, подтверждающие развитие понятия личности в истории философии, соответствующее общемировоззренческой эволюции от космоцентризма через теоцентризм к антропоцентризму. Фиксируется, что в космоцентрических представлениях о человеческой сущности превалировали поиски механизмов формирования индивидуальности, включенной в мировой порядок и испытывающей постоянное воздействие со стороны как своих внутренних побуждений, так и других людей, общества. Средневековые теоцентрические концепции личности сосредоточивали свое внимание на Божественном промысле, вместе с тем возвышая человека как образ и подобие Бога над окружающим его тварным миром. Впоследствии философская мысль, сохранив в основном прежде выработавшиеся представления о личности, добавила в них и существенно новое – понимание человеческой личности в качестве автономного начала.

Ключевые слова:

личность, индивидуальность, автономность, персона, ипостась, теозис, синергия, космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм

Введение

Сегодня многими мыслителями почти безоговорочно признается понимание личности в качестве некой творческой единицы общественной жизни, обладающей определенной самостоятельностью и способной исходя из собственных побуждений, желаний, представлений изменять не только окружающую ее среду — и социальную, и природную, но и саму себя. Однако подобное понимание не сразу оформилось в истории философии, ему предшествовали античные космоцентрические, средневековые теоцентрические и ренессансные антропоцентрические вариации осмысления места и роли человека во Вселенной. Комплементарно с историко-философским развитием понятия личности претерпевали изменения (что вполне закономерно) и представления о ее правах, ответственности и нравственно-должном поведении.

Античная мысль о человеке в целом соответствовала космоцентрическому мировоззренческому подходу, согласно которому человек, как и все его окружающее, включен в некоторый вселенский порядок (космос): с одной стороны, он детерминирован в своих действиях этим порядком, с другой же, в качестве части органической целостности необычайно важен для нее и способен к всесторонним исследованиям «макрокосмоса» посредством философского погружения в «микрокосмос», т.е. в самого себя, в свою сущность, — в этом, как представляется, и заключалась основная идея, выражаемая сократовским кредо «Познай самого себя». Средневековье принесло новое понимание личности, исходящее из представлений о возможности теозиса (обожения) человека и наделяющее последнего качествами, обеспечивающими его неизмеримое превосходство над окружающим природным миром. В эпоху Ренессанса был осуществлен кардинальный поворот в понимании личности, заключавшийся в утверждении ее автономности, теоретическая база под данное понимание была подведена философами Нового времени и Просвещения. Проанализируем подробнее эти трансформации, в целом определившие современное понятие личности.

Воля, разум и чувства

В античности проблема личности рассматривалась через призму философских, этических и метафизических концепций, однако термин «личность» в современном понимании не использовался. Вместо этого античные мыслители оперировали понятиями, которые хотя и не были идентичными современному «я», тем не менее, затрагивали аспекты самосознания, индивидуальности и человеческой природы. Так, в классической латыни использовалось понятие «персона», означавшее, прежде всего, «маску» и являвшееся «центральным понятием римской юриспруденции, обозначая человека как индивидуума, занимающего конкретное положение в социуме» [\[1, с. 400\]](#).

Одним из первых философских подходов к пониманию человеческой сущности является платоновская концепция души. В своем диалоге «Горгий» Платон уподобляет человеческую душу образу небесной колесницы с возничим, под управлением которого находятся две лошади. Одна лошадь отвечает за чувственную (или страстную) составляющую души, вторая — за разумную, а возничий, в свою очередь, — это волевое начало, так как именно от воли человека по мнению Платона, зависит то, какая именно лошадь будет главенствующей. Платон утверждает, что разум должен преобладать над страстями, чтобы достичь гармонии и добродетели. Когда возничий (воля) способен направлять обе лошади (разум и страсть), душа достигает состояния внутреннего равновесия, что, в свою очередь, позволяет индивиду реализовать свой потенциал как разумного существа. Однако если страсть берет верх, то это приводит к хаосу и моральным ошибкам, что подчеркивает важность самосознания и самоуправления. В этом контексте Платон акцентирует внимание на необходимости воспитания разума и формирования добродетелей как ключевых компонентов в развитии человека.

Думается, что в платоновском понимании личность представляет собой исключительно неосязаемый набор качеств, который, тем не менее, уникален для каждого отдельного индивида. Это поднимает важный вопрос о том, можно ли считать телесную оболочку частью личности, учитывая, что физическая внешность человека в значительной степени также носит индивидуальный характер? В философии Платона тело и душа рассматриваются как две разные, хотя и взаимосвязанные сущности. Платон утверждает: «Душа, как я полагаю, является тем, что действительно существует» [\[2\]](#), подчеркивая вместе с тем, что душа представляет собой высшую реальность, в то время как тело является лишь материальной и изменчивой составляющей человеческого существования. Душа понимается им в качестве истинной сущности человека, обладающей бессмертием и способной к познанию вечных истин. Напротив, тело, будучи подверженным изменениям и разрушению, не может быть истинным отражением человеческой индивидуальности. Платон в диалоге «Государство» утверждает: «Тело — это тень души, а душа — это истина» [\[3\]](#). Таким образом, платоновская концепция предполагает, что личность не определяется физическим состоянием или внешностью, а коренится в бессмертной душе, которая стремится к истине и добродетели. Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что тело может оказывать влияние на восприятие человека со стороны как самого себя, так и общества. Внешность человека, его физические характеристики могут служить индикаторами его внутреннего состояния, однако Платон подчеркивает, что истинная ценность личности заключается не в ее телесной оболочке, а в ее духовном содержании.

При осмыслении образа небесной колесницы возникает вопрос: не будет ли более уместным рассматривать три аспекта или «части» души не как ее сущность, а как инструменты или способности, которые мы используем в своем существовании? При

таким понимании мы сами остаемся невидимыми, поскольку в процессе самонаблюдения воспринимаем лишь ключевые элементы нашего бытия в их активности, которые Платон выражает через три составляющие упряжки. Эти инструменты обладают значительным обратным воздействием на нас, формируя нашу мотивацию и действия. Душа, как самодвижущееся начало, представляет собой чистую способность, которая формирует свою реальность через взаимодействие этих трех сторон, каждая из которых тянет нас в разные направления. Более того, каждая из этих частей может быть использована как во благо, так и во зло, и это подчеркивает сложность и многогранность человеческой природы. В таком контексте душа предстает перед нами уже как движущая сила, а «двигает» (или управляет) она, в моральном смысле, нашим выбором, нашими поступками, а в физическом — нашими действиями и нашим телом. В этой связи уже трудно согласиться с позицией Платона, в соответствии с которой тело не является частью личности, ведь именно в нем отражены все внешние результаты деятельности того самого возникшего, управляющего небесной колесницей.

Как было ранее отмечено, Платон утверждает, что разум должен осуществлять управление страстями, чтобы достичь состояния гармонии и добродетели. Эти состояния, по сути, воспринимаются Платоном как конечная и единственная цель человеческого существования. Логично предположить, что разум, воля и страсти представляют собой инструменты, присущие каждому человеку от рождения. Управление своими страстями, таким образом, становится не просто необходимым навыком, но и прямым, а также единственным способом достижения добродетели. Как искусный кузнец формирует металл в соответствии с задуманной формой, так и человек, который подчиняет свои страсти разуму, создает свою личность, стремясь к высшей цели — добродетели. Платон не только утверждает, что добродетель является высшей целью, но и указывает на необходимость активной работы над собой, в процессе которой разум становится не только вожатым, но и созидателем, формирующим человеческую индивидуальность.

Что же на самом деле представляет собой добродетель в платоновской системе? Платон утверждает, что добродетель — это знание, он формулирует в диалоге «Протагор»: «Добродетель есть знание, и, следовательно, если кто-то делает зло, то он делает это лишь по незнанию» ^[4]. Но знание чего именно подразумевает Платон? Для мыслителя знание связано с пониманием вечных истин и форм, которые являются основой морального поведения. Он утверждает, что истинное знание — это знание о добре, которое позволяет индивиду действовать в соответствии с высшими моральными стандартами. Данное знание не является лишь теоретическим, а требует практического применения, что делает его неотъемлемой частью добродетельного существования. Это подчеркивает, что добродетель в платоновской философии не является статичным состоянием, а представляет собой динамический процесс, требующий от человека постоянного самосовершенствования и стремления к истине.

В отличие от Платона, рассматривающего личность через призму идеальных форм и вечных истин, Аристотель формирует такое представление о ней, в котором акцентируется внимание на эмпирическом опыте и тесном взаимодействии с окружающим миром ^[5]. Он утверждает, что добродетель — это состояние, позволяющее человеку выполнять свою функцию, подчеркивая при этом, что человеческая индивидуальность оформляется через практику добродетелей. Аристотель рассматривает добродетель не как конечную цель, а как практическое качество, которое помогает человеку действовать правильно и эффективно в различных жизненных ситуациях. Он подчеркивает, что добродетель — это срединное состояние между крайностями, и что развитие добродетелей происходит в контексте практического опыта и социальных

взаимодействий. Для него добродетель является средством, с помощью которого индивид может достичь состояния благополучия и гармонии в жизни.

Как видим, Платон и Аристотель предлагают разные подходы к пониманию добродетели: для Платона она является высшей целью и идеалом, тогда как для Аристотеля — практическим инструментом, позволяющим реализовать счастье и полноценное существование. Может показаться, что у Платона и вовсе отсутствовал социальный контекст становления личности, вся ее суть для него заключалась, как указано выше, в непрерывной борьбе со своими страстями. Однако все же у Платона присутствует социальный аспект, хотя он выражен иначе, чем у Аристотеля. В философии Платона личность и общество взаимосвязаны, но акцент делается на идеальных формах и справедливости как высших ценностях, которые должны быть реализованы в обществе. Платон рассматривает индивида как часть более широкой социальной структуры, где каждый человек выполняет свою роль в идеальном государстве. Платон утверждает, что справедливое общество возможно лишь в том случае, если каждый индивид осознает и исполняет свою функцию, соответствующую его природе. В отличие от Аристотеля, который акцентирует внимание на эмпирическом опыте и фактических, более узких и индивидуальных социальных взаимодействиях, Платон больше сосредоточен на выяснении того, как идеальные формы и справедливость должны определять структуру всего общества и поведение индивидов. Социальный аспект в философии Платона в большей степени ориентирован не на индивидуальное действие с целью достижения личного счастья, а на совместные усилия, направленные на общее благо и создание идеального государства. Подход же Аристотеля, акцентирующий внимание на активном социальном взаимодействии как средстве для достижения индивидуального счастья, представляется нам более личностным и актуальным в контексте современных представлений о личности и ее роли в обществе.

В своем трактате «Душа» Аристотель исследует природу человеческой души, ее функции и взаимосвязь с телом [6]. Философ рассматривает душу как принцип жизни, который определяет активность и сущность живых организмов. Он делит ее на три уровня: растительную, животную и разумную, что позволяет ему проанализировать различные аспекты жизни и поведения человека. Философ утверждает, что душа не является отдельной сущностью, а представляет собой форму тела, что подчеркивает их взаимосвязь. В этом контексте душа и тело не могут существовать друг без друга; тело без души является мертвым, а душа без тела не может реализовать свои функции. Такое понимание души позволяет Аристотелю рассматривать человека как целостное существо, в котором физические и психические аспекты взаимосвязаны и влияют друг на друга. В отличие от платоновской концепции, где душа рассматривается как отдельная и более высокая реальность, а тело — как лишь временная оболочка, аристотелевский дискурс акцентирует наше внимание на эмпирическом опыте и реальных условиях существования человека. Аристотель подчеркивает, что развитие индивидуальности происходит через активное взаимодействие человека с окружающим миром и другими людьми, что делает его подход более актуальным для понимания человеческой природы.

Вместе с тем, несмотря на существенные различия, можно выделить две ключевые особенности, объединяющие концепции Платона и Аристотеля. Первая особенность заключается в стремлении личности к единой жизненной цели, которая варьируется в зависимости от воззрений того или иного философа, но остается центральной в их учениях. Платон акцентирует внимание на добродетели как высшей цели человеческой жизни, рассматривая ее как необходимое условие для достижения идеального общества и гармонии души. Аристотель, в свою очередь, связывает личностное развитие с

концепцией эудаймонии — состояния благополучия, достигаемого через практику добродетелей, утверждая, что «счастье — это конечная цель человеческой жизни» [\[6, с. 37\]](#). Вторая же особенность состоит в том, что античные философы хотя и предлагают различные интерпретации понятия души, все же при этом подчеркивают уникальность и индивидуальность каждого человека. Платон с его концепцией вечной души и Аристотель с его пониманием души как формы тела, оба акцентируют внимание на важности индивидуального существования, на его роли в общественной жизнедеятельности.

«... по образу... и по подобию...» (Быт. 1:26)

Христианское мировоззрение привнесло новые смыслы в понимание человека, оно возвысило его над окружающим природным миром, провозгласив наличие в нем образа и подобия самого абсолютного Бога, тем самым выделив человека из всего творения. Более того, представление о воплощении Бога в человеческом теле, о «воипостазировании» Высшей Личности в человеческой личности Иисуса Христа открывало новые перспективы для рассмотрения предназначения всей человеческой природы. Как писал Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» [\[7\]](#), имея ввиду обожение человека не по сущности, не по природе, а по благодати, по благовому дару Творца человеку. Но и тварная природа людей в таком контексте получала свою высшую цель. В. И. Несмелов так разъяснял смысл христианской идеи обожения (теозиса): «...человеческая личность по своей природе является реальным образом истинно сущего Бога, а потому в условиях своего ограниченного существования она может стремиться не к тому только, чтобы охранять и поддерживать свою, физическую жизнь, но и к тому, чтобы явить собою в чувственном мире живой образ невидимого Бога» [\[8, с. 254\]](#).

Вселенские Соборы кардинально трансформировали античное понимание личности человека. На I и II (триадологических) и III и IV (христологических) Соборах проходило активное формирование понятия «ипостаси» (лица, или собственно личности), продумывалось его отличие от античного понятия «усии» (природы, сущности). В своей известной работе «Точное изложение православной веры» преп. Иоанн Дамаскин следующим образом пояснял это отличие: «Итак, сущность, как вид, общее; а лицо — частное. Однако, оно частное не потому, что [одну] часть естества имеет, а [другой] части не имеет, но потому, что оно, как неделимое, частно по числу [...] лица... не различаются друг от друга по сущности, но по случайностям, которые являются характеристическими их свойствами; но характеристическими свойствами лица, а не естества. Ибо лицо определяют как сущность вместе со случайными особенностями; так что лицо имеет то, что есть обще, вместе с тем, что есть особенно, также и самостоятельное бытие; сущность же не существует самостоятельно, но созерцается в лицах» [\[9, с. 249-250\]](#).

Протопресвитер Иоанн Мейендорф когда-то точно заметил: центральной темой (или, как он писал, интуицией) всего византийского богословия являлось убеждение, согласно которому «человеческая природа не есть статичная, "замкнутая", автономная сущность, но — динамичная реальность, в своем существовании определяемая ее отношением к Богу» [\[10, с. 8\]](#). Существенное различие античного и нового, христианского понимания человека фиксируется в следующих словах В. Н. Лосского: «Связь человека со вселенной оказывается как бы опрокинутой по сравнению с античными понятиями: вместо того, чтобы "де-индивидуализироваться", "космизироваться", и таким образом

раствориться в некой безличной божественности, абсолютно личностный характер отношений человека к личному Богу должен дать ему возможность "персонализировать" мир. Уже не человек спасается вселенной, а вселенная человеком...» [11, с. 499]. Представление о теозисе человека распространяется и на теозис природы, возможный в случае свободного положительного ответа человека на божественный призыв («синергия» Бога и человека как личностей).

Возрастание влияния христианства приводило к тому, что философские идеи становились зависимыми от теологических учений. Христианство предложило новую интерпретацию человеческой природы, акцентируя внимание на греховности, искуплении и божественном замысле. Фактически, историческое пространство Средневековья было расположено между двумя ключевыми моментами, которые определяли срок существования всего живого: между сотворением мира и Страшным судом. В сознании христианина важнейшим событием, разделяющим историю на две части, становилось распятие Иисуса Христа, которое служило точкой отсчета для каждого факта человеческой истории [12]. По мнению В. А. Шкуратова, это создавало систему средневекового макровремени, которая являлась чрезвычайно неоднородной и многослойной, состоящей из нескольких взаимосвязанных шкал. Все события земной жизни здесь вписываются в общую теологическую схему всемирного процесса. Согласно учению Августина Блаженного, история делится на шесть эпох: 1) от сотворения Адама до потопа; 2) от потопа до Авраама; 3) от Авраама до Давида; 4) от Давида до вавилонского пленения; 5) от вавилонского пленения до Рождества Христова и 6) от Рождества Христова до конца света. Сознание средневекового человека насыщено идеей историчности мира. Время, как он его воспринимает, движется от акта творения через последовательные моменты Священной истории к завершению и возвращению к вечности, так же как жизнь отдельного человека неуклонно идет от рождения к смерти [13].

Августин Блаженный акцентировал свое внимание на том, что лишь в Боге человек может найти истинное удовлетворение и радость, и это противопоставляется им временным удовольствиям, которые ведут к духовной пустоте [14]. Фома Аквинский, развивая идеи Августина, утверждал, что «высшая цель человека заключается не в земных удовольствиях, а в божественной благодати и вечном спасении» [15, с. 560]. Он подчеркивал, что истинное счастье достигается через добродетельную жизнь и стремление к Богу, а не через удовлетворение телесных желаний. Эта позиция противоречила в целом античным традициям, которые ставили акцент на достижении индивидуального счастья как конечной цели человека. Однако нельзя сказать и того, что средневековая философия полностью разрывала связи с этой традицией, поскольку она активно использовала категориально-понятийный аппарат, методологию и некоторые представления, выработанные античной философией, в том числе — и по поводу понимания человеческой души. Так, Фома Аквинский утверждал, что личность, созданная по образу Божьему, обладает и свободной волей, и разумом, следовательно, способна осуществить свой моральный выбор. Он также акцентировал свое внимание на том, что разум человека способен познавать истину и стремиться к добру, и это является важным аспектом его сущности.

С. С. Неретина справедливо указывает на то, что в Средневековье формируется внутренний мир личности, который состоит из двух основных элементов: стихийности и нормы, воспринимаемой как долг. Внутренний мир личности представляет собой единство этих двух аспектов, в котором каждый из них выполняет свою уникальную роль.

Стихийность можно рассматривать как пространство для самовыражения, в котором индивидуум имеет возможность проявлять свои внутренние стремления, желания и творческий потенциал; долг же — как временной аспект, поскольку он требует от человека учитывать и последовательность своих действий, и их последствия в контексте времени и истории. Долг не только определяет моральные нормы, но и встраивает личность в более широкий контекст, где каждое действие имеет значение. Взаимосвязь между стихийностью и долгом создает особую динамику внутри личности, где стихийность определяется сущностью человека, а долг — его ипостасью [\[16, с. 3\]](#).

Ипостась, являясь ключевым понятием христианской теологии, имеет важное значение для понимания природы личности и ее отношений с божественным. В триадологическом контексте ипостась обозначает индивидуальную сущность или личность внутри божественной природы. В учении о Троице каждая из трех ипостасей — Отец, Сын и Святой Дух — представляет собой отдельную личность, обладающую полной божественностью, но при этом единую в своей сущности. В средневековой философии понятие ипостаси становится центральным для описания человеческой природы и ее связи с божественным. В контексте христианской антропологии понятие ипостаси как прообраза божественного в каждом человеке подчеркивает, что все люди созданы по образу и подобию Бога, и это делает каждую личность уникальной. Так, святой Иоанн Дамаскин утверждает: «...человек, будучи созданным по образу Божьему, является живым образом Бога на земле» [\[17, с. 414\]](#). Личность рассматривается при этом не как изолированная единица, а как часть единого божественного замысла, где каждая индивидуальная ипостась, несмотря на свои уникальные особенности, стремится к единству с Богом. Она, таким образом, не является самоцелью, а представляет собой путь к божественному, где каждый человек, как ипостась, отражает божественное начало и стремится к реализации замысла Бога о мире. Личность не является автономной сущностью, она формируется и развивается в процессе взаимодействия, синергии как с Богом, так и с другими людьми. Иначе говоря, христианская антропология акцентирует внимание на обуславливающих промыслом Творца единстве и взаимозависимости всех тварных существ.

Автономность духовных стремлений

По мысли К. В. Бандуровского: «Новое понятие личности, выработанное в средневековой философии (не устранившее, впрочем, и других значений — юридического, грамматического, театрального), относилось прежде всего к Богу, а затем и человек мыслился как личность, созданная по образу и подобию Божьему... Средневековое теоцентричное понятие личности сменилось в философии и культуре Возрождения на антропоцентричное: личность стала отождествляться с яркой, многосторонней индивидуальностью, способной достичь всего, что захочет» [\[1, с. 401\]](#). Эпоха Возрождения, охватывающая XIV–XVII вв., стала временем значительных изменений в философском и культурном осмыслении личности, этот период характеризовался переходом от средневекового мировоззрения, основанного на теоцентризме, к антропоцентризму, в котором человек и его индивидуальные особенности становились центром внимания.

Гуманист Франческо Петрарка в своем произведении «О средствах против превратностей судьбы» анализировал уникальную роль философии, подчеркивая, что ее задача заключается не в том, чтобы служить схоластическим дополнением к богословию, а в том, чтобы исследовать человеческую природу. Он утверждал, что философия должна соединять вопросы познания с нравственными аспектами, акцентируя внимание на

благородстве человека, которое достигается через творчество и осознание своего божественного предназначения, проявляющегося в активной деятельности на земле. Петрарка считал, что подлинное знание связано с человеческим опытом, он отмечал: «На что следует надеяться в божественных делах, этот вопрос оставим ангелам, среди которых даже высшие падали под его тяжестью. Небожители должны обсуждать небесное, а мы — человеческое, и, возможно, было бы мудрее вовсе не начинать этот крутой и опасный путь, чем останавливаться на его середине» [\[18\]](#).

Эразм Роттердамский в своих произведениях критиковал не только церковные догмы, церковную коррупцию, отсутствие внутреннего благочестия, но и социальные недостатки своего времени. Он утверждал, что «образование — это ключ к истинному пониманию человеческой природы» [\[19\]](#), подчеркивая, что развитие личности невозможно без интеллектуального роста. Эразм призывал к гуманистическому образованию, которое должно было включать изучение классических текстов, риторики и философии, чтобы формировать более полноценную личность. Его идеи о необходимости нравственного и интеллектуального образования стали основой для образовательных реформ, которые оказали значительное влияние на европейскую культуру. В свою очередь, Николай Кузанский утверждал, что истинное знание начинается с осознания собственных ограничений и незнания. Подобно Сократу, мыслитель подчеркивает: человеческий разум не может полностью постигнуть божественную сущность или абсолютную истину, что приводит к необходимости смирения и открытости к новым знаниям: «Истинное знание — это знание о том, что мы ничего не знаем» [\[20\]](#). Кузанский использует преломленную через христианскую традицию античную концепцию человека как микрокосма, который отражает макрокосм — Вселенную. Он утверждает, что человек, будучи созданным по образу и подобию Божьему, является малым миром, в котором заключены все аспекты божественного замысла. Эта идея о взаимосвязи между человеком и Вселенной подчеркивает уникальность человеческой природы и способность личности к самосознанию. Кузанский пишет: «Человек — это тот, кто может познать мир и Бога, и в этом познании он становится подобием Бога» [\[20\]](#). Данная концепция также подразумевает, что изучение природы и мира вокруг нас является важным шагом к пониманию самого себя и своего места в божественном порядке. В философии Кузанского зарождается рационализм, однако мыслитель рассматривает веру как первооснову любого знания, при этом не в фидеистическом, а в гносеологическом ее аспекте, подчеркивая значимость веры в процессе познания. Несмотря на ярко выраженную в работах Николая Кузанского мысль о Божественном промысле, его философия демонстрирует явное развитие антропоцентрических взглядов, он подчеркивает, что человек, обладая разумом и свободной волей, способен не только воспринимать, но и интерпретировать реальность, что делает его активным участником в процессе познания. Здесь, на наш взгляд, налицо сдвиг акцентов от божественного к человеческому: личные усилия и стремления индивида становятся центральными в поиске истины.

Таким образом, идея о свободе выбора постепенно становится краеугольным камнем нового понимания человеческой природы, в соответствии с которым человек уже не является объектом божественного замысла, а представляет собой активного субъекта, способного самостоятельно формировать свою судьбу. Научные достижения эпохи Возрождения оказали значительное влияние на трансформацию представлений о человеческой личности, способствуя формированию нового парадигматического взгляда на сущность человека и его место в космосе. Этот период можно рассматривать как своеобразное перепутье между средневековыми теоцентрическими представлениями и

новыми антропоцентрическими взглядами, согласно которым личность начинает восприниматься как сложное и многогранное явление, включающее в себя и индивидуальные, и универсальные аспекты человеческого существования. В отличие от средневекового подхода, в котором личность рассматривалась в первую очередь как создание Божье, эпоха Возрождения акцентирует внимание на значимости человеческого разума, свободы воли и способности к самовыражению. Личность в этот период предстает как уникальная индивидуальность, обладающая внутренним миром, эмоциональной глубиной и творческим потенциалом, способная к самопознанию и рефлексии, что позволяет человеку осознавать свою божественную природу и место в мире. Вместе с тем, данный период не является окончательной точкой в осознании человеческой сущности, а представляет собой начало когнитивного процесса, все более склоняющегося к антропоцентрическим взглядам, несмотря на сохраняющиеся длительное время представления о божественном влиянии.

В философии Нового времени формировались сложные и системные подходы к понятию личности, связанные с появлением социальных и правовых теорий, в которых получала дальнейшее развитие антропоцентрическая картина мира. Философы этого периода, такие как Рене Декарт, Джон Локк и Иммануил Кант, внесли значительный вклад в формирование новых аспектов понимания личности, описывая ее, прежде всего, в качестве автономного субъекта, способного к независимому рациональному мышлению и самосознанию, опираясь на которые личность в состоянии самостоятельно познавать и изменять окружающий ее мир. Декарт, утверждая «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую» [\[21\]](#)), подчеркивал важность самосознания как основы человеческой сущности, и это открывало путь к осмыслению личности как активного агента в познании и правовых отношениях. Джон Локк, в свою очередь, развивал концепцию личности, связывая ее с понятием сознания и памяти. Он писал: «Личность — это то, что делает человека тем, кем он является, и это зависит от его сознания» [\[22\]](#). Локк акцентировал внимание на том, что личность формируется через опыт и восприятие, указывая на ее динамический характер. Это понимание личности как сознательного субъекта станет основой для дальнейших размышлений о естественном праве, где личные права и свободы индивида рассматривались как неотъемлемые и природные. Иммануил Кант подвел своеобразный итог окончательному закреплению в научном сознании антропоцентрической позиции, авторитетно аргументировав не только автономность личности в моральном плане, но и ее конституирующую роль в процессе познания, при этом полагая, что тем самым он совершает «коперниканский переворот» в когнитивных теориях. Мыслитель утверждал, что его позиция обладает принципиальной новизной, поскольку если раньше понятия должны были соотноситься со своими предметами, то теперь «наоборот, предметы, т.е., что одно и то же, *опыт*, служащий единственным источником познания предметов (как данных), соотносится с этими понятиями» [\[23, с. 21\]](#).

Л. А. Тихомиров, как и всякий религиозный философ остававшийся в своем творчестве на теоцентрических позициях, следующим образом описывает тот «алгоритм», согласно которому происходило движение нововременной и просвещенческой мысли к антропоцентрическим убеждениям, акцентирующим автономность личности, но при этом сохраняющим представления о ее динамическом и творческом характере. Он пишет, что человеческий дух, будучи по природе свободен, вместе с тем происходит от Бога, а потому тесно связан с Ним и нормально жить может лишь сохраняя тесную связь с Абсолютной Личностью, благодаря Которой мы можем верно говорить об абсолютности стремлений нашего духа. Когда же человек сознательно разрывает связь с «Источником

своей духовной жизни», то у него создается «лже-ощущение» собственной автономности; при этом он хорошо видит, что «требования абсолютного» внушаются ему вовсе не миром, не относительной земной природой, в которой нет ничего абсолютного, вследствие чего ему «кажется, что эти абсолютные, духовные стремления рождаются *в нем самом*, порождаются им самим. Посему он является как бы началом, источником духовных стремлений, которые ему дороже всего в мире. Он в этом отношении выше мира, независим от мира, "автономен"..."» [\[24, с. 44\]](#).

В дальнейшей философской мысли понятие личности модифицировалось, и даже трансформировалось, причем в разных направлениях. В том числе возникали и аперсоналистские концепции, независимо от того, к какому стану — идеалистическому или материалистическому — принадлежал формулировавший их философ. Так, Г. В. Ф. Гегель утверждал, что человеческая личность не автономна, что индивидуум формируется в контексте социальных отношений, исторического процесса и общего духа (Volksggeist). Философ писал: «Истинная свобода заключается не в произвольном выборе, а в осознании себя как части целого» [\[25, с. 490\]](#). Для Гегеля личность становится неотъемлемой частью диалектического процесса, в котором индивидуальные действия и стремления находятся в постоянном взаимодействии с историческими силами и общественными структурами. Аналогично, Карл Маркс, говоря об «исторической личности», акцентировал внимание на том, что индивид в качестве исторического агента не может быть полностью свободным в своем выборе, так как его действия и возможности определяются как социально-экономическими условиями его времени, так и классовой принадлежностью, что подчеркивало второстепенность индивидуального выбора в свете исторического детерминизма. В таком контексте личность может лишь замедлять или ускорять необходимые социальные изменения, но не может их кардинально изменить.

Однако от Нового времени и Просвещения вплоть до наших дней общая направленность философской мысли, выразившаяся во все большем признании и развитии возникшей во времена ренессансного антропоцентрического поворота идеи об автономности личности, сохранилась. Современными авторами личность рассматривается преимущественно как автономный субъект, но, вместе с тем, она включается в сложную систему общественных отношений в качестве источника творческой активности и в той или иной степени свободного актора, влияющего на изменения социальной и природной среды.

Заключение

Заметим, что даже краткий анализ философских течений XX-XXI вв., неодинаковым образом представлявших личность, не может быть сделан в рамках настоящей статьи, поскольку требует внимательного рассмотрения множества концепций, нередко плохо между собой согласующихся. Тем не менее, глубокий анализ таких концепций, требующий привлечения усилий специалистов из различных областей социально-гуманитарного знания, все же необходим хотя бы потому, что в наши дни активно развиваются трансгуманистические представления о личности, с одной стороны, казалось бы, открывающие широкие перспективы для осмысления возможностей улучшения человеческих способностей с помощью технологий, включая искусственный интеллект, генную инженерию и кибернетику. С другой же, в рамках трансгуманизма поднимаются важные вопросы о том, как технологические достижения могут влиять на понимание идентичности и самосознания, а также о том, как эти изменения влияют на наше восприятие личности. Трансгуманизм ставит под сомнение традиционные представления о том, что значит быть личностью и каковы границы ее

правосубъектности. Однако, по нашему мнению, простое отрицание философской традиции понимания личности не может быть конструктивным; разрывая «связь времен», оно неминуемо влечет за собой когнитивные ошибки, угрожающие негативными последствиями. Речь должна идти о дальнейшем развитии понятия личности, развитии, учитывающем технологические реалии современности.

Представления о личности в истории философии демонстрируют сложное взаимодействие между индивидуальными, коллективными, социально-историческими аспектами человеческого существования. Сегодня понимание личности становится еще сложнее, включая в себя как индивидуальные, коллективные, исторические, так и технологические стороны. Личность рассматривается не только как автономный субъект, способный к самосознанию и рациональному выбору, но и как результат взаимодействия с технологическими системами и социокультурными контекстами. В этой связи современные интерпретации понятия личности, на наш взгляд, должны представлять собой конструктивный синтез различных историко-философских подходов, определяя личность в качестве динамичной, контекстуализированной сущности, формирующейся на пересечении индивидуального выбора, социальных конструкций и технологических изменений. Тем самым эти интерпретации будут не только отражать эволюцию представлений о личности от античности до нашего времени, но и открывать новые горизонты для ее осмысления.

Библиография

1. Бандуровский К. В. Личность // Новая философская энциклопедия В 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 400-401.
2. Платон. Федон. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450190000>
3. Платон. Государство. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf
4. Платон. Протагор. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Losev/plato0117.pdf?ysclid=m2svcl7jak107720528>
5. Аристотель. Никомахова этика. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf
6. Аристотель. О душе / пер. с др.-греч. П. С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 260 с.
7. Святитель Афанасий Александрийский о христианском учении и жизни с Богом. URL: <https://georgievka.cerkov.ru/2022/05/15/svyatitel-afanasij-aleksandrijskij-o-xristianskom-uchenii-i-zhizni-s-bogom/>
8. Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. СПб.: Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 396 с.
9. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 592 с.
10. Мейендорф И., прот. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. Мн.: Лучи Софии, 2001. 336 с.
11. Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. 759 с.
12. Мышкина С. С. Идея личности в христианской культуре средневековья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. 2009. С. 123-131.
13. Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с.
14. Аврелий Августин. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеев. М.: РИПОЛ классик, 2019. 416 с.
15. Аквинский Фома. Сумма Теологии / пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Часть 1. Киев: Эльга; Москва: Ника-Центр, 2002. 575 с.
16. Неретина С. С. Абелья и особенности средневекового философствования. Теологические трактаты. М.: Прогресс, Гнозис, 1995. 413 с.
17. Дамаскин Иоанн. Источник знания. М.: Индик, 2002. 414 с.

18. Петрарка Франческо. О средствах против превратностей судьбы. URL: <https://dailymoscow.ru/saratov/47761-o-sredstvax-protiv-prevratnostei-sudby-francesko-petrarka>
19. Роттердамский Эразм. Похвала глупости. URL: <https://lib.ru/FILOSOF/ERAZM/pohwala.txt>
20. Кузанский Н. Об ученом незнании. URL: <https://opentextnn.ru/man/kuzanskij-n-ob-uchenom-neznanii-1440/?ysclid=m2srxruxoxe706590382>
21. Декарт Рене. Размышления о первой философии. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_descartes_meditationes_de_prima_philosophia.htm?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
22. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_locke_an_essay_concerning_human_understanding_book-1.htm
23. Кант И. Критика чистого разума. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 672 с.
24. Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Апир», 1999. 616 с.
25. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2014. 490 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой очерк истории становления понятия личности, которое автор описывает на материале философии основных эпох европейской культуры – античной, христианско-средневековой и новоевропейской. Нельзя сказать, что избранная автором тема в таком её изложении является чем-то оригинальным для отечественной философской литературы. В конце концов, многое из того, о чём говорит автор, давно представлено не только в научной, но и в учебной литературе. С другой стороны, невозможно спорить с тем, что подобного рода обобщающие публикации также востребованы, особенно, со стороны тех читателей, которые только знакомятся с этой проблематикой. Хотя собственно исследовательская составляющая представлена в тексте не вполне отчётливо (поэтому и вывод автора, который мы прокомментируем ниже, не содержит какого-либо «сильного утверждения»), думается, это замечание в данном случае нельзя было бы рассматривать как аргумент против публикации данного материала в научном журнале. Главный недостаток статьи, по мнению рецензента, состоит в том, что автор некорректно распределил внимание, которое уделяется в тексте трём указанным выше эпохам. «Социальная составляющая» «личности» была осмыслена только в истории новоевропейской философии и культуры, но как раз этот период представлен в статье до обидного кратко! Предполагаемое автором «равновесие» оказалось нарушенным, и непонятно в этой связи, как возникает понятие автономии (вынесенное и в название статьи), если «социальная среда» как условие становления личности в современном её понимании в работе никак не представлена. Очевидно, что фигуры Канта и Гегеля должны были бы оказаться ключевыми в разработке темы, но они остаются на вторых ролях. Объём статьи позволяет дополнить её, представив индивидуальность как субъект социальных отношений, источник творческой активности и предмет самопознания, без чего вряд ли можно говорить о «современном» понятии личности. В этой связи следует обратить внимание на упомянутый выше вывод статьи:

«современные интерпретации понятия личности, на наш взгляд, должны представлять собой конструктивный синтез различных историко-философских подходов, определяя личность в качестве динамичной, контекстуализированной сущности, формирующейся на пересечении индивидуального выбора, социальных конструкций и технологических изменений». Это, безусловно, справедливая констатация, но завершающая её часть в представленном тексте осталась нереализованной. Конечно, по тексту возникает и много частных замечаний. Например, просто странно, что не упомянут Боэций, автор, как принято было считать до сих пор, первого определения «личности». Если автор не согласен с этим мнением, всё равно он должен был на него откликнуться. Странно выглядит и выражение «зародившееся в самом начале нашей эры христианское мировоззрение...»: можно подумать, что сначала «возникла» «наша эра», а потом уж произошло какое-то событие, предопределившее возникновение «христианского мировоззрения». Встречаются и просто неудачные в стилистическом отношении обороты («утверждал о том, что...», и т.п.). Представляется правильным заключить, что статья имеет хорошие перспективы публикации в научном журнале, но она должна быть расширена и доработана в стилистическом плане.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности» предмет исследования – это античные космоцентрические, средневековые теоцентрические и ренессансные антропоцентрические вариации осмысления места и роли человека во Вселенной. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации особенностей трансформации понятия личности, которые определили его современное понимание.

Теоретико-методологические основы составляют общие положения современной антропологии о человеке как некой творческой единицы общественной жизни, обладающей определенной самостоятельностью и способной исходя из собственных побуждений, желаний, представлений изменять не только окружающую ее среду — и социальную, и природную, но и саму себя. Методом исследования стал анализ трудов авторов, представляющих эпоху Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени, а также современных исследователей, интерпретирующих и комментирующих работы этих периодов.

Сегодня возникает необходимость переосмысления человеческой природы, поскольку именно в ней органично, а не механически, проявляются разнообразные способности и возможности человека. Формируется острая потребность обратить внимание на те аспекты человеческой природы, которые определяют его как ключевое и творческое начало, создающее объективные социальные и культурные формы своего существования.

Проведённый в рамках рецензируемой работы анализ представлений о личности в истории философии демонстрирует сложное взаимодействие индивидуальных, коллективных и социально-исторических аспектов человеческого существования. Следует согласиться с выводом, что современное понимание личности становится еще более сложным, включая индивидуальные, коллективные, исторические и технологические элементы (хотя это не вытекает непосредственно из проведённого анализа). Это даёт основание обоснованно утверждать, что в современных интерпретациях понятия личности необходим конструктивный синтез различных

историко-философских подходов, определяя личность как динамичную, контекстуализированную сущность, формирующуюся на пересечении индивидуального выбора, социальных конструкций и технологических изменений. Эти интерпретации не только отражают эволюцию представлений о личности от античности до наших дней, но и открывают новые горизонты для ее осмысления. Однако отметим, что вывод о трансформации понимания человека от индивидуальности к автономности, хотя и прослеживается на протяжении всего текста, в заключение не вынесен.

Данная публикация характеризуется определённой логичностью и последовательностью изложения материала, которая задается последовательным анализ эпох Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени. Следует отметить грамотный стиль изложения. Статья будет представлять интерес для специалистов в области философской антропологии.

Библиография работы включает 24 публикации, содержащие как непосредственно первоисточники (работы представителей соответствующей эпохи), так и современных исследователей проблемы человека. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Таким образом, статья «Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована после приведения списка литературы в соответствие требованиям оформления (ГОСТ 7.1-2003 / ГОСТ 7.0.5-2008).

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Плужникова Н.Н., Саенко Н.Р. Технософия: методологические ресурсы // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.72159 EDN: MELKQX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72159

Технософия: методологические ресурсы

Плужникова Наталья Николаевна

ORCID: 0000-0002-4143-1216

кандидат философских наук

доцент; кафедра "Гуманитарные дисциплины"; Московский политехнический университет

140050, Россия, Московская область, пгт. Красково, ул. Школьная, 2/3, кв. 98

✉ pluzhnikova@bk.ru



Саенко Наталья Ряфиковна

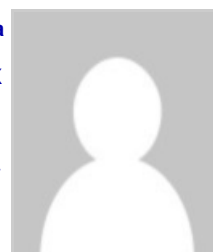
ORCID: 0000-0002-9422-064X

доктор философских наук

профессор; кафедра "Гуманитарные дисциплины"; Московский политехнический университет

107023, Россия, г. Москва, ул. Павла Карчагина, 22

✉ rilke@list.ru



[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.72159

EDN:

MELKQX

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2024

Аннотация: В статье, обращенной к процессам технико-технологического обновления и преобразования современной культуры, всесторонне анализируется феномен возникновения новой отрасли социально-культурного и научно-философского знания – технософии. Особое внимание уделено исследованию и целенаправленному изучению изменений, происходящих в частной и общей научно-философской методологии по факту появления технософии и ее закрепления в качестве самостоятельной области знания о мире техники, окружающем человека. Предметом исследования является

технософия в качестве новой отрасли современного научно-философского знания. Учитывая актуальность и степень разработанности темы исследования, укажем, что основная проблема исследования заключается в отсутствии целостного понимания данной отрасли, а также эвристической значимости применяемых ею методологических ресурсов в осмыслении существования человека, общества и культуры. Методологической и теоретической основой исследования явился научно-теоретический анализ истории философской мысли, диалектические принципы развития, объективности и конкретно-исторического подхода, имеющие важнейшее методологическое значение в исследовании технософии. В исследовании использованы общенаучные принципы познания в их конкретизации применительно к изучению общества, а также компаративистский метод для изучения технософии. Технософия рассматривается как совокупность способов и подходов раскрытия сути процессов взаимодействия между самим человеком и создаваемыми им объектами техники. Отмечается, что современная культурно-историческая эпоха в плане обретения ею новых особенностей отмечена радикальным изменением общей роли и предназначения технических устройств в жизни человека и общества. Авторы рассматривают процессы обновления и преобразования традиционной научно-философской методологии изучения и анализа мира техники рассмотрены с точки зрения формирования новой культурной аксиологии, поиском решений проблем, связанных с этим процессом. Авторы приходят к выводу: Современный человек и человечество, плотно окружаемые созданной ими техносферой со всех сторон, вступают в эпоху радикального пересмотра и изменения всех основных параметров оптимизации своего собственного бытия. В этом плане технософия может выступать в качестве новой отрасли научно-философского знания, описывающей не только эти изменения, но и мышления современного человека.

Ключевые слова:

техника, технософия, технология, человек, общество, культура, методология, управление, власть, цифровизация

Введение

Вторая половина XX и начало XXI века отмечены чрезвычайно ускоренным ростом и усложнением окружающей человека техносферы. В этот период постоянно расширяющийся диапазон проблем взаимодействия с новой реальностью сам становится объектом пристальной социальной, культурной, научной, общеполитической рефлексии, внутри которой постепенно зарождаются, оформляются и закрепляются целые направления знания, в число которых входит и технософия.

Термин «Технософия» (technosophy, от греч. *techne* – «искусство», «ремесло» и греч. *Sophia* – «мудрость», «умение» ^[1]) можно рассматривать как феномен, обозначающий в мышлении индивида особую когнитивно-онтологическую структуру – структуру знания о внутренней сущности мира техники – феноменологии, процессов, особенностей, роли и функций, законов – по сути, новой онтологии, позиционируемой в качестве самостоятельного объекта социально-культурной и научно-философской рефлексии, теоретического изучения и последующей практической реализации. М. Н. Эпштейн, который активно вводит в философский дискурс понятие «технософия», пишет: «Теперь мы понимаем, что техника – это не сталь и мазут, не «бездружные», «давящие» механизмы, как подсказывают нам детские впечатления индустриального века. Техника – это мысль и чувство, которые царят уже не только в нашем мозгу и теле, но и

скоростью света или звука распространяются вокруг нас и между нами» [\[2, с. 775\]](#).

Познавательный, понятийный, терминологический и категориальный аппарат технософии может быть представлен как концептуально-методологический дуализм собственного человеческого отношения и гуманитарного измерения новой, технико-технологической и виртуально-цифровой реальности. В результате этого необходимость обращения к существующим проблемам, равно как и решения возникающих вопросов мира техники определила актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – изучение и всесторонний анализ существующих и вновь создаваемых методологических подходов к исследованию частной и общей феноменологии мира техники, протекающих внутри этого мира процессов, раскрытия и познания содержательной стороны собственных законов его функционирования в их специфически-выделенном отношении к человеку. Реализация данной цели невозможна без главного объекта исследования, который и выступает в качестве одного из таких подходов – технософии.

Исследования и дискуссии

Философский анализ термина «технософия», не может быть осуществлён исключительно как процесс целенаправленного познания и раскрытия сущности чего-либо конкретного (мира техники [\[3\]](#)), но он представляет собой специфически-человеческое отношение к самому этому процессу, необходимой частью которого, в этой связи, становится также и метод познания. В этом отношении не только собственно «технософия» может быть позиционирована в качестве нового, самостоятельного раздела философии, но и методологии технософии в связи с тем же невозможно отказать в праве быть представленной в форме частной познавательной или философской методологии. Это так, поскольку исторические обстоятельства и причины возникновения «технософии» в ее современной форме таковы, что внутри этой новой области знаний не только о самом мире техники, но и о месте и роли человека внутри этого мира, теоретические проблемы развития указанных знаний оказываются нераздельно соединены с решением целого ряда конкретных и практических вопросов [\[4\]](#).

Необходимость разработки и последующей практической апробации методологических ресурсов технософии, необходимых для решения как теоретических, так и практических задач, в настоящее время определяется тремя взаимосвязанными аспектами изменений, характеру которых, исходя из современных особенностей взаимодействия человека с миром техники, просто невозможно отказать в объективности:

1. Изменение места и роли человека в мире техники [\[5\]](#).
2. Изменение предназначения техники и техносферы в мире человека [\[6\]](#).
3. Изменение общего характера современной цивилизации, которая становится все более техногенной [\[7\]](#).

Прагматический характер современной культуры пытается канализировать возможные подходы к разработке методологического аппарата современной технософии, смещая акценты в сторону трактовок и понимания роли техники в развитии цивилизации как одного из наиболее мощных инструментов адаптации, созданного искусственным путем. Не только прежняя реальность, окружающая человека и изменяемая посредством техники, но и создаваемая ею же новая, виртуальная реальность естественным образом

приводят к дуализму онтологии человека и социума, поскольку внутри этой вновь созданной реальности онтологический статус человеческого бытия определенно выходит за пределы физического в традиционном его понимании, и получает новое, метафизическое измерение, совершенно определенно не связанное только с прежней философской метафизикой человека в ее традиционных трактовках [\[8\]](#).

Последнее обстоятельство и направленно формирует внутри процессов создания тех или иных методологических ресурсов современной технософии целый ряд новых требований, обращенных к результатам этих процессов. В этой связи современные технические устройства и оборудование уже перестали быть только лишь «инструментом адаптации» человека к новым реалиям его собственного бытия, ныне примеряя все более активно на себя роль новых средств экспликации человеческой сущности в множасьихся пространства современной техносферы, с одной стороны, а также познания окружающего человека мира и его прежде скрытых, глубинных особенностей посредством таких методов, реализация которых без участия современной техники была бы невозможной, с другой стороны. Внутри современной философии техники расширяется как спектр направлений связанных с этим исследований, так и последующий дискурс обсуждения их результатов именно в связи с этими принципиально новыми взглядами, что, прежде всего, свидетельствует именно о переходе к концептуализации и систематизации целого ряда прежде разрозненных воззрений, суждений, мнений и позиций в рамках философско-эпистемологической традиции.

В этом отношении современная технософия вместе с создаваемой собственной методологией становится закономерным результатом реагирования традиционной философской мысли на те фактические изменения не только в отношении исследования мира техники (когнитивной онтологии), но и в человеческом гнозисе переосознания новой роли и нового предназначения мира, который давно уже ушел далеко вперед от инициальных механистических и ранне-позитивистских трактовок техники как средства опредмечивания навыков и значимого для человека опыта по преобразованию внешнего мира в опоре на используемые техническими приспособлениями силы природы и ее законы [\[8\]](#), [\[9\]](#).

В современной технике в значительно большей степени тем или иным образом «опредмечиваются» самые разные человеческие знания, причем именно те самые знания, которые в современном мире возникают по факту совершения все более фундаментальных научных открытий. Это принципиальное изменение характера техносферы в рамках современной культуры постиндустриального общества во все большей степени переводит вновь создающиеся элементы техносферы из разряда механических устройств и приспособлений в разряд инструмента применения, развития и совершенствования человеческого интеллекта [\[10\]](#).

Современное общество можно определить как общество перехода от техники к «технологиям техники». Технологии становятся решающей и фундаментальной характеристикой общества, посредством изучения которых можно определить сложное человеческое отношение к самим технологиям. В частности, феномен рационализации и упорядочения человеческого поведения. Для изучения данных аспектов можно обратиться к взглядам таких теоретиков науки, как Э. Биглхол [\[11\]](#), Л. Бернард [\[12\]](#), М. Крозье [\[13\]](#), Д. Фрид [\[14\]](#), Л. Гудман [\[15\]](#). Работа Ж. Эллюля «Присутствие в современном мире» содержит актуальную для современности критику прогресса технологий в западном обществе и последствий технологизации жизни. Автор указывает, что идея «техники» в качестве технологии или конкретных практик (в первую очередь, духовных)

исходила с Востока. Такая деятельность интерпретировалась, в частности, в платоновской мысли, как деятельность менее значимая, чем интеллектуальное созерцание. Тем не менее, Ж. Эллюль показывает, что интеллектуальный вклад древних греков, разработка универсальных и абстрактных научных законов, позволили простому человеческому действию, превращающему природный объект в искусственный (технический), стать всеобъемлющей парадигмой технологии, техники и прогресса. Исследователь указывает, что по общему признанию, машина обогатила человека так же, как она его изменила. Чувства и органы машины умножили возможности человеческих чувств и органов, позволив человеку проникнуть в новую среду и открыв ему неведомые виды вольности и рабства. Тем самым человек освободился от физических ограничений, но тем более он стал рабом абстрактных ограничений. Он действует через посредников и, следовательно, утратил контакт с реальностью. Человек, как рабочий, утратил связь с первичным элементом жизни и окружающей среды, основным материалом из которого он делает то, что делает. Он больше не знает ни дерева, ни железа, ни шерсти. Он знаком только с машиной. Его способность стать механиком заменила его знание своего материала; Это развитие вызвало глубокие психические преобразования, которые еще, безусловно, нам предстоит переоценить [\[16\]](#).

Можно сказать, что в процессе развития человеческой истории технологии и техника в целом трансформировались из «просто» практических приложений в рационализацию человеческого бытия, сложно связывая значения и цели действия и мышления. Несмотря на то что Платон принижал *techné*, он предоставил средства, с помощью которых технологические практики могли быть абстрагированы и рационализированы, делая возможными «способы техники» [\[17, С. 3\]](#).

Результатом осмысления техники стала техническая рациональность, которая начала свое становление как более широкая социальная, политическая и экономическая парадигма до XVIII века, преобразовав структуру и цель дисциплин науки, инженерии, политики, экономики и образования. Целью каждой сферы стало технически рационализированное развертывание средств производства товаров для достижения целей эффективного производства и социально-экономического прогресса. Простые «технические методы» воздействия на мир стали «техническими явлениями», артикулированными как центральные для текущего развития прогрессивного общества. Как таковая, сфера технологий приобрела определенное «самолегитимирующее присутствие».

Более того, ценность и статус технических явлений опирались на легитимность технического экспериментирования и классификации. Сама практика разработки новых технологий была артикуляцией технологической ценности – возникла технологическая эпистемология, в которой нужно знать, как воздействовать на мир посредством обращения к технической рационализации [\[18\]](#).

Не понимая, что делает с ним и с миром правило техники, современный человек охвачен тревогой и чувством незащищенности. Он пытается приспособиться к изменениям, которые не может понять. Конфликт пропаганды заменяет дебаты об идеях. Техника заглушает идеи, которые ставят под сомнение ее правило, и отфильтровывает для общественного обсуждения только те идеи, которые в значительной степени согласуются с ценностями, созданными технической цивилизацией. Социальная критика отрицается, потому что существует лишь ограниченный доступ к техническим средствам, необходимым для охвата большого количества людей. Ж. Эллюль пишет, что «в мире, где техника требует от людей максимума, этот максимум не может быть достигнут,

поддержан или превзойден — как это иногда требуется — иначе, как с помощью воли, которая всегда устойчива и напряжена. Человек по своей природе не обладает такой волей. Он ни в коем случае не подготовлен от природы к такому возвышенному состоянию, и если иногда он достигает его естественным путем, то экзальтация длится всего несколько мгновений. Тем не менее, он должен быть продлен. Необходимо создать психологические условия, которые позволили бы индивидууму отдать все свои силы войне (или миру) и противостоять прострации и унынию перед лицом ужасных условий жизни, в которые его загнала техника» [\[18\]](#).

Одним из подтверждений объективного характера изменений такого рода в современном мире является то, что модусы управления и операторской работы с современной техникой становятся более интеллектуальными для человека и требуют от него меньше физических и механических усилий. Кроме того, баланс между количеством технических устройств обеспечения взаимодействия человека с физической реальностью и количеством тех же самых, оперирующих с виртуальной, цифровой реальностью, прогрессирующе смещается в сторону последнего. Это может значить только одно: современная техника все менее работает с веществом, с материей – и все более оперирует с «цифрой» и с информацией. И. Г. Фихте, когда-то провозгласивший в «Наукоучении», что между «Я» и «Не-Я» на самом деле существует еще и медиация в форме синтеза первого со вторым, видимо, не прогнозировал, что спустя всего пару столетий этот синтез начнет приобретать выраженно технический, и даже технологизированный характер [\[19\]](#).

Однако то же самое влияние распространяется и на формирующуюся методологию современной технософии, чему, как ни парадоксально, в наибольшей мере способствует сам человек. Прежнее главное предназначение техники как средства избавления человека от тяжелого мышечного, главным образом монотонного труда во все большей мере становится достоянием прошлого, тем временем как современный НТП заметно и определенно переориентируется на удовлетворение новых духовных потребностей индивида и социума, которые новейшие технические устройства сами же и формируют, а это не может не оказывать влияния на практическую методологию технософии.

Прежде всего это относится к методологическому обеспечению процесса взаимодействия человека посредством новейших технических устройств с цифровыми и виртуальными моделями и образами окружающего современного человека мира. Глубина и масштабы этого влияния ныне таковы, что это начинает перекраивать и перетасовывать дескриптивные и регулятивные (правовые [\[20\]](#)) аспекты возможных форм профессиональной деятельности индивида внутри стремительно технологизирующегося пространства современной социальной реальности, а это выражается в исчезновении из перечня необходимых социуму одних профессий, появления вместо деактивированных других, новых (часто принципиально новых [\[20\]](#)) профессий и в изменении фактического операционально-функционального содержания третьих. Глубокое реформирование образовательной системы социума в направлении расширения возможностей для непрерывного профессионального совершенствования и переквалификации на другое профессиональное поприще только подтверждает реальность и актуальность всех этих изменений [\[20\]](#).

Другая сторона технико-технологического обновления окружающего современного человека мира содержательно оказывается еще глубже, а именно – один из наиболее заметных в новейшей культуре процессов – процесс глобализации в сфере организации обмена информации и установления контактов между всеми заинтересованными

сторонами – выражается в возникновении таких информационных и синтетических (технико-биологических ^[19]) по своей природе феноменов, как «коллективный разум», «самоорганизующаяся нейросеть», «искусственный интеллект», «нейропространство современного социума», «нейрокосм современного индивида», «программирование развития», «алгоритмизация экзистенции человека» и т.п. ^[19]. «Технософия изучает, как техника отвечает на духовные потребности человека, и одновременно создает новые духовные устремления, открывает пути к созданию коллективного разума, нейрокосмоса и нейросоциума...» ^[2, с. 775].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что современный человек и человечество, плотно окружаемые созданной ими техносферой со всех сторон, вступают в эпоху радикального пересмотра и изменения всех основных параметров оптимизации собственного бытия. В этом плане технософия может выступать в качестве новой отрасли научно-философского знания, описывающей не только эти изменения, но и мышление современного человека.

Однако культура человека не может существовать без собственной аксиологии, в отношении которой все в наибольшей степени ориентированные на технические изменения последнего времени оставляют больше всего не разрешенных ни методологически, ни содержательно вопросов. Прежде всего, это касается духовного измерения этой стремительно трансформирующейся и ретирующейся новой культурной аксиологии.

Между «природным» и «техническим» постоянно балансирует не только сам человек – столь же отчаянно балансирует и вся его культура, субъектом и объектом которой он является. Эта непатологическая и массовая по своим масштабам амбивалентность в большей степени становится одной из наиболее ярких и парадоксальных особенностей бытия человека в универсуме современной культуры.

Процессы, результатами реализации которых и становятся все эти новые феномены, не могут быть осуществлены на основе прежней, «традиционной» методологии. Общество и цивилизация в их современном виде уже зашли за грань чисто антропологических и социальных дескрипций и модераций собственного исторического развития, поскольку последнее во все большей мере начинает определяться и корректироваться техникой.

В этом отношении техника образует собственное онтологическое пространство, наполненное когнитивными смыслами, собственную техносферу, понимание которой выходит за пределы классической методологии, в которой техника рассматривалась исключительно как сфера «постбытия» человека, как нечто производное и зависимое от человека. Техносфера стала эффектом эволюции структур мышления самого человека и может быть рассмотрена сегодня как отчуждаемая от его мышления, поэтому требует новой методологии исследования, исходящей из постановки феномена техники в центр научно-философского анализа.

Не только существуя рядом с человеком, но и постепенно расширяя пространство этого существования, современная техносфера во все большей мере начинает приучать своего создателя к собственным законам, к собственной логике, к собственным формам взаимодействия с ней, и к своему «техническому» языку, который внутренне отличается от грамматики и лексики языка прежней «традиционной» методологии. Техника настаивает на применении языка программирования в том числе и здесь, в этом случае,

из этого происходят далеко идущие последствия в части необходимой коррекции перспектив развития человека и цивилизации. Данная программа может быть сохранена, но только при одном условии – человек «в чистом виде» перестает быть исключительной целью этого развития, потому что его должен заменить человек, многообразно технически опосредованный, «технологизированный» [19],[20]. Таким образом, поскольку вопросы и проблемы развития не могут быть «отменены» – указанная программа сохранится, но она должна быть перепрограммирована, причем перепрограммирована двояко – как содержательно, так и методологически именно для того, чтобы в последующем она могла быть реализована практически.

Создаваемые методологические ресурсы технософии должны сохранять характер основного объекта ее исследования во всей его объективно определяемой сложности и неоднородности, а именно – они должны отвечать требованиям многоаспектности, мультимодальности, и междисциплинарности [19]. Современный человек и человечество, плотно окружаемые созданной ими техносферой со всех сторон, вступают в эпоху радикального пересмотра и изменения всех основных параметров оптимизации собственного бытия, обретающего все большее количество связанных напрямую или косвенно с техникой измерений [21]. Например, современный человек уже не имеет возможности пренебрегать показателями дизайна, эргономики, технической эффективности, которые все более плотно связываются с ним и опосредуются его совместным гуманитарно-техническим существованием. Прогресс в этой сфере невероятно стремителен, однако для его анализа необходима новая методологическая позиция, учитывающая потребности современного человека и черты изменяющегося под воздействием техники мышления. В качестве такой методологической позиции, которая включает сферу познания и сущность мира техники (когнитивно-онтологическую) и выступает сегодня технософия.

Библиография

1. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. New York: Penguin Books, 1999.
2. Эпштейн М. Н. Технософия и другие «софии» // Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Эпштейн М. Debut de Siecle, или От Пост- к Прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1435>. (дата обращения: 21.10.2024).
4. Лазаревич А.А. От технонауки к технософии: Контуры новой гуманитаристики // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 2-й Международной конференции (7-8 февраля 2019 г., Москва). М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2019. С. 42-50.
5. Авдулов А. Н. 2000. 04. 001. Koates Дж. Перспективы технологии на ближайшие 25 лет: возможности и риски. Coates J. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21st century technologies: promises and perils of dynamic future. – Р.: OECD, 1998. – Р. 33-46.
6. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3-11.
7. Кудрин Б. И. Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
8. Ellule J. La Revolution l'autre. Le gal techologique nouveau avec le Monde (Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе). М.: Прогресс, 1986. С. 147-152.
9. Глозман А.Б. Техника, технетика и биоэволюция // Вестник Моск. у-та. Сер. 7. № 5. 2010. С. 83-103.

10. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 45-57.
11. Beaglehole E. Evaluation Techniques for Induced Technological Change // International Social Science Bulletin, Vol. VII, No. 3 (1955). Pp. 376-386.
12. Bernard L. Invention and Social Progress // *American Journal of Sociology*, Vol. 29 (July 1923). Pp. 1-33.
13. Crozier M. La Civilisation technique. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/jacques-ellul-the-technological-system> (дата обращения: 14.01.2024).
14. Fried J. The Social and Economic Role of Technicians // *International Labour Review*. Vol. 55 (June 2005). Pp. 512-537.
15. Goodman L. *Man and Automation*. England: Penguin Books, 1957.
16. Ellul J. *Présence au monde moderne*. Geneva: Roulet; 1948. URL: https://archive.org/details/presenceofkingdo0000ellu_i1p2/page/n7/mode/2up (дата обращения: 21.03.2024).
17. Semal L. Bernard Charbonneau et Jacques Ellul, 2014, Nous sommes des révolutionnaires malgré nous. <https://doi.org/10.4000/developpementdurable.11313>.
18. Ясперс К. Современная техника. Перевод на русский язык: М. И. Левина. Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М., 1986 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6331>. (дата обращения: 23.09.2024)
19. Эпштейн М. Техника-религия-гуманистика // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19-29.
20. Денисова Т.Т. От философии техники – к технософии // *Russian Studies in Culture and Society*. 2019. № 6. С. 34-44.
21. Samuelson P. *Economics, an Introductory Analysis*. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1991.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал представляет собой размышление, в котором автор стремится оправдать целесообразность использования в современном философском знании термина «технософия». Данный термин, полагает автор, удобен потому, что указывает не только на развитие техники в её «материальном воплощении» и соответствующие изменения в жизни человека и общества, но и на изменения в мировосприятии и психологии человека, на изменения условий его мышления, духовной жизни. С точки зрения рецензента, предлагаемый автором подход, подчёркивающий необходимость целостного осмысления техносферы и значимость анализа субъект-объектных отношений в этой области, может быть оценен как интересный и перспективный. Статья, если судить по её названию, носит обобщающий характер, и большая часть текста соответствует этому жанру научного повествования. Однако обобщающий характер текста, рассчитанного на широкую аудиторию, совсем не предполагает потребность приводить множество общеизвестных фактов и тривиальных соображений. Обобщающая статья также должна нести исследовательский, аналитический «заряд», способный сформировать аналогичное настроение и у читателя. К сожалению, аналитическая составляющая выражена в тексте слабо, и преодоление этого недостатка должно начаться с того, чтобы изъять из текста избыточную информацию, которая хорошо известна даже неспециалистам. К примеру, зачем автор несколько раз возвращается к этимологии «технософии», тем более, что делает он это крайне неумело? Зачем

говорить, что это «лингвистический феномен, обозначающий в мышлении и речи индивида, и т.д.»? Учёного украшает не обилие «учёных слов», а уместность использования каждого слова, причём неважно, «учёное» оно или самое простое. А здесь нас поджидает и «сложно-заимствованный термин» (?), и «из двух древних корней слов», и т.п. Как «корни» могут быть «не древними»? Все «корни» – древние! Или: «техника, или техническая рациональность», – неужели это одно и то же?! На подобного рода избыточные замечания, производящие омический эффект, накладывается искусственно усложнённый синтаксис, с которым автор далеко не всегда справляется, множество опечаток и «стилистического брака» («десятилетия XXI столетий», «культура никакого человечества», и т.п.). В результате складывается впечатление, что автор скрывает за обилием слов абстрактность, «неразработанность» той, по мнению рецензента, правильной идеи, которая дала начало его размышлениям, – мысли о необходимости комплексного анализа эволюции техники в человеческом обществе, предполагающего также учёт изменений самого человека, эту технику создающего и с ней взаимодействующего. Объём рецензируемой статьи небольшой (0,5 а.л.), а если снять беспредметные выражения, лишь затуманивающие исходную идею («...чисто антропологических и социальных дескрипций и модераций собственного исторического развития...», и т.п.), то освободится достаточно места для её более подробной разработки и конкретизации. К сожалению, в статье пока нет ни введения, ни заключения, она не структурирована, сюжет (в силу отмеченных особенностей изложения) просматривается плохо. И всё же представленный материал имеет хорошие перспективы для публикации в научном журнале, но для этого он должен быть основательно переработан, в том числе, текст должен быть тщательно отредактирован, пунктуация и стилистика должны быть приведены в соответствие с нормами научной речи. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Технософия методологические ресурсы» предмет исследования – технософии как методологический подход к исследованию окружающей человека техносферы. Цель исследования заключается в изучении и всестороннем анализе как существующих, так и новых методологических подходов к исследованию частной и общей феноменологии технического мира, а также процессов, происходящих внутри этого мира, с акцентом на раскрытие и понимание содержания его функциональных законов в их специфическом отношении к человеку.

Методологическим фундаментом для данной работы стали концепция «технософия», предложенная М. Н. Эпштейном, в рамках которой рассматриваются философские и методологические аспекты этого взаимодействия техники, человека и общества. Технософия обращается к вопросам, касающимся изменений в сознании и культуре, вызванных техногенными процессами. Основным методом исследования стал философский анализ термина «технософия».

Актуальность проблематики статьи определяется необходимостью осмысления нашего места в быстро меняющемся технологическом мире. И здесь можно согласиться с автором, что необходимость разработки и практического применения методологических ресурсов технософии, которые помогут решать как теоретические, так и практические задачи, в настоящее время обусловлена тремя взаимосвязанными аспектами изменений: 1) изменение положения и роли человека в техническом мире; 2) изменение

назначения техники и техносферы в жизни человека; 3) изменение общего характера современной цивилизации, которая становится все более техногенной.

В качестве новизны работы можно признать следующие аргументированные положения.

1. В условиях, когда современный человек входит в эпоху радикального пересмотра и изменения основных параметров "технологизированного" бытия, технософия может выступать как новая отрасль научно-философского знания, описывающая не только эти изменения, но и способы мышления современного человека. 2. Общество в его современном виде уже вышло за пределы чисто антропологических и социальных описаний и модераций собственного исторического развития, поскольку это развитие все более детерминируется и корректируется технологическими факторами. 3. Техносфера стала результатом эволюции структур мышления самого человека, но и сегодня может рассматриваться как нечто, отчуждаемое от его сознания. Техносфера не только существует рядом с человеком, но и все более активно подготавливает своего создателя к восприятию собственных законов, логики, форм взаимодействия и «технического» языка.

Научная статья соответствует требованиям, предъявляемым к уровню научных работ такого рода, и в целом демонстрирует высокий научно-методический уровень.

Библиография включает 20 источников и состоит преимущественно из публикаций, которые освещают различные аспекты взаимоотношений между человеком, обществом и техникой, а также процесс осмысления этих отношений. В целом апелляция к оппонентам присутствует.

Таким образом, рецензируемая статья представляет интерес для специалистов в области философии техники, философии познания и философии человека. Статья «Технософия методологические ресурсы» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована после приведения списка литературы в соответствие требованиям оформления (ГОСТ 7.1-2003 / ГОСТ 7.0.5-2008).

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бабаева А.В. Русский язык в пространстве Русского мира: от определения статуса к постулированию заботы // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71859 EDN: MFFQHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71859

Русский язык в пространстве Русского мира: от определения статуса к постулированию заботы

Бабаева Анастасия Валентиновна

ORCID: 0000-0002-0676-6336

кандидат философских наук

доцент, кафедра Философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

603157, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, оф. 405

✉ dff1890@yandex.ru



[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.71859

EDN:

MFFQHN

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2024

Аннотация: В центре внимания данной статьи находится проблема, связанная с определением статуса и роли русского языка в пространстве Русского мира. Автор предпринимает попытку критически осмыслить основополагающие подходы: мировоззренческий, социокультурный и лингво-семиотический, – которые обозначились в отечественных исследованиях по данному вопросу за последние десятилетия, и оценить актуальность подходов на сегодняшний день. Решение поставленной задачи в первую очередь требует анализа содержания понятия «Русский мир» в аспекте его базовых принципов для фиксации основополагающих факторов, определяющих самобытность культурно-цивилизационной общности, называемой Русским миром. Подобный анализ сам по себе составляет проблемную зону, поскольку в науке не выработано единства подходов к трактовке содержания понятия. Это влечет за собой целый комплекс проблем. В основу методологии исследования положен дискурс-анализ. Теоретической рамкой работы является тезис, согласно которому Россия представляет

собой ядро особой цивилизационной общности. Автор высказывает тезис, что значимость русского языка как ведущего фактора идентификации в процессе развития Русского мира, с момента зарождения феномена до современности, постепенно снижается. Причины подобного рода изменений следует искать не только в сферах политики и экономики, но и в области культуры, причем как во внешнем контуре, так и во внутреннем. Автор полагает, что процесс трансформации функционала русского языка и уменьшение значимости его роли в идентификационных процессах имеет не только объективные и закономерные основания. Негативные факторы пагубно влияют на русский язык и создают определенные угрозы самому Русскому миру. В обоснование означенной позиции приводится набор аргументов, базирующихся на исторических источниках, наработках современных авторов и результатах эмпирических исследований.

Ключевые слова:

Русский язык, Русский мир, цивилизация, идентификация, культура, политика, пространственно-временной, онтологический, история, аксиология

Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации №073-00024-24-04 от 23.05.2024 г. на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Проектирование модели организационно-методического сопровождения обучения русскому языку в культурно-языковом пространстве Республики Индия»

Введение

В научный оборот выражение «русский мир» было введено еще в середине XIX столетия, в наши дни вокруг него разворачиваются бурные дискуссии, однако приходится признать, что до четкой формулировки содержания понятия еще далеко. Нельзя не согласиться с исследователем Пеньковой Е.А. относительно того, что «в содержательном смысле понятие по-прежнему метафорично, является скорее речевым оборотом, нежели конкретной научной категорией, обладающей четким понятийным статусом» [\[1, с. 4\]](#).

Расплывчатость понятия может объясняться в том числе и тем обстоятельством, что репрезентантом понятия оказывается составная фразеологическая номинация, состоящая из лексических компонентов «русский» и «мир», где ведущая роль закрепляется за первым компонентом. Каждый из компонентов уже является максимально семантически нагруженным, поэтому в сумме они составляют не столько четкую дефиницию, сколько «облако» смыслов. В какой бы сфере – науке, культуре, политике – концепт ни использовался, в любом случае он вызывает целый ассоциативный ряд значений, поэтому возникают серьезные проблемы с переводом концепта на другие языки.

Сложность, неоднозначность понятия, а также частое использование его без раскрытия значения в публичном дискурсе – все это дало повод политически ангажированным западным авторам характеризовать «русский мир» как «пустой знак», или «плавающее означающее», – понятие, не просто не имеющее определенного значения, но и способное менять смысл в зависимости от конкретной ситуации [\[2\]](#). С другой стороны, переводы концепта «русский мир» как «Russian World» или как «Pax Russica» искажают те смыслы, с которыми понятие курсирует в отечественном контексте, вызывая в

сознании зарубежных исследователей негативные ассоциации [\[3,4,5,6\]](#).

Вне зависимости от того, каким образом раскрывается содержание понятия, одним из факторов идентичности Русского мира рассматривается язык [\[7\]](#). Однако в ходе дискуссий мнения относительно статуса и роли русского языка в становлении и развитии самого феномена разделились. Целью данной статьи является критическое осмысление основных подходов, сложившихся в отечественной мысли, относительно тех позиций, которыми обладает русский язык в культурно-цивилизационном пространстве Русского мира. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить и проанализировать основные подходы в определении статуса русского языка как идентификационного фактора Русского мира; 2) оценить статус русского языка в различных регионах Русского мира: в ядре (Россия) и во внутреннем поясе (страны СНГ, на примере республик Центральной Азии); 3) контурно очертить векторы заботы Российского государства о русском языке. Анализ публичных дискуссий, участниками которых зачастую становятся первые лица Российского государства, по нашему мнению, позволяет сформировать представление о статусе русского языка в общественном сознании, а также продемонстрировать методологический потенциал языкового фактора в определении структуры и границ Русского мира.

В качестве ведущего метода исследования используется критический дискурс-анализ, объединяющий кратологические, семиотические и социокультурные трактовки. Автор полагает, что высказывания о русском языке и его статусе, артикулированные представителями российских элит, представляют собой не просто описание языковой ситуации, но и фактически очерчивают социокультурные границы, в рамках которых разворачивается бытие Русского мира. А само неоднократное обращение к означенной тематике Президентом В.В. Путиным, Патриархом Кириллом свидетельствует, во-первых, об актуальности вопроса как на теоретическом уровне, так и на уровне социально-политических практик; и, во-вторых, о наличии запроса со стороны общественного сознания на прояснение проблемной зоны и четкую формулировку соответствующей методологии.

«Русский мир»: от политического дискурса к академическим студиям

В политическом дискурсе концепт «русский мир» появился в 2000 году в связи с провозглашением стратегии консолидации соотечественников, оказавшихся за пределами России в разные периоды истории. Но уже к концу первого десятилетия XXI века «русский мир» стал одним из базовых понятий внешнеполитической доктрины страны, посредством чего была законодательно обозначена идея продвижения русского языка и русской культуры за рубежом [\[8\]](#).

«Концепция внешней политики Российской Федерации» провозглашает Россию ядром Русского мира – особой культурно-цивилизационной общности (Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. №229.). Суть и принципы исторического формирования Русского мира были обозначены в речи Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Всемирного русского народного собора в ноябре 2023 года: «Русский мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем

русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности» (Выступление Президента России В.В. Путина на Всемирном русском народном соборе 28 ноября 2023 года <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/page/32>).

Как видим, принципом формирования Русского мира явственно обозначен пространственно-темпоральный принцип, описывающий время зарождения и процесс становления феномена в контексте определенного пространства: логика развития Русского мира четко отражена в 5-ти исторических этапах. Относительно географии вопрос решается сложнее: Русский мир предстает в качестве некоего живого, пульсирующего организма, жизненное пространство которого, судя по высказыванию, то расширяется, то сжимается. Так, Древняя Русь территориально значительно меньше Российской империи, собственно, и современная Россия географически уступает масштабам Советского Союза. Но несмотря на смену политической формы организации власти и трансформации географии в онтологическом аспекте: ценностном, смысловом – Русский мир продолжает жить и развиваться. Значит, речь идет не только о пространстве, но и людях, являющихся носителями смыслов Русского мира.

Здесь следует остановиться на двух моментах. Первое: онтологией Русского мира является его великая культура, «которая общепризнана в мировом масштабе, не является имитационной, ... вышла далеко за национальные рамки, оказала влияние на развитие других культур» (Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура <https://ruskiymir.ru/analytics/tables/news/119902/>). В данном случае под термином «культура» понимается многогранный, многовековой опыт, который накопили «все поколения наших предков», репрезентацией этих накоплений являются художественные практики, в том числе и за пределами Русского мира. И в этом отношении неслучайно вспоминают Ф.М. Достоевского с его описанием «русскости» как всечеловечности, всемирной отзывчивости и стремления к всеединству (Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html>). По этой причине сейчас говорят даже не о русской культуре, а о российской культуре с русской доминантой, где основополагающими ценностями признаются полиэтничность, поликонфессиональность, «многокультурье». Тем самым стремятся подчеркнуть универсальность отечественной культуры, не сводимой исключительно к этнографическим параметрам.

Второй момент, на который следует обратить внимание, – это проблема определения принадлежности человека к Русскому миру. Кого же можно считать представителем Русского мира? Так, Н.А. Нарочницкая, член Общественной палаты Российской Федерации, предлагает относить к Русскому миру тех, «кто объединен чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями» [9, с. 5]. Таким образом, в основу принадлежности к культурно-цивилизационной общности закладывается не «кровь» или факт рождения в «материнском государстве», а чувство со/при-частности России, т.е. экзистенциально-психологическая соотнесенность с определенной общностью, стремление разделить общую с Россией историческую судьбу. О том же пишет и В.А. Никонов, глава фонда «Русский мир», правда, у него к «ощущению принадлежности» в качестве основополагающей характеристики представительства в Русском мире добавляется еще и интерес к русской культуре [10].

В этом случае необходимо говорить не только о соотечественниках, но и очень широком

круге людей, равнодушных к отечественной культуре. В отношении определения первой категории мы можем руководствоваться нормативно-правовыми актами, признающими соотечественниками людей, «родившихся в одном государстве, проживающих либо проживавших в нем и обладающих признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомков указанных лиц по прямой нисходящей линии» (Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ). Несмотря на то, что законодательство фиксирует еще несколько групп людей, подпадающих под статус соотечественников, в результате чего границы дефиниции неопределенно расширяются, все равно можно говорить о наличии методологии формирования конкретной категории.

Значительно сложнее обстоит дело со второй когортой. Не вполне понятно, как определять наличие интереса к русской культуре, где тот уровень проявленности интереса, который позволяет отнести человека к Русскому миру? Фактически в этом случае следует говорить о трансляторах русской культуры, к числу которых можно отнести и тех, к примеру, для кого русистика и связанные с ней научные области являются предметом изучения, исследования или преподавания. Получается, что люди, для которых русский язык и русская культура не являются родными, также работают на их популяризацию и продвижение.

С учетом последних тезисов вернемся к проблеме пространственно-географических характеристик Русского мира. Знаменитая фраза В.В. Путина о том, что у Русского мира нет границ, что он глобален – это справедливо, кстати, и в отношении других цивилизаций – означает, что Русский мир не ограничивается пределами Российской Федерации, поскольку его представители находятся в любом уголке земного шара: в Азии, Африке, Европе... Здесь Русский мир выступает интеграционным механизмом для всех, кто чувствует «духовную связь» с Россией и ее культурой. Тогда получается, что «говорить о Русском мире нужно, не привязывая его ни к Российскому государству, ни к русской нации. В фокусе внимания... «путешествующий», трансграничный Русский мир и сам процесс разлития, рассеяния нашей культуры, языка, науки в глобальном мире» [\[11, с. 270-271\]](#).

Анализ пространственно-темпорального и онтологического принципов, очерчивающих контуры культурно-цивилизационного организма, еще острее ставит вопрос об основаниях идентификации с Русским миром и, собственно, о роли русского языка в процессе идентификации. В этом отношении за последнюю четверть века в российской исследовательской повестке обозначились три основополагающих подхода, по-разному решающих этот вопрос. В свете первого, условно можно назвать его мировоззренческим, подхода, определяющее значение в процессе установления принадлежности к Русскому миру занимает мировоззрение, т.е. осознание единства исторической судьбы, общности духовно-нравственных ценностей, иными словами, культура и традиция, базирующиеся на фундаменте православия. Наиболее авторитетное мнение здесь выражает Святейший Патриарх Кирилл. Согласно его позиции, владение русским языком – это важный параметр, но в качестве общего знаменателя Русского мира рассматриваться не может, поскольку эмигранты второго и третьего поколения, с трудом говорящие по-русски, тем не менее могут считать себя истинно русскими людьми. В докладе на Всемирном русском народном соборе 2023 г. Патриарх высказал еще один аргумент в защиту собственной позиции: «не всякий говорящий и пишущий по-русски как на родном языке тем самым заявляет о своей принадлежности к русскому народу. Даже более того, некоторые открыто отрекаются от своих национальных корней,

свидетельствуя о неприятии русского культурного кода» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html>). Итак, в свете данного подхода, русский язык не является самостоятельным инструментом идентификации Русского мира, а только маркером периферийного уровня.

Второй подход, условно назовем его социокультурным, рассматривает язык в качестве важнейшего элемента Русского мира, т.е. маркером ядерного, первого уровня, однако в ряду других значимых факторов. Например, В.А. Никонов считает, что язык как фактор самоидентификации следует выделять наряду с русской культурой и Русской православной церковью [10]. Академик РАН В.А. Тишков, описывая механизмы формирования Русского мира, утверждает: «русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир». Более того, исследователь полагает, что эмигранты из России образуют русскую диаспору, а не «тривиальную миграцию» именно на основе русского языка, утрата которого фактически означает потерю принадлежности к Русскому миру [8]. Как видим, согласно второму подходу, для представителей Русского мира, находящихся за пределами России, русский язык расценивается в качестве единственного канала связи с ядром цивилизации.

И последний подход, лингво-семиотический, провозглашает основным фактором идентификации собственно русский язык. Многие исследователи отмечают, что концептуальное оформление идеи «русского мира» было положено на рубеже XX–XXI вв. непосредственно в рамках данного подхода благодаря деятельности Московского методологического кружка. Основоположником концепции принято считать П.Г. Щедровицкого, который в конце 1990-х гг. предложил стратегию «собирания» разобщенных и разрозненных в результате распада СССР русскоговорящих соотечественников. В этой логике «Русский мир — сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» (<https://shchedrovitskiy.com/russskiy-mir/>). В основании концепции Щедровицким была заложена идея аккумуляции капитала как «совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выражаемых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка». Он полагал, что посредством организации взаимодействия «славянского треугольника» (России, Белоруссии, Украины) и диаспор по всему миру возможно создать сетевую структуру, которая смогла бы транслировать интеллектуальные и промышленные технологии из России вовне и обратно. Технологические метафоры и экономизм концепции в отечественном интеллектуальном пространстве не прижились, и очень скоро геополитический ракурс был заменен на геокультурный. Но интенция лингво-семиотического подхода, согласно которой язык является определяющим фактором идентичности Русского мира, была развита в дальнейшем: «Бесспорно, что скрепляющим раствором Русского мира, основным носителем его исторических кодов и смыслов, базой его культуры является русский язык». (Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура <https://russskiymir.ru/analytics/tables/news/119902/>)

Языковой фактор и цивилизационная идентичность Русского мира

Оценка релевантности подходов, как и всего, что касается методологии анализа феномена «русский мир», относится к проблемным зонам. Идея о ведущей роли языка в формировании идентичности Русского мира, отстаиваемая представителями лингво-семиотического подхода, явно экстраполирована с модели «язык - нация». Действительно, любая нация – это, в первую очередь, языковая общность, причем роль

языкового фактора в процессе становления и развития нации со временем только усиливается, поскольку национальный литературный язык ничто иное как условие существования национальной культуры [12]. В этой связи национальные государства озабочены созданием стандартизированных языков посредством системы всеобщего образования [13]. Однако Русский мир – это транснациональная и трансгосударственная общность, поэтому ждать от русского языка, что он в полной мере «отработает» функции консолидации и идентификации в пространстве глобальной культуры, не приходится. Данные теоретические выкладки подтверждаются эмпирическими исследованиями. Так, проведенное еще в 2014 году ВЦИОМ исследование, посвященное тому, как россияне понимают феномен «Русский мир», показало: 56% россиян уверены, что граждане, «не владеющие русским языком, могут быть частью «Русского мира» («Русский мир» и как его понимать? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-mir-i-kak-ego-ponimat>). Таким образом, более половины россиян русский язык в качестве индикатора принадлежности к Русскому миру не рассматривают. Казалось бы, здесь следует увидеть проявление всечеловечности русской души, постулирующей установление мира и гармонии между людьми вне зависимости от языковых различий. Но, с другой точки зрения, результат исследования не может не настораживать, поскольку свидетельствует о снижении ценности русского языка в общественном сознании.

Несомненно, статус русского языка и его функционал в пространстве Русского мира существенно изменились с момента зарождения самой культурно-цивилизационной общности. В первом тексте, где встречается упоминание Русского мира, – «Слово на обновление Десятинной церкви» (XI в.), выражение «въ Роустемъ миръ» [14] имеет семантику, близкую к значению «культурно-цивилизационное образование, созданное русским народом». Но в этом случае слово «русский» стоит рассматривать в качестве этнонима, означающего человека, легко говорящего по-русски, в противовес «немцу» – любому иностранцу, буквально «немому», т.е. не владеющему языком должным образом, говорящему по-русски невнятно. Кстати, в таком значении слово «немец» (без отнесенности к собственно германцам) просуществовало в русском языке вплоть до XVII столетия [15, с.3; 16, с. 98]. Это обстоятельство демонстрирует, что язык, кроме функции идентификации, имеет также функцию дифференциации, отграничивая носителей языка от представителей иных этно-культурных общностей. Вероятнее всего, данная функция наравне с функцией идентификации современными языками также в полной мере не реализуется.

Возвращаясь к феномену «русский мир», стоит отметить, что определенные подвижки в изменении статуса русского языка в пространстве Русского мира начинают проявляться уже с XIII века. Следующее упоминание «русского мира», встречающееся в «Послании смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому» [17], оказывается уже соотнесенным не с русским языком непосредственно, а с аксиологией русской культуры. «Гражданином Русского мира» здесь назван епископ Леонтий (Ростовский), грек по происхождению, который в ходе своего служения на Русской земле проявил духовно-нравственные качества, приличествующие представителям цивилизации Русского мира: истинную христианскую веру, жертвенность, терпение, смирение и т.д. Можно сделать вывод, что с XIII века русский язык как фактор идентификации Русского мира начинает постепенно терять свое определяющее значение и встает в ряд с такими факторами, как культурные ценности и религиозная вера (православное христианство так или иначе становится предметом авторских размышлений во всех отечественных средневековых текстах, где возникает концепт

«русский мир»).

Рассматривая тему русского языка в пространстве Русского мира, следует учитывать два контура – внутренний и внешний. Когда речь идет о внутреннем контуре, затрагиваются процессы, касающиеся бытия языка в ядре Русского мира – на территории Российского государства, т.е. бытия русского языка в статусе национального литературного языка. Этот вопрос касается как объективной стороны дела, так и субъективной оценки происходящего со стороны носителей языка. Интересными в этой связи оказываются результаты социологического исследования «Русский язык: развитие, обогащение, распространение», проведенного ВЦИОМ в апреле 2021 г. Более половины опрошенных (67%) полагают, что иностранные слова никоим образом не обогащают русский язык, а почти 27% респондентов заявляют даже о чувстве раздражения, которое они испытывают, если становятся свидетелями факта использования иностранных слов в речи. Наиболее критично относятся к неоправданному заимствованию люди старше 60 лет. А 50 % опрошенных заявили, что иностранных слов в своей речи не используют вовсе (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-jazyk-razvitie-obogashchenie-rasprostranenie-1>).

Данные опроса свидетельствуют о том, что чистота русского языка для носителей является предметом интереса и беспокойства. Видим, что гражданам РФ безразлично происходящее с родным языком внутри страны, более того, большая часть респондентов негативно оценивает ситуацию с некритическим заимствованием иностранных слов. Однако поскольку выражение «русский мир» стало базовым концептом в выстраивании внешнеполитической доктрины, нельзя обойти стороной и внешний контур. Здесь приходится учитывать, во-первых, тот факт, что за пределами России в данный момент проживают более 20 миллионов соотечественников (Интервью Е. Примакова <http://russkiymir/news/293552/>). И, во-вторых, рассматривать специфику сложившейся глобальной языковой ситуации: 1) «мы больше не живем в культуре чтения и письма»; 2) «живем неизбежно в многоязычном мире»; 3) живем в эпоху, характеризующуюся появлением первого глобального языка транснациональной коммуникации – «определенной разновидности английского языка» [12, с.39]. В этих условиях происходящее с русским языком в целом маркирует позиции русской культуры на мировой арене, и по этой причине становится предметом заботы Российского государства в сфере защиты соотечественников за рубежом и отстаивании своих интересов в системе международных отношений.

В последние годы Российским государством были запущены два масштабных проекта, нацеленных на комплексное исследование данной проблемы и разработку путей ее решения. Первый проект, реализуемый Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы в сотрудничестве с Высшей школой экономики, носит название «Положение русского языка в системе образования зарубежных стран» (<https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2024/03/Исследование-положения-русского-языка-в-системах-образования.pdf>). Проект нацелен на выявление факторов, влияющих на снижения интереса к изучению русского языка при росте критических публикаций в прессе о русском языке и русской культуре в целом. Второй проект называется «Индекс положения русского языка в мире», проект реализуется Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина. Основной его задачей является «мониторинг состояния русского языка», т.е. определение индекса устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства [18]. Сам мониторинг при этом включается в глобальный контур, что предполагает описание основных трендов развития ситуации на фоне конкуренции русского языка с языками международного общения.

Первый проект работает на понимание особенностей гуманитарной политики государства в деле поддержки русского языка. Результаты исследования показывают, что ситуация в разных регионах мира относительно русского языка неоднородная, преимущественно зависит от политико-экономических факторов: устойчивый интерес к языку сохраняется там, где налаживаются и укрепляются связи с Россией. Однако сложность языка и отсутствие перспектив использования в профессиональной сфере влияют на интерес к изучению русского языка не в меньшей мере, чем негативный образ России, создаваемый западными СМИ.

Последнее (2023 год по состоянию на 2022 год) исследование Института русского языка определяет «ГК-Индекс» в целом на уровне прошлого года, где русский язык занимает уверенное 5-е место по числу научных публикаций (на платформах Scopus и Web of Science), сохраняя прошлогодние позиции и опережая при этом английский, китайский, испанский и французский языки; 4-е место по статусу в международных организациях при использовании в наднациональном общении (русский язык является официальным языком пятнадцати крупнейших международных организаций); и 2-е место по Интернет-контенту, т.е. количеству сайтов на русском языке. В целом, показатели оцениваются как неплохие, однако результаты исследований демонстрируют факт, что общее число говорящих на русском за год снизилось до 255 миллионов, в результате чего русский язык сдал позиции и с 8-го места в рейтинге спустился на 9-е [\[19\]](#).

Ситуация, характеризующая снижением численности говорящих на русском языке, не в последнюю очередь связана с естественными процессами, в частности, убылью населения ядра Русского мира. Однако негативные тенденции имеют место и во внутреннем поясе цивилизации - в странах СНГ. После распада СССР страны Центральной Азии по-разному определили логику отношений с Российской Федерацией, а следовательно, и принципы языковой политики. Вне зависимости от характера связей с Россией все республики этого региона взяли курс, во-первых, на многоязычие, во-вторых, на деруссификацию. Реализация принципа многоязычия означала для большинства стран СНГ запуск проектов по изучению английского языка, что еще более ослабило позиции русского языка. Деруссификация же означала для стран СНГ движение к национальной независимости и демонстрацию дипломатической свободы. Самой закрытой страной из этого региона, последовательно проводящей программу деруссификации, является Туркменистан. Языковая политика этой страны в отношении нейтрализации русского языка оказалась самой тщательной и последовательной [\[20, с.269\]](#). В офисах правительства и в повседневных практиках Туркменистана русский язык не используется. В стране на сегодняшний день функционирует только одна русская школа, а в немногочисленных русскоязычных классах часть предметов преподается на туркменском языке, хотя запрос со стороны населения на овладение русским языком есть. В ситуации серьезного кадрового дефицита специалистов, владеющих русским языком, Министерство Просвещения Российской Федерации в 2022 г. запустило в республике проект бесплатного изучения русского.

Казахстан и Кыргызстан - страны, имеющие тесные торгово-экономические контакты с Россией и весомую долю русского населения, придали русскому языку официальный статус. Условно можно сказать, что эти страны в своей языковой политике по отношению к русскому языку в целом придерживаются модели принятия. Конституция Казахстана еще в 1995 г. провозгласила русский язык официальным средством общения наряду с казахским, а программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020-2025 гг. закрепила за русским языком общекультурные функции. Однако широкое циркулирование русского языка в официальных документах и СМИ породило недовольство представителей иных этно-языковых сообществ Казахстана. Непростая этно-культурная ситуация привела к сокращению русского населения в республике. Схожие процессы имеют место и в Кыргызстане. Конституция этой страны фиксирует русский в качестве официального языка, который в функциональном отношении имеет даже более широкое использование, нежели кыргызский язык. Государственный язык в Кыргызстане имеет преимущественно символический характер, а русский - практический. Широкое использование русского языка характеризует жизнь Бишкека и других крупных городов республики, но в глубинке зона распространения русского минимальна. В

последние годы количество русскоязычных школ в Кыргызстане было значительно сокращено, как и объемы часов, выделяемых на изучение русского языка.

Иной стратегический подход в отношении русского языка реализуется Таджикистаном. Сам подход можно было бы назвать подходом непоследовательного сопротивления. На данный момент официальные документы признают русский языком межнационального общения. Однако статус русского языка в новейшей истории республики несколько раз менялся. Так, например, закон Таджикистана 2009 г. предписывал общение с органами власти исключительно на государственном языке и фактически лишал русский статуса языка межнационального общения. В 2011 г. русскому языку вернули его прежние позиции, он снова стал использоваться при публикации нормативно-правовых актов. Российская сторона прикладывает серьезные усилия для укрепления позиций русского языка в этой стране. Только на период с 2020 по 2022 гг. Россия открыла 5 новых русскоязычных школ (объем вложений составил более 150 миллионов долларов), в 2023 году было реализовано несколько гуманитарных проектов, направленных на популяризацию русской культуры, также серьезно увеличено количество квотных мест для обучения в российских вузах студентов из Таджикистана.

Близкой к озвученной выше оказывается и языковая ситуация в Узбекистане. Действующая редакция закона о государственном языке республики Узбекистан (2016 г.) лишает русский язык статуса языка межнационального общения, при этом около трети сообщений в СМИ республики публикуется на русском языке. Кроме того, русский разрешено использовать при оформлении документации в записи актов гражданского состояния. Таким образом, в Узбекистане складывается двойственная ситуация: с одной стороны, правительство республики всеми силами стремится поддерживать государственный язык, с другой - сохраняет русский язык в научно-технической области и сфере бытового общения в крупных городах.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что ядро Русского мира и его внутренний пояс переживают сокращение численности владеющих русским языком. Означенные тенденции являются очень тревожными, по этой причине Российское государство стоит перед необходимостью разработки комплексных мер по укреплению позиций русского языка. Здесь следует говорить о расширении культурного влияния России за рубежом, в первую очередь, в зоне внутреннего пояса Русского мира. И, конечно, о государственной языковой политике, защищающей национальный язык как инструмент формирования национальной государственности. К сожалению, приходится признать, что внутренняя политика нашего государства еще находится в стадии становления. В этой связи законодательная база, регулирующая языковую ситуацию, страдает нечеткостью и противоречивостью (например, существование двух законов, которые регулируют сходные правоотношения), отсутствием ясности в определении обязательных языковых норм, а также отсутствием прозрачных механизмов контроля за их соблюдением [\[21, с.49-57\]](#).

Заключение

Можно было бы сказать, что эмпирические исследования проявляют излишнее внимание к количественным показателям и что далеко не все можно калькулировать. Отчасти это так. Однако цифры упорно свидетельствуют об уменьшении количества пользователей русского языка и о снижении интереса к нему. Если бы эти проблемы были связаны исключительно с политическими и экономическими причинами, можно было бы спрогнозировать, что по мере укрепления политического авторитета Российской Федерации на международной арене и роста ее экономики, автоматически будет расти и интерес к русскому языку. Но неопределенности прогнозам явно добавляет такой культурный фактор, как сформировавшаяся глобальная языковая повестка, где русский язык, конкурируя с другими языками, находится отнюдь не в выгодной позиции по сравнению с более простыми инструментами международной коммуникации: «определенным вариантом английского» или, к примеру, испанским. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и тенденцию к снижению значимости русского языка в процессе идентификации с Русским миром. На сегодняшний день «гражданство» Русского мира можно «получить» не столько по уровню владения русским языком, сколько по уровню освоения русского речевого этикета, нормы которого тоже становятся все более расплывчатыми. Русский язык как живой организм сейчас находится в непростой ситуации, испытывая негативное давление как извне, так и в пространстве цивилизации Русского мира. Все явственнее очерчиваются риски и для

русского языка, и для Русского мира, поскольку угроза утраты языка, ограничение его использования и пр. зачастую расцениваются как «чувствительно воспринимаемая форма дискриминации» [22, с.7]. Обобщая сказанное, приходится признать, что социокультурный подход к определению статуса русского языка на сегодняшний день оказывается наиболее адекватно отражающим реалии современной жизни: с одной стороны, есть целая группа факторов, определяющих идентификацию с Русским миром и кроме языкового, с другой – за пределами ядра цивилизации именно русский язык зачастую выступает определяющим индикатором принадлежности к русской культурно-цивилизационной общности.

В этой связи необходимо признать, что далеко не все процессы, характеризующие бытие языка, стоит рассматривать как естественные и неотвратимые, – определенными вещами возможно управлять, поэтому и назрела необходимость комплексного подхода к заботе о русском языке, о его жизни не только во внешнем контуре, но и во внутреннем. Позиции русского языка за пределами России регулируются непосредственно государственной программой, носящей название «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». Программа нацелена и на реализацию диаспоральной политики, и на «увеличение объемов» экспорта российского образования, и на расширение линейки информационных ресурсов на русском языке. Языковая ситуация на территории Российской Федерации также является предметом государственной заботы, о чем свидетельствует принятие в феврале 2023 г. соответствующего закона (ФЗ №52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"»), направленного на укрепление норм национального языка, расширение сфер обязательного использования государственного языка РФ, и защиту от неоправданных иностранных заимствований. Закон регламентирует также проведение обязательной лингвистической экспертизы проектов нормативно-правовых актов с января 2025 года.

К сожалению, размытость описания сфер неукоснительного применения государственного языка, отсутствие системности принципов языковой политики, в том числе, в артикуляции обязательных языковых норм, непрозрачность профессиональных стандартов в разделе требований владения национальным языком – все эти вопросы еще только ожидают своего решения [21, с. 60]. Но будем надеяться, что государственная языковая политика будет неуклонно совершенствоваться, и что принятые в скором будущем меры позволят укрепить нормы национального литературного языка, повысить его статус в глазах российской общности, а также помогут сделать русский язык более привлекательным для изучения за пределами нашей страны.

Библиография

1. Пенькова Е.А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: автореферат дис. кандидата социологических наук: 22.00.04. М., 2012.
2. Laruelle M. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Center for Global Interests. 2015.
3. Tiido A. The «Russian World»: the blurred notion of protecting Russians abroad. Polski Przegląd Stosunków Międzynarodowych. Warszawa: Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego, 2015. 5. P. 131-151.
4. O'Loughlina J., Toal G., Kolossov V. Who identifies with the "Russian World"? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // Eurasian Geography and Economics, 2016. Vol. 57, No. 6, 745-778. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
5. Desnitsky A. The "Russian World": The Birth of a Mythologeme. 2023. URL: <https://doi.org/10.55167/4b8842caee76>
6. Novorun C. Interpreting the Russian World // Churches in the Ukrainian Crisis. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 163-171.
7. Алейникова, С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд: монография. Минск: РИВШ. 2017.
8. Тишков В. А. Русский мир: Смысл и стратегия России // Повестка дня для России: Аналитические материалы Фонда "Единство во имя России" за 2007–2008 годы. М.: Форум, 2009. – С. 185-203.
9. Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб.: «Алетейя». 2007.
10. Никонов В. А. Не воспоминания о прошлом, а мечта о будущем // Смыслы и ценности Русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир». М., 2010. С. 4-14.
11. Яковлева А.Ф. Трансграничность как цивилизационная особенность Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011. С. 270-291.
12. Хобсбаум Э. Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 33-43.
13. Биллинг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 44-70.
14. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси / А.В. Назаренко.-Москва: Свято-Екатерининский мужской монастырь; Брюссель: Архив русской эмиграции. 2013.
15. Грей К. Германия. Полная история страны. М.: АСТ. 2021.
16. Белобородова И. Н. Этноним "немец" в России: культурно-политологический аспект /

// Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 96-102.

17. Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому / Киево-Печерский патерик. СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. Подготовка текста Л. А. Ольшевской, перевод Л. А. Дмитриева.

18. Камышева С.Ю. Индекс положения русского языка в мире – 2023: к году русского языка в странах СНГ // Русский язык за рубежом. 2023. № 4. С. 86-90.

19. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / А. Л. Арефьев, В. А. Жильцов, С. Ю. Камышева, Т. В. Нестерова, А. А. Филиппова; под ред. С. Ю. Камышевой. М. 2023.

20. Хайджу Юй Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 3. С. 250-270.

21. Белов С.А., Кропачев Н. М., Соловьев А.А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 42-61. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.103.

22. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Язык, этничность и гражданственность в идентификационной матрице жителей регионов России: социально-демографические и социокультурные факторы (по данным социологического исследования) // Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития: коллективная монография / под общей ред. д-ра социол. наук, проф. Шайхисламова Р.Б..Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена отношению русских людей к своему родному языку как фактору социального и культурного единства русского народа. История России на протяжении XX и XXI веков разбросала нас по разным странам, и язык как интегративное отражение «русской души» часто оказывался единственной силой, способной обеспечивать национальную самоидентификацию и поддерживать на чужбине близость к Родине. Разумеется, тема является актуальной в теоретическом отношении и злободневной, если говорить о её социально-политических составляющих. К сожалению, раскрытие темы трудно признать вполне удачным. Автор крайне абстрактно формулирует задачу статьи: «ревизия основных подходов, сложившихся в отечественной мысли, относительно тех позиций, которыми обладает русский язык в культурно-цивилизационном пространстве Русского мира». Может быть, не «ревизия», а «оценка»? Однако в формулировке задачи исследования необходимо указывать конкретное направление переосмысления проблемы, «ревизия» оказывается в этом случае явно недостаточным выражением. Вывод же выглядит ещё более абстрактно: «назрела необходимость комплексного подхода к заботе о русском языке, о его жизни не только во внешнем контуре, но и во внутреннем». С этой констатацией невозможно не согласиться, но какое содержание за ней стоит? В целом же текст местами напоминает какой-то формальный отчёт, явно не соответствующий животрепещущему характеру темы. Однако самое тяжёлое впечатление оставляет даже не содержание, а именно «язык», которым автор описывает положение русского языка в современном мире. Уже в первом предложении, очевидно, имеет место опечатка: вместо «а нынешнем» должно стоять «а в нынешнем». Но и от этого выражения равнодушно к родной культуре

носителю русского языка становится не по себе: может быть, просто «сегодня», в «наши дни», и т.п.? И зачем в этом предложении поставлено тире? А вот во фрагменте «какой бы сфере: науке, культуре, политике – концепт не использовался...» на месте двоеточия, напротив, должно стоять тире. И самое главное, почему здесь автор поставил «не»? Нормы русского языка безоговорочно требуют «ни»! Подобных почти оскорбительных для русской речи мест очень много: «...используется в значении близком к...» (где запятая?); «процессы, характеризующие бытие языка, стоит рассматривать как естественные и неотвратимые – определенными вещами...» (почему нет запятой после «неотвратимые?»), и т.п. Многие выражения просто смущают, если обратить внимание на их содержание: почему «метафоричность понятия»? Если «метафоричность», то это «образ» а не «понятие». Или: «...дало повод зарубежным аналитикам характеризовать «русский мир» как «пустой знак», – какие же они в таком случае «аналитики»? Зачем высказываться о лжецах столь уважительно?

А вот «плавающее означающее» следовало взять в кавычки. В тексте очень много каких-то «ходульных» выражений: «Никонов В.А. указывает язык как фактор...», – почему инициалы стоят после фамилии? Это откровенный канцеляризм. «Указывает на язык»? Как же можно «указывать язык»? Указывать язык» можно только в анкетах! Или: « посвященное тому, как россияне понимают понятие». «Понимают понятие»? Да принадлежит ли сам автор к «Русскому миру»? Разумеется, публиковать столь формальный и неряшливо составленный текст в научном журнале нельзя. Вместе с тем, актуальность темы побуждает рекомендовать автору продолжить работу над статьёй.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русский язык является не только одним из инструментов общения граждан на постсоветском пространстве, но также и представляет собой "символический контейнер" культуры, который распространяет свое влияние за рубежом и приобщает к историческому наследию всех соотечественников, проживающих за рубежом. Данная статья посвящена осмыслению роли русского языка в пространстве Русского мира, и выполнена она в философском ключе. Во введении автор разбирает понятие и концепт "Русский мир", определяя методические рамки для культурного и семантического разбора данного феномена. Затем автор постулирует русский язык как одно из символических оснований культурно-политической макроидентичности, характерной для русского мира. Примечательно, что концептуальный анализ сопровождается содержательным анализом нормативных документов и политико-правовых доктрин, а также публичных речей первых лиц российского государства. В тематическом отношении статья хорошо структурирована и разделена на подзаголовки, которые позволяют читателю легко ориентироваться в исследовательском материале. Сама статья опирается на широкий пласт исследований и концепций национальной и этнической идентичности российских и зарубежных авторов. Несмотря на актуальность тематики и ее детальный разбор, и обстоятельное теоретическое фундаментальное основание внутри публикации, она не лишена ряда недостатков. Например, четким образом не сформулирован исследовательский аппарат, не определена ключевая целевая исследовательская установка и не перечислены задачи, которые решает данная статья. В нарушении требований, предъявляемых к публикациям в изданиях Nota Bene, автор не описывает и методологию исследования, не ясны методы, на которые он опирается (хотя подспудно становится понятно, что речь идет, прежде всего, о дискурс-анализе). Эмпирическая

база исследования достаточно неплоха, используются индексы и статистические показатели, вместе с тем, было бы неплохо также задействовать данные социологических опросов и исследований. Есть некоторые замечания касательно оформления: текст в заключительной части идет огромными буквами и полужирным выделением. Это необходимо исправить. В целом статья имеет достаточно высокий уровень теоретико-практической значимости и хороший научный задел, поэтому она может быть рекомендована к публикации после внесения всех значимых исправлений. Также автору рекомендуется сделать больший акцент на материале по странам постсоветского пространства (в первую очередь СНГ) и проанализировать институциональные механизмы поддержания культурного фактора русского языка. Рекомендуется провести сравнительный анализ роли и статуса русского языка в таких государствах как Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан – государства средней Азии, в которых присутствует значимый процент русскоязычного и русского этнического населения. Отдельные аспекты языковой политики в самой Российской Федерации также должны быть раскрыты подробно, для этого можно обратиться, например, к работам С.А. Белова, Н.М. Кропачева и А.А. Соловьева.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой публикации выступает русский язык в пространстве Русского мира.

Исследование базируется на демонстрации методологического потенциала языкового фактора в определении структуры и границ Русского мира.

Актуальность работы авторы связывают с прочным вхождением в научный оборот термина «Русский мир» при отсутствии четкой формулировки содержания этого понятия и наличии несомненной роли русского языка в становлении и развитии этого феномена.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в представленных результатах критического осмысления основных подходов, сложившихся в отечественной мысли, относительно позиций, которыми обладает русский язык в культурно-цивилизационном пространстве Русского мира.

Структурно в тексте публикации выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Введение, «Русский мир»: от политического дискурса к академическим штудиям; Языковой фактор и цивилизационная идентичность Русского мира; Заключение и Библиография.

Авторы констатируют уменьшение количества пользователей русского языка и снижение интереса к нему, говорят о необходимости при рассмотрении темы русского языка в пространстве Русского мира учитывать два контура – внутренний контур (процессы, касающиеся бытия языка в ядре Русского мира – на территории Российского государства, т.е. бытия русского языка в статусе национального литературного языка) и внешний контур (за пределами России); предпринимают попытку оценить статус русского языка в различных регионах Русского мира: в ядре (Россия) и во внутреннем поясе (страны СНГ, на примере республик Центральной Азии). Отмечено, что русский язык является официальным языком пятнадцати крупнейших международных организаций, занимая четвертое место в мире по статусу в международных организациях при использовании в наднациональном общении и второе место по Интернет-контенту (по количеству сайтов на русском языке). Авторы приходят к выводу о необходимости комплексного подхода к заботе о русском языке, о его жизни не только во внешнем

контуре, но и во внутреннем.

Библиографический список включает 22 источника – публикации зарубежных и отечественных авторов на иностранных и русском языках по теме статьи, а также интернет-ресурсы, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний, нуждающихся в устранении, следует отметить использование различных типов шрифтов и их размеров в тексте, а также отсутствие номеров страниц в описании некоторых использованных источников: 1, 2, 7, 9, 14, 15. 17, 19, 22.

Статья соответствует направлению журнала «Философская мысль», отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после устранения недочетов в оформлении.

Англоязычные метаданные

The Epistemological Frontier in the Culture of Science Communication after Paul Feyerabend

Bakumenko Gennady Vladimirovich

PhD in Cultural Studies

Independent researcher

352900, Russia, Krasnodar Territory, Armvir, Mira str., 80, office 1

✉ genn-1@mail.ru



Abstract. The subject of the study is the heuristic potential of the theoretical construct of the "epistemological frontier", which describes the state of scientific knowledge in the context of methodological pluralism. The post-non-classical stage in the development of science is characterized by the coexistence of concepts about the object, formulated in various paradigms and based on different theoretical approaches. The culture of scientific communication, as an area of creation, preservation and development of scientific knowledge, which is the object of our attention, is significantly expanding, including different epistemological traditions. Therefore, there is a methodological need to include in the orbit of theoretical attention the area of scientific knowledge formed between two or more concepts that are not reducible to a common dialectical basis. The purpose of the article is to reveal the descriptive and heuristic potential of the "epistemological frontier" construct for studying the event horizon between the extreme values of the cosmological foundations of scientific creativity designated by P. Feyerabend (Aristotelian and modern, post-Copernican). To achieve this within the framework of philosophical and analytical methodology, the author solves two scientific and cognitive problems: formalizes the construct of "epistemological frontier" and examines its applicability for understanding Feyerabend's philosophy. The theoretical construct of "epistemological frontier" proposed by the author certainly requires further theoretical criticism, including clarification of the limits of its application. Its heuristic potential lies primarily in the fact that it can be used to record the simultaneous validity and truth of contradictory provisions formulated on the basis of various theoretical positions: the multidimensionality of truth, even if it is paradoxical, is thus no longer a sign of the falsity of one of the judgments. The coexistence of contradictory truths is becoming the norm, especially in the field of social and humanitarian sciences.

Keywords: culture of scientific communication, heuristic potential, descriptive potential, epistemological justice, epistemological diversity, epistemological frontier, epistemological dadaism, epistemological anarchism, scientific creativity, Paul Feyerabend

References (transliterated)

1. Feyerabend, P. Democracy, Elitism, and Scientific Method // Inquiry. 1980. Vol. 23, No. 1. P. 3–18.
2. Feyerabend, P. Protiv metoda : Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya / per. A. L. Nikiforova. M.: AST; AST-Moskva; Khranitel', 2007. 416 s.
3. Bakumenko, G.V., Ustrizhitskii, O.V., Gritskevich, V.P. O prakticheskoi znachimosti teoreticheskogo konstrukta «sotsiokul'turnyi frontir» // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2020. № 2 (77). S. 127-131.

4. Kidd, I.J. Feyerabend on Politics, Education, and Scientific Culture // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2016. Vol. 57. P. 121-128.
5. Niaz, M. Feyerabend's Epistemological Anarchism: How Science Works and its Importance for Science Education. Dordrecht: Springer, 2020. 242 p.
6. Shaw, J. Feyerabend, Funding, and the Freedom of Science: The Case of Traditional Chinese Medicine // *European Journal of Philosophy*. 2021. No. 11. P. 1-27.
7. Lynch, W.T. *Minority Report: Dissent and Diversity in Science*. London, UK and New York, NY: Rowman & Littlefield, 2020. 380 p.
8. Lakatos I., Feyerabend P. *For and Against Method: Including Lakatos' Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 463 p.
9. Kasavin, I., Shipovalova, L. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies // *Philosophy of the Social Sciences*. 2022. Vol. 52, No. 5. P. 290-298.
10. Feyerabend, P. *Nauka v svobodnom obshchestve* / per. A. L. Nikiforova. M.: AST, 2010. 378 s.
11. *Science at the Frontiers : Perspectives on the History and Philosophy of Science* / Ed. W. H. Krieger. Lanham, Md.; Plymouth: Lexington, 2011. xiv, 231 p.
12. *The Dynamics of Science : Computational Frontiers in History and Philosophy of Science* / ed. G. Ramsey, A. de Block. Pittsburgh, Pa. : University of Pittsburgh Press, 2022. 308 p.
13. *Frontiers of Science and Philosophy* / ed. R. G. Colodny, C. G. Hempel, W. Sellars [and others]. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. 288 p.
14. Basalaeva, I.P. Kak segodnya izuchat' frontiry? Diskussiya po stat'e D. V. Senya / I. P. Basalaeva, E. L. Dubman, Yu. A. Mizis [i dr.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. S. 81-105.
15. Bakumenko, G.V., Luginina, A.G. Virtualizatsiya sotsiokul'turnogo frontira «Tertius Romae» // *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2022. T. 7, № 1 (25). S. 265-293.
16. Sinel'nikova, L.N. Kontseptual'naya sreda frontirnogo diskursa v gumanitarnykh naukakh // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. T. 24, № 2. S. 467-492.
17. Bergson, A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* / per. M. Bulgakova // *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'*. Mn.: Kharvest, 1999. S. 8-412.
18. Callon, M., Law, J., Rip, A. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*. Basingstoke: Macmillan, 1986. 260 p.
19. Latur, B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* / per. I. Polonskoi. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 384 s.
20. Stepin, V. Historical-Scientific Reconstructions: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge // *Social Sciences*. 2018. Vol. 49, No. 1. P. 58-68.
21. Budanov, V.G., Arshinov, V.I. Bol'shoi antropologicheskii perekhod: metodologiya slozhnostno-setevogo myshleniya. Kursk: Universitetskaya kniga, 2022. 129 c.
22. Delez, Zh., Gvattari, F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* / per. Ya. I. Svirskego. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 896 s.
23. Feyerabend, P. Niels Bohr's Interpretation of the Quantum Theory // *Current Issues in the Philosophy of Science: Symposia of Scientists and Philosophers, (Proceedings of Section L of the American Association for the Advancement of Science, 1959.)* / ed. H. Feigl, G. Maxwell. New York, NY: Holt, Rinehart & Winston, 1961. P. 371-390.

24. Feyerabend, P. Problems of Microphysics // *Frontiers of Science and Philosophy* / ed. R. G. Colondy. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. P. 189-283.
25. Feyerabend, P.K., MacKay, D.M. Complementarity // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1958. Vol. 32, No. 1. P. 75-122.
26. Lakatos, I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm / per. V. Porusa. M.: Medium, 1995. 236 s.
27. Kun, T. Struktura nauchnykh revolyutsii / per. I. Z. Naletova. M.: AST; AST-Moskva, 2009. 320 s.
28. Kent, R. Paul Feyerabend and the Dialectical Character of Quantum Mechanics: A Lesson in Philosophical Dadaism // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2022. Vol. 35, No. 1. P. 51-67.
29. Feyerabend, P. Theses on Anarchism // *For and Against Method* / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. P. 113-118.
30. *For and Against Method* / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. 459 p.
31. Craig, R.T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9, No. 2. P. 119-161.
32. Craig, R.T. Pragmatist realism in communication theory // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 115-128.
33. Craig, R.T. Welcome to the metamodel: A reply to Pablé // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 101-108.

The problem of the unconscious in German post-Hegelian theism, French Spiritualism, Russian religious philosophy in the context of the anthropological turn

Ezri Grigorii Konstantinovich

Senior Lecturer; Department of Pedagogy and Psychology, Blagoveshchensk State Pedagogical University

104 Lenin St., room 341, Blagoveshchensk, Amur region, 675000, Russia

✉ grigoriyezri@mail.ru



Abstract. The subject of the research is the psychologization of the unconscious as a consequence of the anthropological turn. Psychologization is considered on the example of German post-Hegelian theism, French spiritualism, Russian religious philosophy, which are an integral part of the religious philosophy of the XIX – first half of the XX century. The anthropological turn is interpreted in the spirit of Heidegger's philosophy – as a transition of metaphysics into anthropology, of the ontological I into the psychological. The method of historical and philosophical reconstruction allowed conceptually refining the definition of the unconscious, and retrospectively substantiating three models of the unconscious. Using retrospective and comparative methods, the problem of the unconscious is studied and its solutions in the religious philosophy of the XIX – first half of the XX century are compared. The problem of psychologization of the unconscious in the historical and philosophical context as a consequence of the anthropological turn is considered by the author using the example of religious philosophy of the XIX – first half of the XX century; the models of the unconscious are retrospectively substantiated. In addition, the reflection of the teaching on the unconscious of European theists and spiritualists in Russian religious philosophy is studied. It

is shown that in the historical and philosophical perspective, there are three models of the unconscious. The views of European theists and spiritualists on the problem of the unconscious influenced representatives of Russian religious-philosophical thought. Psychologization of the unconscious is connected with the anthropological turn, it became possible as a result of giving the I an individual-substantial character.

Keywords: neo-Leibnizianism, psychoanalytic philosophy, Russian spiritual-academic theism, Russian religious philosophy, German post-Hegelian theism, person, self-consciousness, anthropological turn, consciousness, unconscious

References (transliterated)

1. Pishun S.V. Stanovlenie i razvitie pravoslavnoi personologii v Rossii na protyazhenii XIX veka: avtoref. diss. ... dok. filos. n. M.: MPGU, 1996. 40 c.
2. Lutsenko V.E. Dukhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii i evropeiskii teizm vtoroi poloviny XIX veka: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Ussuriisk: UGPI, 2008. 22 c.
3. Blauberg I.I. Iz istorii frantsuzskogo spiritualizma: filosofiya Zhyulya Lashel'e // Istoriya filosofii. 2021. T. 26. № 1. S. 25–38.
4. Serebrennikov A.V. Nachalo i konets russkoi religioznoi filosofii // Literaturnyi fakt. 2019. № 4 (14). S. 421–429.
5. Berdnikova A.Yu. Neoleibnitsianstvo v Rossii. Istoriko-filosofskii analiz: diss. ... kand. filos. nauk : Moskva, 2016. 167 s.
6. Rostova N.N. Antropologicheskii povorot v filosofii: antropologiya vs ontologiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 456. S. 93–98.
7. Smirnov S.A. Antropologicheskii povorot: ego smysl i uroki // Filosofiya i kul'tura. 2017. № 2. S. 23–35.
8. Khaidegger M. Chto takoe metafizika? M.: Akademicheskii prospekt, 2013. 288 c.
9. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. 447 c.
10. Zolotukhin V.V. Dve osnovnye problemy i dva etapa nemetskogo spekulyativnogo idealizma // Vestnik PSTGU. I: Bogoslovie, filosofiya. 2015. Vyp. 1(57). S. 41–55.
11. Shilkarskii V.S. Problema sushchego. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1917. 342 c.
12. Losskii N.O. Tsennost' i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostei. Parizh: YMCA-PRESS, 1931. 135 c.
13. Avtonomova N.S. Bessoznatel'noe // Novaya filosofskaya entsiklopediya. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c5e8001b7f22d8c1e763> (data obrashcheniya 25.02.2024)
14. Kairov A.I., Petrov F.N. Bessoznatel'noe // Pedagogicheskaya entsiklopediya. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000206/index.shtml> (data obrashcheniya 25.02.2024)
15. Danilevskii I.V. O novom variante ontologii bessoznatel'nogo // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2013. Vyp. 1(13). S. 27–38.
16. Buzadzi V.V. Soznatel'noe i bessoznatel'noe: ontologicheskie aspekty: diss. ... kand. filos. nauk. Saratov: SGTU, 2000. 127 c.
17. Fechner G.T. Elemente der Psychophysik. In 2 vols. Vol. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1860. 360 s.
18. Oze Ya.F. Personalizm i proektivizm v metafizike Lottse. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1896. 478 c.
19. Teikhmyuller G. Bessmertie dushi. Filosofskoe issledovanie. Yur'ev: Pechatnya A.

- Grentsshteina, 1895. 205 c.
20. Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T.2. Paris: Alcan, 1922. 361 p.
 21. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. Mn.: Kharvest, 1999. 1408 c.
 22. Bergson A. Dva istochnika morali i religii. M.: «Kanon», 1994. 384 c.
 23. Emel'yanov B.V. Russkaya filosofiya kak chelovekovedenie. Ekaterinburg: UrFU, 2014. 327 c.
 24. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noi etiki. Parizh: izd-vo «Sovremennye zapiski», sklad YMCA-PRESS, 1931. 320 c.
 25. Lopatin L.M. K voprosu o bessoznatel'noi dushevnoi zhizni // Trudy Voronezhskoi dukhovnoi seminarii. 2020. №12. S. 163-178.
 26. Gribanovskii M. Lektsii po vvedeniyu v krug bogoslovskikh nauk. Kiev: «Prolog», 2003. 249 c.
 27. Andreev A.A. Uchenie o bessoznatel'nom v russkoi filosofii i psikhoanalize // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 457. S. 61–65.
 28. Barmashova T.I. Ideya bessoznatel'nogo v ekzistentsial'noi traktovke lichnosti N.A. Berdyaeva // Filosofiya i obshchestva. 2004. №4. S. 182-195.
 29. Rubinshtein M. M. Ocherk konkretnogo spiritualizma L. M. Lopatina // Logos. M., 1911/1912. № 2/3. S. 243-280.
 30. Leibin V.M. Psikhoanaliticheskie idei i filosofskie razmyshleniya. M.: Kogito-Tsentr, 2017. 780 c.
 31. Frie R. Psychoanalysis, religion, philosophy and the possibility for dialogue: Freud, Binswanger and Pfister. International Forum of Psychoanalysis. 2011. № 21(2). P. 106–116.
 32. Gipps R.G.T., Lacewing M. The Oxford Handbook of Philosophy and Psychoanalysis. Oxford: Oxford University Press, 2019. 777 p.
 33. Meadows S. Psychoanalysis' Look into Fetishism, Philosophy, and Religion. URL: <https://philarchive.org/archive/MEAP-4> (data obrashcheniya 01.10.2024)
 34. Freid Z. Tsivilizatsiya, kul'tura, religiya. SPb: Piter, 2023. 224 c.
 35. Freid Z. Ya i Ono. Izbrannye raboty. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2024. 165 c.
 36. Adler A. Individual'naya psikhologiya i razvitie rebenka. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2017. 146 c.
 37. Yung K.G. Simvolny transformatsii. M.: AST, AST Moskva, 2008. 731 c.
 38. Lakan Zh. Seminary. Kniga 6: Zhelanie i ego interpretatsiya (1958/59). M.: Gnosis/Logos, 2021. 560 c.
 39. Gurevich P.S. Glubiny podsoznaniya i religiya // Filosofskaya antropologiya. 2022. T. 8. № 2. S. 6–16.
 40. Yung K.G. Otnosheniya mezhdu ego i bessoznatel'nym. M.: AST, 2021. 320 c.
 41. Yung K.G. Eon. Issledovaniya o simvolike samosti. M.: AST, 2019. 352 c.
 42. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse. M.: Klass, 1998. 480 c.
 43. Spirova E.M. S. «Dusha» kak fenomen v istoricheskom rakurse // Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: Sb. materialov yubilei. konf.: v 5 t. T. 1. M.: Kogito-Tsentr, 2015. S. 125-128.
 44. Spirova E.M. Simvol v klassicheskom psikhoanalize // Nauchnye trudy Instituta Nepreryvnogo Professional'nogo Obrazovaniya. 2014. №4. S. 66-74.

45. Sutaikina M.V. Simvol kak sposob dukhovnogo osvoeniya mira v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX – nachala XX veka // Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. 2009. №5-1. S. 42-46.
46. Rostova N.N. Soznatel'noe i bessoznatel'noe v religii // Filosofiya khozyaistva. 2015. № 2 (98). S. 153-159.
47. Ferentsi Sh. Teoriya i praktika psikhoanaliza. M.: PER SE, SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 320 c.

The problem of space and time in gravitation from the point of view of the absence of absolutes

Dorokhin Vasily

Head of the Quality Department; Autonomous non-profit organization of additional professional education
'Educational and Technical Center 'Safety'

630110, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Narodnaya str., 30/1, sq. 205

✉ dorokhin.vasilij@yandex.ru



Abstract. The subject of the research is the philosophical problem of space and time in the physics (nature) of gravitation, the change in the theories of gravitation of the specifics of the concepts of space and motion-time with the development of our knowledge of physics in the field of theoretical physics and modern results of experimental physics. Among other things, unexplained phenomena directly related to space and time are investigated, such as nonlocality and confusion, which manifest themselves both in the microcosm – photons, electrons, individual atoms are entangled, and in the macrocosm – particle confusion is detected at kilometer and more distances, the close connection of these new phenomena of modern physics with space-time at macroscopic and quantum levels and the difficulties arising from excessive mathematization in attempts to quantize gravitation, space, and time. The methodological basis of the research is the application of the statement about the absence of absolutes to the problem of space and time in gravity and modern attempts to construct quantum gravity. For the first time, the statement about the absence of absolutes has been applied to the philosophy of gravitation theories, taking into account the latest experimental data concerning the fundamentals of the philosophy of gravitation physics, their correspondence to this statement is discussed. It is shown that the concepts of space and time are global: they manifest themselves both as coordinates in GR and SRT, and as receptacles of hypothetical strings (multidimensional microobjects generating elementary particles). Gravitational objects cannot directly affect space-time, but only create a connection between objects – another object – gravity, assumed by the third form of matter, but not being directly curved, but space-time. This thesis is not a support for Einstein's locality, since it is "local": it refers only to gravity, without touching on the issue of entanglement in quantum mechanics.

Keywords: string theory, quantum gravity, general theory of relativity, energy, probability, quantum, matter, time, space, gravity

References (transliterated)

1. Matematicheskie nachala natural'noi filosofii / per. s lat. A. N. Krylova, M.: Nauka, 1989.
2. Die Grundlagederallgemeinen Relativitätstheorie, Ann. d. Phys., 49, 769 (1916) / per.

- iz knigi: A. *Einshtein*, *Sobranie nauchnykh trudov*, t. 1, «Nauka», M., 1965.
3. *Kosmologische Betrachtungen zur allgemeinen Relativitätstheorie*, Sitzungsber. d. Berl. Akad., 1917, Hf. 1, S. 142 / per. iz knigi: A. *Einshtein*. *Sobranie nauchnykh trudov*, t. I, «Nauka», M., 1965.
 4. *Landau L.D., Lifshits E.M.* *Teoreticheskaya fizika*. T. 2. *Teoriya polya*. M., 1988, str. 362-429.
 5. *Majorana Quirino*. On gravitation. Theoretical and experimental researches. // *Philos.Mag.*, 1920, 39, str. 488-504.
 6. *Dorokhin V.M.* Utverzhenie ob otsutstvii absolyutnosti v prirode i ego sledstviya dlya fiziki//*Filosofskie issledovaniya*. – 2001. № 1, str. 38-58.
 7. *Berkli Dzhordzh*, *Sochineniya*/per. s angl. A.F. Gryaznova, E.F. Debol'skoi, E.S. Lagutina, G.G. Maiorova, A.O. Makovel'skogo: «Mysl'», M., 1978.
 8. *Taranov P.S.* *Anatomiya mudrosti: 120 filosofov*. T. 2.
 9. *Shikhobalov L. S.* «Vremya: substantsiya ili relyatsiya?.. Net otveta»//*Vestnik Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii estestvennykh nauk*. – 1997. N 1 (4). str. 369–377.
 10. *Tumulka R.* Limitations to Genuine Measurements in Ontological Models of Quantum Mechanics//*Foundations of Physics* Bd. 52, H. 5, p.1, September 8, 2022.
 11. *Stiven Khoking* «Kratkaya istoriya vremeni. Ot bol'shogo vzryva do chernykh dyr» / per. s angl. N. Smorodinskoi, SPb.: Amfora, 2000.
 12. *Dorokhin V.M.* Izmerenie skorosti rasprostraneniya gravitatsionnogo vzaimodeistviya v veshchestve//*Izmeritel'naya tekhnika*. 1993. № 3, str.42-43.
 13. *Gershanskii V.F.* Prostranstvo-vremya v yadernoi khromodinamike// *Filosofskie issledovaniya*. – 2001. № 3, str. 142-149.
 14. *McTaggart J.* *The nature of existence*, vol. 2. Cambridge, 1927, Pp. 9-22.
 15. *Berezina T.N.* Veroyatnostnye predstavleniya vremeni // *Filosofskaya mysl'*. 2013. № 11. S. 50-80. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.11.9096 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_9096.html
 16. *Karpenko I.A.* *Filosofskaya interpretatsiya sovremennykh podkhodov k sozdaniyu kvantovoi teorii gravitatsii*//*Filosofiya nauki i tekhniki* – 2018. T. 23. № 1. Str. 54–67.
 17. *Jonathan Oppenheim*. A Postquantum Theory of Classical Gravity? // *Physical Review X* 13, 041040 (2023)//doi: 10.1103/PhysRevX.13.041040.
 18. *B. P. Abbott et al.* Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger//*Physical Review Letters*, 2016 Vol. 116, No. 6. // doi:10.1103/PhysRevLett.116.061102.
 19. *Giulio Chiribella et al.* Bell Nonlocality in Classical Systems Coexisting with Other System Types//*Physical Review Letters*, 2024 Vol. 132, No. 19. doi:10.1103/PhysRevLett.132.190201.
 20. *Pablo Bueno et al.* Nonlocal Massive Gravity from Einstein Gravity//*Physical Review Letters*, 2024 Vol. 132, No. 19. doi:10.1103/PhysRevLett.132.191402.

Virtualization of Reality as a Cultural Universal

Pinskaya Margarita Vladimirovna

PhD in Cultural Studies

Associate Professor; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Russian State Social University

353440, Russia, Krasnodar Territory, Anapa, Turgenev str., 261, room 307

✉ pinskayamv@mail.ru



Sviridova Irina Dmitrievna 

Director; Branch of the Russian State Social University in Anapa

261 Turgenev str., office 211, Anapa, Krasnodar Territory, 353440, Russia

✉ SviridovaID@rgsu.net

Abstract. The subject of the research in the presented article is the cultural practice of virtualization of reality in the mechanism of socio-cultural reflection, stimulating certain vectors of development of society. The appeal to the cultural understanding of this topic is due to the need to focus on the heuristic limitations of reducing the virtualization of socio-cultural processes in society exclusively to the influence of digital technologies, displacing to the periphery of theoretical reflection the problems of the causality of culture and the ability of society to design, as well as to implement a positive image of the future. The object of consideration, accordingly, is the mechanism of socio-cultural reflection – an objective process of society's reaction to changes in the environment and its own development, including understanding of reality in historical and cultural categories available for their time. The ultimate expansion of the concept of virtualization, allowing us to classify this phenomenon as a cultural universal, makes us ask the questions: is culture possible in principle without the virtualization of reality and where is the line between the virtual and the real in socio-cultural processes?

The scientific novelty of the study consists in clarifying the conceptual and terminological apparatus for studying the virtualization of reality, in examining it from a new perspective using examples studied in cultural anthropology, and in establishing individual patterns and typical features of the phenomenon under consideration.

The authors conclude that understanding virtualization as a specific way of orientation of a person and society in the surrounding reality excludes the possibility of reproducing culture without virtual realities common to people.

Keywords: cultural typology, models of virtualization of reality, autonomy of personality, autonomy of consciousness, sociocultural processes, virtualization of reality, sociality, real, virtual, sociocultural frontier

References (transliterated)

1. *Plotichkina N.V.* Mifologiya elektronnoy frontira // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2018. № 1. S. 80–88.
2. *Denisov E.I.* Roboty, iskusstvennyi intellekt, dopolnennaya i virtual'naya real'nost': Eticheskie, pravovye i gigenicheskie problemy // Gigiena i sanitariya. 2019. T. 98. № 1. S. 5–10. DOI: 10.18821/0016-9900-2019-98-1-5-10
3. *Pinskaya M.V.* Problemnye aspekty informatizatsii i informatsionnoy politiki v ramkakh formirovaniya kul'tury internet-kommunikatsii studencheskoi molodezhi // Sovremennye nauchnye issledovaniya: istoricheskii opyt i innovatsii. Sbornik materialov XKh Mezhdunarodnoi (politematicheskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Krasnodar,

8–9 fevralya 2024 g.) Krasnodar: IMSIT, 2024. S. 47–56.

4. *Hermida O.V., Casas-Mas B.* The virtualization of communications with relatives // Journal of Family Studies. 2020. P. 1–24. DOI: 10.1080/13229400.2019.1709531
5. *Merdok D.P.* Fundamental'nye kharakteristiki kul'tury // Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1: Interpretatsii kul'tury / red. L. A. Mostova. SPb.: Universitetskaya kniga, 1997. S. 49–57.
6. *Stepin V.S.* Kul'tura // Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya / red. A. A. Gritsanov. M.: AST; Minsk: Kharvest, Sovremenniy literator, 2001. S. 524–526.
7. *Flier A.Ya.* Kul'turnaya atributsiya kak metod issledovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 6 (68). S. 24–30.
8. *Lee H., Choi Y., Van Nguyen T., Hai Y., Kim J., Bahja M., Hocaoglu H.* COVID19 Led Virtualization: Green Data Center for Information Systems Research // Information Systems Management. 2020. Vol. 37. No 4. P. 272–276. DOI: 10.1080/10580530.2020.1818901
9. *Bakumenko G.V., Luginina A.G.* Virtualizatsiya sotsiokul'turnogo frontira «Tertius Romae» // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. 2022. T. 7. № 1 (25). S. 265–293. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.379
10. *Yakovleva E.V.* Virtual'naya real'nost': pol'za i riski // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2022. T. 92. № 3. S. 32–37.
11. *Egorov N.S.* Kategoriya virtual'nosti v istorii filosofii ot antichnosti do novogo vremeni // Colloquium-Journal. 2019. № 1-2(25). S. 30–41.
12. *Bergson A.* Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat': Per. s fr. Mn.: Kharvest, 1999. 1408 s.
13. *Zhurkov M.S.* K voprosu ob osnovnykh frontirakh teatra // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2019. № 4 (75). S. 14–17.
14. *Zhurkov M.S.* Sotsiokul'turnye frontiry teatra i igry v kontekste mezhpredmetnogo diskursa // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2020. № 1 (28). S. 98–103.
15. *Bakumenko G.V., Ustrizhitskii O.V., Gritskevich V.P.* O prakticheskoi znachimosti teoreticheskogo konstrukta «sotsiokul'turnyi frontir» // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2020. № 2 (77). S. 127–131.
16. *Bakumenko G.V., Biryukov I.L., Scherbak N.F., Luginina A.G.* Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. No 2. P. 15–45.
17. *Kheizinga I.* Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury / per., sost. i vstup. st. D. V. Sil'vestrov; komment. D. E. Kharitonovich. M.: Progress-Traditsiya, 1997. 416 s.
18. *Van Gennep A.* Obryady perekhoda / per. s fr. Yu. V. Ivanovoi, L. V. Pokrovskoi. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 198 s.
19. *Malinovskii B.* Magiya, nauka i religiya / Per. s angl. A.P. Khomika. M.: Akademicheskii proekt, 2015. 298 s.
20. *Lotman Yu.M.* Semiosfera: Kul'tura i vzryv, vnutri myslyashchikh mirov, stat'i, issledovaniya, zametki. SPb.: Art-SPb, 2010. 704 s.

Social Utopia in Victorian Literature (based on the novel by W.G. Hudson "The Crystal Age")

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Social Sciences and Humanities and Technologies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'National Research Moscow State University of Civil Engineering'

129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoye highway, 26

✉ m9288@inbox.ru



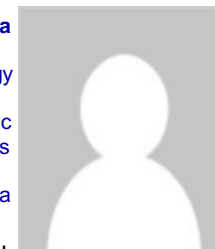
TShovrebova Bella Filushovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Humanities and Natural Sciences; Institute of International Economic Relations

35 Mosfilmovskaya str., office 503-b, Moscow, 119330, Russia

✉ tshovrebova@imes.su



Abstract. The subject of the study is to determine the main features and vectors of development of the Victorian utopia based on the analysis of W.G. Hudson's novel "The Crystal Age". For a long time in the era of antiquity and the Renaissance, one of the main aspects of the development of utopia was the correlation of an ideal society with socio-political, economic transformations and technological discoveries. The New European utopia was in many ways a continuation of this trend, increasingly bringing together the social and technological vectors of utopianism, when social well-being was directly correlated by thinkers with scientific and technological progress, urbanization and mechanization of labor. The Victorian utopia belongs to the period of the second half of the 19th century and combines the features of New European progressivism with the cult of nature, characteristic of sentimentalism and romanticism, and also anticipates some utopian ideas of the coming post-industrial era. W.G. Hudson's novel "The Crystal Age" is a combination of various genres of utopian literature (pastoral utopia, apocalyptic utopia, escapist utopia), and therefore is of particular interest for analysis. The article uses a comprehensive methodological approach combining a descriptive method with a semiotic analysis of the text of the novel, and analyzes the research literature on Victorian utopian literature. The scientific novelty of the research is determined by the little-studied nature of W.G. Hudson's novel "The Crystal Age" in modern cultural and philosophical discourse, despite the fact that the novel contains certain ideas unique to that era, for example, the ideas of conscious consumption, excluding satiation and waste of resources. This thesis fully corresponds to the ecosophical strategy of the post-industrial era, but it is completely out of character for 19th-century industrialism. At the same time, the novel lacks a technotopian view of scientific discoveries and technical inventions as a guarantee of social well-being. In the "Crystal Age", technologies that are ahead of the time of writing are not depicted at all. The basis of the utopia of the "Crystal Age" is the anthroposocial transformation of society, the change of human nature along with the social structure. The socio-philosophical and socio-cultural significance of Hudson's novel is very high, since this work reflects the transformation of social relations, the way of life and the value system of the Victorian era: the changing role of women in society and the family, the desire to harmonize man with the natural environment in conditions of rapid industrialization.

Keywords: Lewis Mumford, social utopianism, sentimentalism, pastoral, The Crystal Age, utopia, dystopia, William Henry Hudson, The Victorian novel, Victorian culture

References (transliterated)

1. Beaumont, M. Utopia Ltd.: Ideologies of Social Dreaming in England 1870–1900 /

- Leiden, Brill Academic Publishers, 2005.
2. Claeys G. The Cambridge Companion to Utopian Literature / Cambridge University Press, 2010.
 3. Cunningham L. Culture and Values: A Survey of the Humanities / V.2, Lawrence S. Cunningham, John J. Reich. Wadsworth, 2005.
 4. Levitas R. The Concept of Utopia / Bern, 2010.
 5. Manuel F. Utopian Thought in the Western World / The Belknap Press of Harvard University Press, 1997.
 6. Mumford, L. The story of utopias / introd. by the auth. – 7. print. – New York: Viking press, 1971.
 7. Novak, C. Dreamers in dialogue: evolution, sex and gender in the utopian visions of William Morris and William Henry Hudson / Acta Neophilologica. University of Ljubljana, 2013. DOI: 658046.10.4312/an.46.1-2.65-80.
 8. Sargent L. Utopianism: A Very Short Introduction / Oxford University Press, 2010.
 9. Suvin, D. Victorian Science Fiction in the UK: The Discourse of Knowledge and Power / Boston, G. K. Hall, 1983.
 10. The Encyclopedia of Science Fiction // ed. By Clute J., Nicholls, P. New York, St. Martin's Press, 1993.
 11. Wood, Jane. Passion and Pathology in Victorian Fiction / Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198187608.001.0001
 12. Al'-Mamori Ya. Antiutopiya, postapokaliptis i kinematograficheskoe chtenie // Filosofiya i kul'tura. 2022. № 4. S. 1-8. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.4.37808 URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_37808.html
 13. Bezkorovainaya G.T. Yazykovye markery kontsepta «viktorianskaya moral'» kak elementa natsional'noi kul'tury britantsev v zerkale realisticheskogo romana XIX veka. // Vestnik kul'turologii. 2024. № 2 (109).
 14. Zyкова E.P. Pastoral' v angliiskoi literature XVIII veka. M., 1999.
 15. Klees, G. Utopiya i utopizm: istoriya osmysleniya ponyatii // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy. 2018. № 3.
 16. Konak A.A. Retseptsiya Sharlottoi Bronte romannogo tvorchestva Semyuela Richardsona // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. № 8.
 17. Sventokhovskii A. Istoriya utopii. Ot antichnosti do kontsa XIX veka / per. s pol'skogo E. Zagorskogo; vstupitel'naya st. A. R. Lednitskogo. – Izd. 2-e. – Moskva: Knizhnyi dom "Librokom", 2011.
 18. Shatskii E. Utopiya i traditsiya / Obshch. red. i poslesl. V. A. Chalikovoi. – Moskva: Progress, 1990.
 19. Fogt A. Sotsial'nye utopii / per. s nem. N. Storozhenko, izd. 2-e, ster. – Moskva: KomKniga, 2007.
 20. Shishkova Irina Alekseevna Sentimentalistskaya revolyutsiya i viktorianskie tsennosti v literature SShA // Vestnik KGU. 2019. № 2.

The development of the concept of personality: from individuality to autonomy

Postgraduate student; Tver State Technical University

170001, Russia, Tver region, Tver, lane. The first Krasnaya Sloboda, 3, p. 6, sq. 236

✉ maksim-potapov-98@yandex.ru



Abstract. The article analyzes the process of development of the concept of personality in the history of philosophy. Attention is paid to a brief examination of the ideas about the essence of man peculiar to ancient philosophers (using the example of the iconic thinkers of the classical period – Plato and Aristotle). It is argued that during the dogmatic design of the Christian worldview, a concept of personality close to the modern one was developed, which was reflected in the philosophical works of medieval authors. The philosophers of the Renaissance and Modern times brought their novelty to the understanding of personality, focusing primarily on its autonomous character. The relevance of the analysis is determined by the fact that the evolution of the concept of personality traced in it is not complete, in modern philosophy there are many different approaches to understanding this concept, however, according to the author, such a direction of philosophical thought as personalism inherits the historical and philosophical tradition, continuing to develop our ideas about personality, enriching them with new aspects arising as a result of the strengthening of the technological component of social life. The philosophical and methodological basis of the research is a comparative analysis of the ideas of specific philosophers about the essence of man, which contributed to the formation of the modern concept of personality. The results of the comparative analysis carried out by the author have elements of scientific novelty, confirming the development of the concept of personality in the history of philosophy, corresponding to the worldview evolution from cosmocentrism through theocentrism to anthropocentrism. It is noted that in cosmocentric representations of the human essence, the search for mechanisms for the formation of individuality, included in the world order and experiencing constant influence from both their inner motives and other people, society, prevailed. Medieval theocentric concepts of personality focused on Divine providence, at the same time elevating man as the image and likeness of God above the created world around him. Subsequently, philosophical thought, while preserving mainly the previously developed ideas about personality, added to them an essentially new understanding of the human personality as an autonomous principle.

Keywords: personality, cosmocentrism, synergy, theosis, hypostasis, persona, autonomy, individuality, theocentrism, anthropocentrism

References (transliterated)

1. Bandurovskii K. V. Lichnost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya V 4-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 2010. S. 400-401.
2. Platon. Fedon. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450190000>
3. Platon. Gosudarstvo. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf
4. Platon. Protagor. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Losev/plato0117.pdf?ysclid=m2svcl7jak107720528>
5. Aristotel'. Nikomakhova etika. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf
6. Aristotel'. O dushe / per. s dr.-grech. P. S. Popova. M.: RIPOL klassik, 2020. 260 s.
7. Svyatitel' Afanasii Aleksandriiskii o khristianskom uchenii i zhizni s Bogom. URL:

- <https://georgievka.cerkov.ru/2022/05/15/svyatitel-afanasij-aleksandrijskij-o-xristianskom-uchenii-i-zhizni-s-bogom/>
8. Nesmelov V. I. Nauka o cheloveke. T. 1. SPb.: Izdanie Tsentra izucheniya, okhrany i restavratsii naslediya svyashchennika Pavla Florenskogo, 2000. 396 s.
 9. Prepodobnyi Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2009. 592 s.
 10. Meiendorf I., prot. Vizantiiskoe bogoslovie. Istoricheskie tendentsii i doktrinal'nye temy. Mn.: Luchi Sofii, 2001. 336 s.
 11. Losskii V. N. Bogovidenie. M.: AST, 2006. 759 s.
 12. Myshkina S. S. Ideya lichnosti v khristianskoi kul'ture srednevekov'ya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 11. 2009. S. 123-131.
 13. Shkuratov V. A. Istoricheskaya psikhologiya. M.: Smysl, 1997. 505 s.
 14. Avrelii Avgustin. Ispoved' / per. s lat. M .E. Sergeenko. M.: RIPOL klassik, 2019. 416 s.
 15. Akvinskii Foma. Summa Teologii / per. s lat. S. I. Eremeeva, A. A. Yudina. Chast' 1. Kiev: El'ga; Moskva: Nika-Tsentr, 2002. 575 s.
 16. Neretina S. S. Abelyar i osobennosti srednevekovogo filosofstvovaniya. Teologicheskie traktaty. M.: Progress, Gnozis, 1995. 413 c.
 17. Damaskin Ioann. Istochnik znaniya. M.: Indrik, 2002. 414 s.
 18. Petrarka Franchesko. O sredstvakh protiv prevratnostei sud'by. URL: <https://dailymoscow.ru/saratov/47761-o-sredstvax-protiv-prevratnostei-sudby-francesko-petrarka>
 19. Rotterdamskii Erazm. Pokhvala gluposti. URL: <https://lib.ru/FILOSOF/ERAZM/pohwala.txt>
 20. Kuzanskii N. Ob uchenom neznanii. URL: <https://opentextnn.ru/man/kuzanskij-n-ob-uchenom-neznanii-1440/?ysclid=m2srxuboxe706590382>
 21. Dekart Rene. Razmyshleniya o pervoi filosofii. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_descartes_meditationes_de_prima_philosophia.htm?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
 22. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_locke_an_essay_concerning_human_understanding_book-1.htm
 23. Kant I. Kritika chistogo razuma. Rostov n/D.: Feniks, 1999. 672 s.
 24. Tikhomirov L. A. Khristianstvo i politika. M.: GUP «Oblizdat», TOO «Apir», 1999. 616 s.
 25. Gegel' G. V. F. Fenomenologiya dukha. 2-e izd. M.: Akad. proekt, 2014. 490 s.

Technosophy: methodological resources

Pluzhnikova Natalia Nikolaevna 

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Humanities; Moscow Polytechnic University

140050, Russia, Moscow region, village. Kraskovo, Shkolnaya str., 2/3, sq. 98

✉ pluzhnikova@bk.ru

Saenko Natalya Ryafikovna

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Humanities; Moscow Polytechnic University

Pavel Karchagin str., 22, Moscow, 107023, Russia

✉ rilke@list.ru



Abstract. The article, addressing the processes of technical and technological renewal and transformation of modern culture, comprehensively analyzes the phenomenon of the emergence of a new branch of socio-cultural and scientific-philosophical knowledge – technosophy. Special attention is paid to the research and purposeful study of the changes taking place in private and general scientific and philosophical methodology after the emergence of technosophy and its consolidation as an independent field of knowledge about the world of technology surrounding man.

The subject of the research is technosophy as a new branch of modern scientific and philosophical knowledge. Given the relevance and degree of elaboration of the research topic, we point out that the main problem of the study lies in the lack of a holistic understanding of this industry, as well as the heuristic significance of the methodological resources used by it in understanding the existence of man, society and culture. The methodological and theoretical basis of the research was a scientific and theoretical analysis of the history of philosophical thought, dialectical principles of development, objectivity and a concrete historical approach, which are of the most important methodological importance in the study of technosophy. The study uses general scientific principles of cognition in their concretization in relation to the study of society, as well as a comparative method for the study of technosophy. Technosophy is considered as a set of ways and approaches to reveal the essence of the processes of interaction between the person himself and the objects of technology created by him. It is noted that the modern cultural and historical era, in terms of acquiring new features, is marked by a radical change in the overall role and purpose of technical devices in human life and society. The authors consider the processes of updating and transforming the traditional scientific and philosophical methodology of studying and analyzing the world of technology from the point of view of forming a new cultural axiology, searching for solutions to problems related to this process. The authors conclude that Modern man and humanity, tightly surrounded by the technosphere they created from all sides, are entering an era of radical revision and changes in all the basic parameters of optimizing their own existence. In this regard, technosophy can act as a new branch of scientific and philosophical knowledge, describing not only these changes, but also the thinking of modern man.

Keywords: power, management, methodology, culture, society, human, technology, technosophy, technic, digitization

References (transliterated)

1. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. New York: Penguin Books, 1999.
2. Epshtein M. N. Tekhnosofiya i drugie «sofii» // Epshtein M. N. Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
3. Epshtein M. Debut de Siecle, ili Ot Post- k Proto-. Manifest novogo veka // Znamya. 2001. № 5. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1435>. (data obrashcheniya: 21.10.2024).
4. Lazarevich A.A. Ot tekhnologii k tekhnosofii: Kontury novoi gumanitaristiki //

- Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti: trudy 2-i Mezhdunarodnoi konferentsii (7-8 fevralya 2019 g., Moskva). M.: IPM im. M.V.Keldysha, 2019. S. 42-50.
5. Avdulov A. N. 2000. 04. 001. Koatec Dzh. Perspektivy tekhnologii na blizhaishie 25 let: vozmozhnosti i riski. Coates J. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21st century technologies: promises and perils of dynamic future. – P.: OECD, 1998. – P. 33-46.
 6. Koval'chuk M. V., Naraikin O. S., Yatsishina E. B. Konvergentsiya nauk i tekhnologii – novyi etap nauchno-tekhnicheskogo razvitiya // Voprosy filosofii. 2013. № 3. S. 3-11.
 7. Kudrin B. I. Tekhnika: novaya paradigma filosofii tekhniki (tret'ya nauchnaya kartina mira). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998.
 8. Ellul J. La Revolution l'autre. Le gal technologique nouveau avec le Monde (Ellyul' Zh. Drugaya revolyutsiya // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade). M.: Progress, 1986. S. 147-152.
 9. Glozman A.B. Tekhnika, tekhnika i bioevolyutsiya // Vestnik Mosk. u-ta. Ser. 7. № 5. 2010. S. 83-103.
 10. Yudin B.G. Nauka v obshchestve znaniy // Voprosy filosofii. 2010. № 8. S. 45-57.
 11. Beaglehole E. Evaluation Techniques for Induced Technological Change // International Social Science Bulletin, Vol. VII, No. 3 (1955). Pp. 376-386.
 12. Bernard L. Invention and Social Progress // *American Journal of Sociology*, Vol. 29 (July 1923). Pp. 1-33.
 13. Crozier M. La Civilisation technique. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/jacques-ellul-the-technological-system> (data obrashcheniya: 14.01.2024).
 14. Fried J. The Social and Economic Role of Technicians // *International Labour Review*. Vol. 55 (June 2005). Pp. 512-537.
 15. Goodman L. *Man and Automation*. England: Penguin Books, 1957.
 16. Ellul J. *Présence au monde moderne*. Geneva: Roulet; 1948. URL: https://archive.org/details/presenceofkingdo0000ellu_i1p2/page/n7/mode/2up (data obrashcheniya: 21.03.2024).
 17. Semal L. Bernard Charbonneau et Jacques Ellul, 2014, Nous sommes des révolutionnaires malgré nous. <https://doi.org/10.4000/developpementdurable.11313>.
 18. Yaspers K. Sovremennaya tekhnika. Perevod na russkii yazyk: M. I. Levina. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. Sbornik statei. M., 1986 // Elektronnaya publika tsiya: Tsentrum gumanitarnykh tekhnologii. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6331>. (data obrashcheniya: 23.09.2024)
 19. Epshtein M. Tekhnika-religiya-gumanistika // Voprosy filosofii. 2009. № 12. S. 19-29.
 20. Denisova T.T. Ot filosofii tekhniki – k tekhnosofii // *Russian Studies in Culture and Society*. 2019. № 6. S. 34-44.
 21. Samuelson P. *Economics, an Introductory Analysis*. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1991.

Russian language in the space of the Russian World: from status determination to the postulation of care

Babaeva Anastasiya Valentinovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603157, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1, office 405

✉ dff1890@yandex.ru



Abstract. The focus of this article is on the problem of determining the status and role of the Russian language in the space of the Russian world. The author attempts to revise the fundamental approaches: ideological, cultural and linguistic-semiotic, which have been identified in domestic research on this issue over the past decades, and assess the relevance of the approaches today. The solution of this task requires, first of all, an analysis of the content of the concept of the "Russian World" in terms of its basic principles in order to fix the fundamental factors determining the identity of the cultural and civilizational community called the Russian World. Such an analysis in itself constitutes a problem area, since science has not developed a unified and clear approach to interpreting the content of the concept. This entails a whole range of problems. The research methodology is based on theoretical analysis and synthesis, as well as generalization of analytical sources. The theoretical framework of the work is based on the thesis that Russia is the core of a special civilizational community. Russian language is a leading factor of identification in the process of development of the Russian world, from the moment of the origin of the phenomenon to the present, the author argues that the importance of the Russian language as a leading factor of identification in the process of development of the Russian world is gradually decreasing. The reasons for this kind of change should be sought not only in the fields of politics and economics, but also in the field of culture, both in the external circuit and in the internal one. The author believes that the process of transformation of the functional of the Russian language and the decrease in the importance of its role in identification processes has not only objective and legitimate reasons. Negative factors adversely affect the Russian language and create certain threats. In support of this position, theoretical arguments based on historical sources, the work of modern authors and the results of empirical research are presented.

Keywords: history, ontological, space-time, politics, culture, civilization, identification, Russian world, Russian language, axiology

References (transliterated)

1. Pen'kova E.A. Russkii mir kak faktor sotsial'noi identifikatsii rossiiskoi molodezhi: avtoreferat dis. kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04. M., 2012.
2. Laruelle M. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Center for Global Interests. 2015.
3. Tiido A. The «Russian World»: the blurred notion of protecting Russians abroad. Polski Przegląd Stosunków Międzynarodowych. Warszawa: Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego, 2015. 5. P. 131-151.
4. O'Loughlina J., Toal G., Kolossov V. Who identifies with the "Russian World"? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // Eurasian Geography and Economics, 2016. Vol. 57, No. 6, 745-778. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
5. Desnitsky A. The "Russian World": The Birth of a Mythologeme. 2023. URL: <https://doi.org/10.55167/4b8842caee76>

6. Hovorun S. Interpreting the Russian World // *Churches in the Ukrainian Crisis*. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 163-171.
7. Aleinikova, S.M. «Russkii mir»: belorusskii vzglyad: monografiya. Minsk: RIVSh. 2017.
8. Tishkov V. A. Russkii mir: Smysl i strategiya Rossii // *Povestka dnya dlya Rossii: Analiticheskie materialy Fonda "Edinstvo vo imya Rossii" za 2007–2008 gody*. M.: Forum, 2009. – С. 185-203.
9. Narochnitskaya N.A. Russkii mir. SPb.: «Aleteiya». 2007.
10. Nikonov V. A. Ne vospominaniya o proshlom, a mehta o budushchem // *Smysly i tsennosti Russkogo mira. Sbornik statei i materialov kruglykh stolov, organizovannykh fondom «Russkii mir»*. M., 2010. S. 4-14.
11. Yakovleva A.F. Transgranichnost' kak tsivilizatsionnaya osobennost' Russkogo mira // *Russkii mir kak tsivilizatsionnoe prostranstvo / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; Pod red. A.A. Guseinova, A.A. Kara-Murzy, A.F. Yakovlevoi*. M.: IFRAN, 2011. S. 270-291.
12. Khobsbaum E. Yazyk, kul'tura i natsional'naya identichnost' // *Logos*. 2005. № 4 (49). S. 33-43.
13. Billing M. Natsii i yazyki // *Logos*. 2005. № 4 (49). S. 44-70.
14. «Slovo na obnovlenie Desyatinnoi tserkvi», ili k istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevnei Rusi / A.V. Nazarenko.-Moskva: Svyato-Ekaterinskii muzhskoi monastyr'; Bryussel': Arkhiv russkoi emigratsii. 2013.
15. Grei K. Germaniya. Polnaya istoriya strany. M.: AST. 2021.
16. Beloborodova I. N. Etnonim "nemets" v Rossii: kul'turno-politologicheskii aspekt // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2000. № 2. S. 96-102.
17. Poslanie smirennogo episkopa Simona Vladimirskogo i Suzdal'skogo k Polikarpu, chernoriztsu Pecherskomu / *Kievo-Pecherskii paterik*. SPb.: Nauka, 1997. – T. 4: XII vek. Podgotovka teksta L. A. Ol'shevskoi, perevod L. A. Dmitrieva.
18. Kamysheva S.Yu. Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire – 2023: k godu russkogo yazyka v stranakh SNG // *Russkii yazyk za rubezhom*. 2023. № 4. S. 86-90.
19. Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire: indeks global'noi konkurentosposobnosti (GK-Indeks), indeks ustoichivosti v stranakh postsovet'skogo prostranstva (US-Indeks). Vyp. 3 / A. L. Aref'ev, V. A. Zhil'tsov, S. Yu. Kamysheva, T. V. Nesterova, A. A. Filippova; pod red. S. Yu. Kamyshevoi. M. 2023.
20. Khaidzhu Yui Sovremennoe polozhenie russkogo yazyka v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii // *Postsovet'skie issledovaniya*. 2020. T.3. № 3. S. 250-270.
21. Belov S.A., Kropachev N. M., Solov'ev A.A. Razrabotka kontseptsii i normativno-pravovoe obespechenie gosudarstvennoi yazykovoi politiki Rossiiskoi Federatsii // *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2017. T. 8. Vyp. 1. S. 42-61. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.103.
22. Maksimova S.G., Omel'chenko D.A., Noyanzina O.E. Yazyk, etnichnost' i grazhdanstvennost' v identifikatsionnoi matritse zhitel'ei regionov Rossii: sotsial'no-demograficheskie i sotsiokul'turnye faktory (po dannym sotsiologicheskogo issledovaniya) // *Yazykovoe mnogoobrazie v rossiiskikh regionakh: vozmozhnosti razvitiya: kollektivnaya monografiya / pod obshchei red. d-ra sotsiol. nauk, prof. Shaikhislamova R.B.*.Ufa: RITs BashGU, 2021.